

ЧЕЛО

альманах

№ 2[42] 2008

Издаётся с 1995 года

Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого

РУИНЫ ПРЕХОДЯЩИ, А МАСТЕРСТВО ВЕЧНО

«В списке проектных и исследовательских работ, выполненных Красноречевым за всю его творческую жизнь, значится свыше 70 объектов древнерусской архитектуры. Среди них — Вяжицкий монастырь, архитектурный ансамбль XVII—XVIII вв., ц. Спаса на Ковалёве XIV в., архангела Михаила и Благовещенья на Торгу XVI—XVII вв., Иверский монастырь и множество других древнерусских построек. Можно назвать не менее сотни старинных сооружений, которые он попутно выявил на территории области, десятки научных статей, отчётов, книг. Но есть в этом необозримом перечне два объекта, которые воистину стали «звездой пленительного счастья»...»

Статью И.Д. Савиновой читайте на с. 78–85.

СОДЕРЖАНИЕ:

новгород	
<i>С.В. Трояновский</i> — Достояние республики	3
<i>Е.А. Рыбина</i> — От сватовства до свадьбы	12
зодчество	
ГРАНОВИТАЯ ПАЛАТА РАСКРЫВАЕТ СВОИ ТАЙНЫ	
<i>В.А. Ядрышников</i> — О датировке и назначении Владычной платы	15
<i>Д.Е. Яковлев</i> — Реконструкция первоначального облика Владычной палаты	20
<i>Л.А. Секретарь</i> — К истории Покровского Зверина монастыря	24
эхо	
<i>В.И. Поветкин</i> — Кто они — гудцы на печатных глиняных водолеях XVI века?	28
<i>М.И. Васильев</i> — Новгородские ярмарки	36
<i>М. Толстой, граф</i> — Торжество тысячелетия России в 1862 году <i>Из воспоминаний очевидца об открытии в Новгороде памятника тысячелетию России</i>	44
<i>В. Кренке</i> — К истории памятника тысячелетию России	47
<i>Н.Г. Тимон</i> — Научно-просветительская деятельность НОЛД	48
<i>Г.М. Коваленко</i> — Новгородские купцы в Стокгольме	50
extranea	
<i>Иоганн Коль</i> — Великий Новгород	58
архив	
<i>Элизабет Лёфstrand</i> — Рыбы и птицы Новгородской земли	61
<i>Л.А. Филиппова</i> — История одной фотографии	65
имена	
<i>М.А. Цветков</i> — Жизнь и деятельность архиепископа Геннадия Новгородского	69
мастера	
<i>И.Д. Савинова</i> — Руины преходящи, а мастерство вечно	71

	кафедра	
<i>В.Л. Васильев, Н.Н. Вихрова</i> — Топонимические свидетельства о древненовгородских двусловных личных именах, не отмеченных письменностью		86
	вернисаж	
<i>Т.В. Володина</i> — Держава Рериха		95
	родники	
<i>В.И. Поветкин</i> — Приношение Великому Новгороду к его 1150-летию		101
	слово	
<i>В.И. Ярыш</i> — Трейлерная психология творчества		105
<i>А.Ф. Урьева</i> — Новгород лечил мою душу		110
	exlibris	
<i>Н.И. Морылёва</i> — «Да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу...»		112

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Барканова Е.В.
(главный редактор)

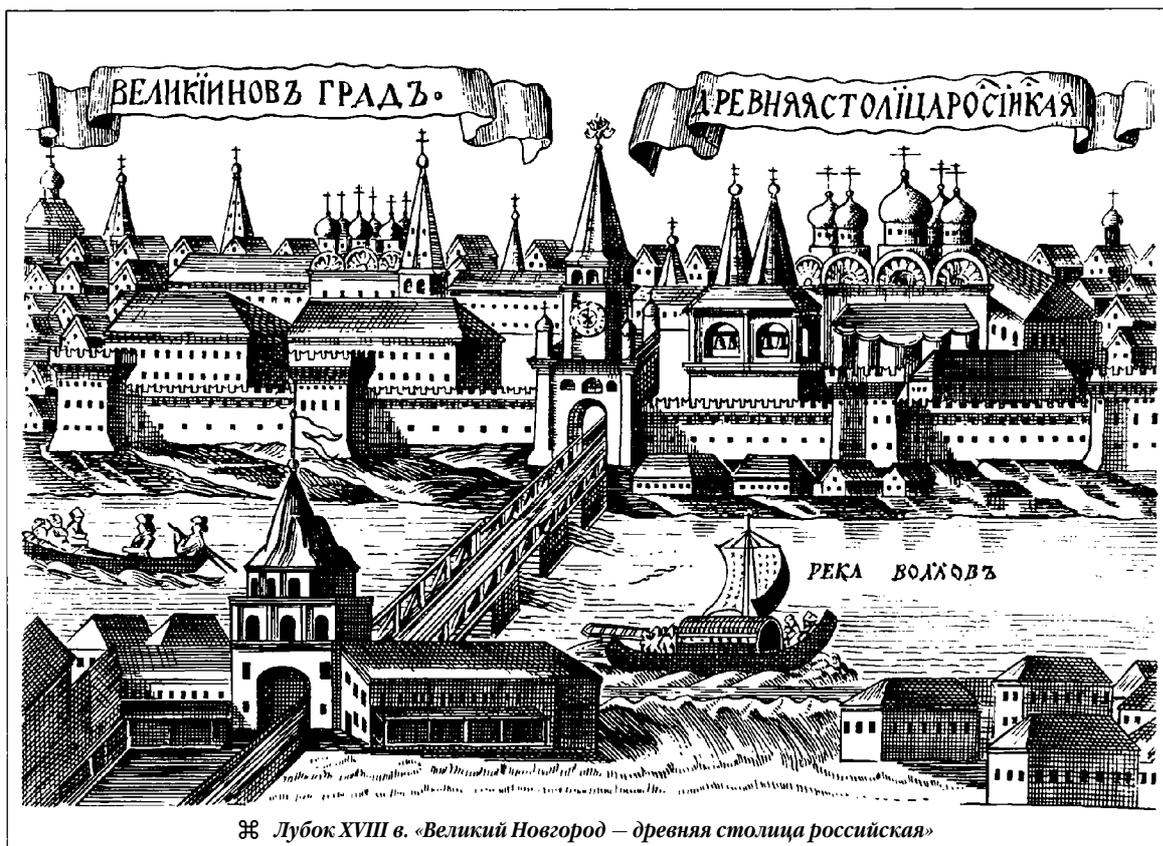
Бурьяк М.К.
Витушкин С.Ф.
Данько Т.А.
Дудкин В.В.
Зозуленко Т.Б.
Коваленко Г.М.

Морылёва Н.И.
Петрова Л.А.
Поветкин В.И.
Савинова И.Д.
Сакса А.И.
Секретарь Л.А.
Сигалова Т.Н.
Ядрышников В.А.
Ярыш В.И.

ДОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ

Расширить границы научного познания древней столицы Приильменя был призван недавний проект изучения подводных остатков средневекового Великого моста, с успехом реализованный на базе Новгородского общества любителей древности и Новгородской федерации подводной деятельности. Результатам этих исследований и некоторым другим аспектам археологической, то есть материальной истории Новгородской республики, посвящена предлагаемая статья.

⌘ Лубок XVIII в. «Великий Новгород — древняя столица российская»

Любая история начинается с географии. Не исключение в этом смысле и история Новгородской республики, многие черты которой с самого начала были обусловлены природным расположением города и особенностями климата, серьёзно влиявшими на мобилизацию горожан как в повседневности, так и во времена политических конфликтов и опасных стихий.

Волхов — единственная река, которая вытекает из озера Ильмень, хотя впадает в него около сотни больших и малых рек. Почти вся территория Приильменя представляет собой плоскую равнину, находящуюся на отметках 20—60 м над уровнем Балтийского моря. Особенностью этой территории, обусловленной историей формирования и климатом, является её чрезвычайная увлажнённость, то есть значительное преобладание осадков над испарениями. Волхов является молодой рекой, хотя русло реки приурочено

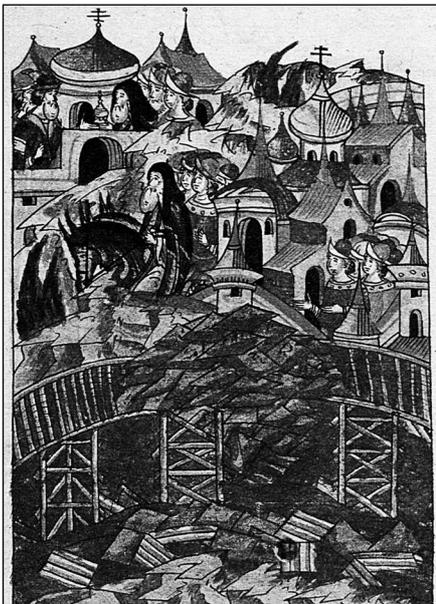
к древней дочетвертичной долине. В зимний период Волхов на участке исторического центра Великого Новгорода замерзает только при температуре воздуха ниже -15°C , в остальном температурном диапазоне река от истока до южной линии Окольного вала остаётся свободной ото льда. Максимальный подъём уровня воды в реке в паводок, начинающийся в апреле, может составлять 4–5 метров. Половодье растягивается на период с апреля по июль вследствие малого уклона русла реки и влияния огромного бассейна озера Ильмень.

Частым явлением на Волхове является движение реки вспять, которое зафиксировано летописями в 1063, 1162, 1176, 1325, 1373, 1376, 1415 и 1525 гг., и продолжалось до недавнего времени, несмотря на появление в 1922 году Волховской ГЭС, осуществляющей регулируемый сброс воды.

Особенности гидрорежима делали исключительно неудобной для мостостроения разделявшую Новгород реку Волхов. Традиционный для Древней Руси наплавной мост оказывался под угрозой сноса сильным течением или льдом, а зимняя переправа по льду просто невозможна, ведь река замерзает лишь при критических температурах и то лишь на несколько дней. Новгородские летописи содержат многочисленные сообщения о катастрофических последствиях наводнений для моста: «Бысть вода велика в Волхове, яко же не бысть бывала николи же, [...] и снесе великого моста 10 городень» (1338 г.); «Того же лета иде лед силенъ изъ озера, и вышибе

обнаружены при раскопках в Москве у древнего ручья Чертороя; сохранялись они до недавнего времени и на Русском Севере³.

О стационарных мостах, к которым относят и новгородский Великий мост, в отечественной историографии сложилось устойчивое мнение, что в основе их устройства находились срубные «городни», набитые землёй и камнями. В основе этого мнения, по всей видимости, легло употребление в древнерусских источниках термина «городня» как для обозначения мостовых опор, так и для срубных конструкций, использовавшихся в Древней Руси при строительстве крепостных укреплений.

✂ Изображение Великого моста на летописных миниатюрах

изъ великаго мосту городню» (1406 г.); «бысть вода велика [...] и снесе Великий мост» (1421 г.); «выломи ледом ночь мержею у великого мосту 7 городень» (1436 г.)¹.

Столь сложные природные условия оказали решающее значение при выборе новгородцами конструктивного устройства моста. Для того, чтобы иметь надёжное и непрерывное сообщение между частями города, им пришлось озаботиться сооружением многосезонного моста, причём уже на ранней стадии существования города.

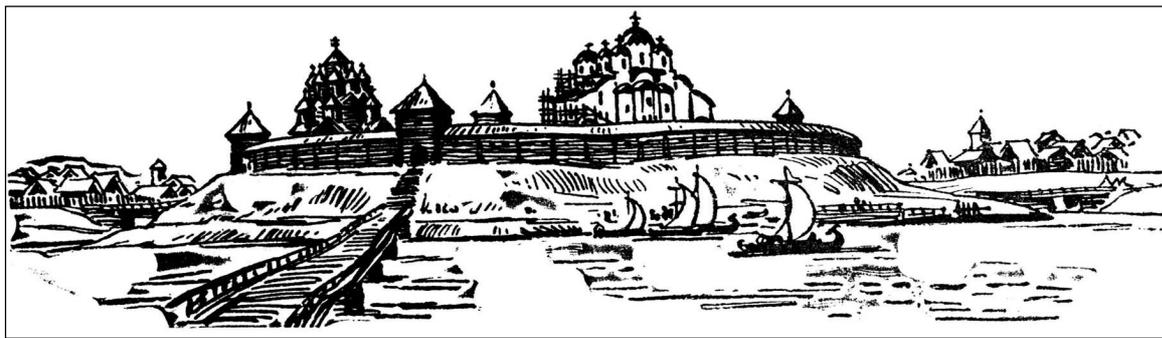
Древнейшее достоверное упоминание моста в Новгороде относится к 1133 г. В последующем мост упоминается регулярно, в основном в связи с его ремонтами и поновлениями после наводнений или пожаров. Название «Великий» появляется лишь в 1220-х годах: «Тои же осени бысть вода велика въ Вълхове: поима около озера сена и по Волхову. Тогда помързъшию озеру и стоявию 3 дни, и въздре угъ ветръ, изламавъ, вънесе все въ Вълхово, и въздре 9 городень великаго моста, и принесе къ Питбе подъ святымъ Николу 8 городень въ ночь, а 9-ю рознесе, месяца декабря въ 8 день, на святого Пататия»².

О конструкциях мостов через Волхов периода новгородской независимости (X–XV вв.) известно крайне мало, как и в целом о древнерусском мостостроении. Исследователи обычно отмечают, что строительство мостов на Руси началось в глубокой древности, а их конструкции напоминали простейшие «лавы» — перекинутые через узкий проток 2–3 ряда бревён, опирающихся на сваи. Остатки подобных конструкций были

Конструкция крепостных городней была детально изучена при раскопках древних стен Новгородского кремля. Действительно, это были дубовые четырёхугольные срубы, заполненные культурным слоём и состыкованные в линию стены⁴.

Среди немногих аналогий новгородскому мосту упоминаются остатки срубной городни XVI века, также обнаруженной в Москве. Треугольная в плане конструкция этой городни была обращена остриём против течения реки Неглинной, а основание — к одной из башен Московского кремля. Сруб был закреплён вертикально врытыми у нижнего венца сваями. Автор публикации отмечает, что подобная конструкция, найденная на берегу, вряд ли использовалась на глубоком месте⁵. Кроме того, в исследованиях по истории древнерусского мостостроения принято широко использовать аналогии мостов на срубных быках, сохранявшихся до 1960–1970-х годов на северных русских реках⁶. Исходя из северных аналогий за Волховским мостом в Новгороде, несмотря на отсутствие каких-либо физических свидетельств, прочно закрепилась репутация моста ряжевого типа⁷.

В то же время, судя по издававшимся ещё в начале XX века пособиям по деревянному мостостроению, конструктивное устройство мостовых опор выбиралось в зависимости от характера грунта реки. В одном из таких пособий указывается, что *ряжевые оторы (быки)*, применяются «при скалистом и при весьма слабом грунте, не допускающем забивки свай». Конструкция *свайных*

⌘ Вид Новгородского Детинца в середине XI в. Реконструкция Л.Е. Красноречьева. 1960-е гг.

опор (быков) состоит «из забитых в грунт свай и элементов, приводящих сваи в жесткую и устойчивую систему. В России это наиболее употребительный тип быков»⁸.

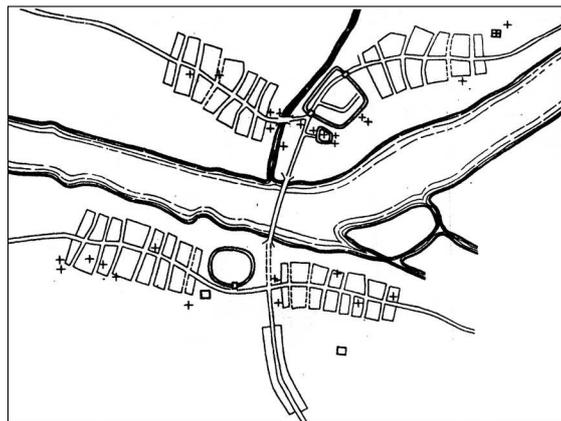
Ответы на вопросы о времени появления древнейшего моста Новгорода, а также его локализации связаны с более широкой проблемой возникновения и становления городской инфраструктуры. Рассматривая вопрос о локализации моста, нам придётся иметь дело не с установлением однажды выбранного места его нахождения, а с изучением динамики его перемещения, о чём прямо говорят летописные сообщения: «...делаши мостъ вьсь чересь Волхово, по стороне ветъхаго, новъ вьсь» (1144 г.)⁹; «...томъ же лете делаши мостъ новъ чересь Волхово по сторону ветъхаго» (1188 г.)¹⁰.

Попытки реконструкции трассы древнейшего моста, основанные на исторических сведениях, предпринимались неоднократно, но успешными их назвать нельзя. К сожалению, мы до сих пор не располагаем надёжными топографическим привязками местоположения береговых окончаний моста ни на Софийской, ни на Торговой стороне.

Из реконструкции уличной сети, созданных на основе многолетних раскопок, очевидно, что уже на начальном этапе истории города центром стяжения уличных магистралей была река, а главное место в структуре городских коммуникаций занимал мост через Волхов. Без постоянного моста полноценная жизнь города на берегах почти незамерзающей реки была бы невозможна.

Мост — важнейшее звено в системе городских коммуникаций — должен был не только связать берега Волхова, но и установить *via principia* между важнейшими объектами городской жизни. На левом берегу Волхова к числу таких объектов относился *детинец* (городская цитадель), внутри которого находились главный городской собор Святой Софии и епископский двор¹¹. К северу и югу от *детинца* находились два крупных района города — Неревский и Людин концы.

На противоположном берегу Волхова находился Торг — общегородской рынок, тянувшийся широкой прибрежной полосой. Локализация древнейшей территории городского рынка до конца не прояснена, но уже в XII веке его местоположение очевидно и надёжно очерчивается каменными храмами, построенными новгородскими князьями. Планировочная структура общегородского рынка изучена слабо, хотя в 1930—1940-х годах здесь проводились большие археологические раскопки. Но полученный в них материал был весьма ограничен и не позволяет уточнить расположение различных торговых рядов на плане города¹². Поэтому историки при описании территории рынка в основном оперируют

⌘ Схема планировочного развития Новгорода нач. X—XII вв. (из книги «Древнерусское градостроительство...»)

⌘ Летописная миниатюра XVI века, иллюстрирующая сообщение о противостоянии вечевых собраний на Торговой и Софийской сторонах в 1343 году

документами XVI—XVII вв.¹³ По общему мнению, осевой линией рынка был Великий (Пробойный, Сурожский) ряд, являвшийся продолжением Славной улицы и выходящий на Великий мост. Остальные ряды, число которых уже в XVI веке достигало 43, расходились от Великого ряда сложной паутиной, сформировавшейся под воздействием исходного рельефа территории¹⁴.

Таким образом, линия древнейшего моста замыкается между окончанием Великого ряда на Торговой стороне и входом на территорию городской крепости — детинца, на Софийской стороне. Но если положение Великого ряда можно считать неизменным (для противоположной точки зрения нет никаких оснований), то местоположение крепостных ворот детинца явно изменилось с течением времени.

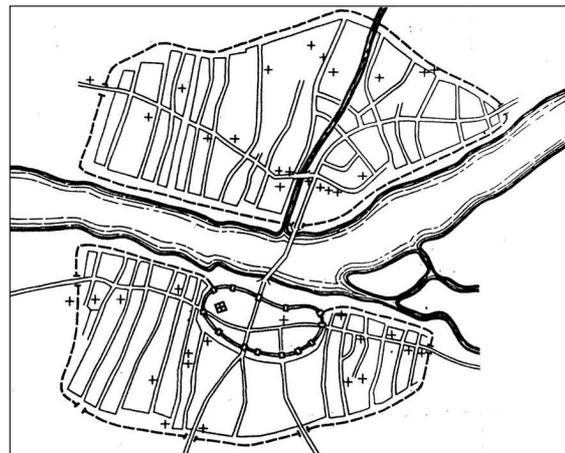

⌘ Фрагмент вида Новгорода с гравюры Адама Олеария, 1656 г.

Полученные в ходе зимних работ 2006 года первые датированные образцы древесины средневекового периода позволяют предполагать, что в XIII—XIV веках мест находились примерно на этом же месте. Некоторые соображения могут быть высказаны и в отношении общей конфигурации моста. Его тупоугольное очертание, отражённое на рисунках и планах XVI—XVIII вв., возможно, не является первоначальным и является следствием изменения топографии Софийской стороны, а именно: расширения территории детинца и смещения входа в крепость. Это предположение на уровне графической реконструкции уже высказывалось и ранее¹⁵. Наши материалы добавляют некоторые археологические аргументы в пользу этой гипотезы, поскольку распределение археологического материала вокруг опоры, находящейся на траверсе южной части кремля, и опоры, следующей в направлении Пречистинской башни, то есть после мостового изгиба, качественно отличаются. Культурные отложения на «поворотном» участке моста практически не содержат керамики ранее XVI века, и количество артефактов эпохи новгородской независимости здесь также незначительно.

Существующие археологические реконструкции уличной сети и планировки средневекового Новгорода в целом также не противоречат подобной гипотезе.

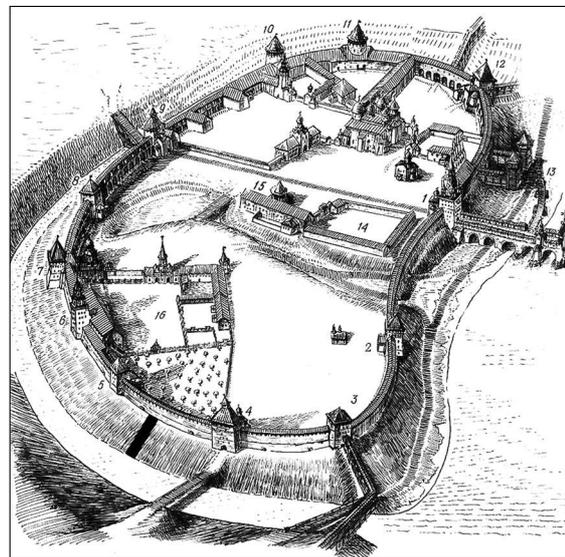
Для Софийской стороны и Прусская, и Чудинцева улицы с одинаковой вероятностью могли выходить на Великий мост. Более того, результаты, полученные во время исследований, позволяют расширить круг вопросов для

⌘ Схема планировочного развития Новгорода нач. XIV в. (из книги «Древнерусское градостроительство...»)

дальнейших исследований. Исходя из местоположения найденной опоры моста XIV века, при дальнейших раскопках открывается возможность доказать или опровергнуть предположение о существовании «прямого» моста в XII—XIII вв.

В изучении вопроса об изменениях местоположения моста существенное значение могут иметь косвенные указания исторических и археологических источников на общий характер градостроительных изменений (планировки и застройки города). Мост как важнейший элемент планировочной структуры города был одним

⌘ Новгородский кремль в конце XVII в. Реконструкция А. Воробьева (1950 г.)

из самых «чувствительных» индикаторов градостроительных изменений, причём не только в XVIII—XIX веках, но и на ранних этапах истории Новгорода. Показательной в этом отношении является ситуация 1330-х гг.: в этот период центральная часть Новгорода переживает коренные изменения (перестройка укреплений детинца

в камне, изменение его внутренней планировки, возведение наружной линии укреплений города и др.). Не случайным в этой связи является и сообщение летописи о трёх последовательных обновлениях Великого моста в 1336, 1337, 1340 гг.

Даже при отсутствии прямых указаний на строительство моста или его ремонт следует обратить особое внимание на признаки возможных перемен в планировке прибрежной ситуации и в целом в центральной части города. Вполне очевидно, что наиболее тесно изменения в расположении и конструктивном устройстве должны быть связаны с Детинцем и Торгом, являвшимися планировочными доминантами Софийской и Торговой сторон соответственно.

Можно сказать, что в эпоху независимого Новгорода Великий мост выступает индикатором социально-политических перемен, влекущих за собой неизбежное перераспределение контроля над городским коммунальным хозяйством как с точки зрения организации и финансирования мостовых работ, так и с позиций внимания к этому современников, в первую очередь хронистов¹⁶.

Содержание одного из центральных документов по истории Великого моста — «Устава о мостех» — посвящено последовательности и «зонам ответственности» улично-мостового мощения в тех частях города, которые имели статус общегородских или публичных территорий: часть городской цитадели (Детинец) за исключением епископского двора, Великий мост, Торг и иностранные торговые фактории, а также береговые пристани на Торговой стороне. По мнению В.Л. Янина, главная цель «Устава» — организовать те магистрали, которые обслуживают Торг. В начальной части Устава указывается источник финансирования работ по мощению: оплату должны производить так называемые «осменики» (сборщики торговой пошлины)¹⁷.

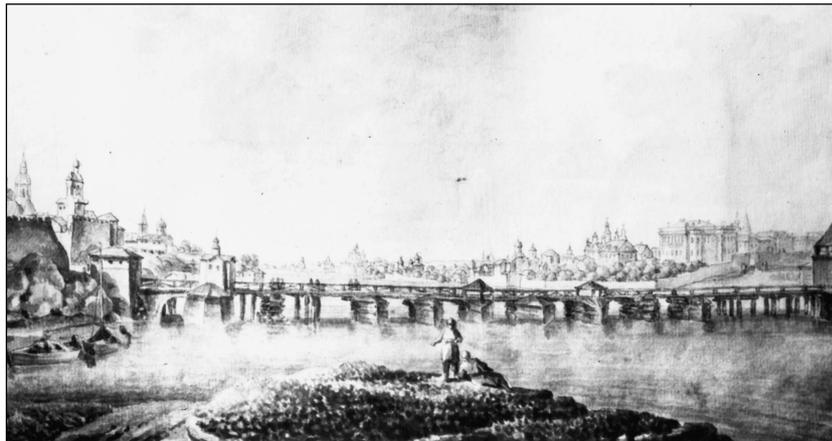
В тексте Устава последовательно упоминаются территории, прилегавшие к Великому мосту с обеих сторон Волхова, а также указываются территориальные городские структуры (уличанские общины, пригородные волости и т. д.) и институты городского управления (владыка, софьяне, тысяцкий, посадник), ответственные за организацию этого мощения.

В отношении возможной ответственности городских магистратов за мощение самого Великого моста мнения исследователей разделились. В.Л. Янин считает, что «выбирая между софьянами и тысяцким, вряд ли можно сомневаться в обязанности именно тысяцкого организовывать сооружение и ремонт моста через Волхов»¹⁸. Существует, однако, и прямо противоположная точка зрения. Она принадлежит В.А. Бурову, ссылающемуся на отсутствие в летописях указаний на роль тысяцкого в деле строительства и ремонта Великого моста. По его мнению, мощение мостовых пролётов закономерно находилось в руках владыки и софьян, «если под „софьянами“ понимать высших владычных „чиновников“

(включая наместников владыки), которые заведовали Домом Святой Софии»¹⁹.

Наиболее важным и одновременно показательным периодом для изучения влияния мостостроительства на градостроительные изменения является XIV век. По замечанию В.Л. Янина в этот период времени «борьба вокруг посадничества постоянно принимает форму борьбы Торговой и Софийской сторон»²⁰. Яркими индикаторами политического соперничества в это время являются одновременные вечевые собрания на обоих берегах Волхова²¹.

Сакральное значение Великого моста подчёркивается строительством на нём (в части, примыкающей к Софийской стороне) часовни «Чудного креста». Ещё в 1930-х годах здесь находился резной липовый крест высотой 2,4 м. Надпись на нём указывала, что крест поставлен в 1548 году «повелением раба божья Петра Невежина на мосту». Новгородские предания связывали

✂ Вид Новгорода на рисунке А. Иванова. 1785 г. Русский музей

его водружение со строительством Софийского собора (1045—1050 гг.)²². Во время восстания 1418 году новгородскому архиепископу Симеону пришлось брать этот крест в свои руки, чтобы остановить городское восстание, возникшее из столкновения простолюдина Степанко с боярином Божиным.

Документы XVI века прямо указывают на активную торговлю, продолжающуюся на Великом мосту несмотря ни на что. В частности, в купчей 1591 г. говорится о продаже 1/3 лавки в Лекарном ряду, при этом указывается, что «стоит та моя треть лавчишка в Лекарном ряду на Волховском мосту, идучи с Софийской стороны на Торговую сторону по правые стороны»²³. Ещё одним важным признаком сохраняющейся интеграции Великого моста в торговое пространство города является его систематическое упоминание в качестве ориентира для локализации торговых лавок. Купчая того же 1591 года на лавку в Шпанном ряду сообщает: «А стоит та моя лавка от Ивана Предтечи идучи к **Большому мосту** во Шпанном ряду по правой стороне подле Федоровы лавки пирожниковы, а по другую сторону подле Максимовы лавки точилниковы»²⁴. За этими описаниями просматривается более древние реалии республиканского периода, когда на мосту также существовала активная торговля, что подтверждается и материалами подводных археологических работ (см. ниже).

Подробное описание Великого моста в московское время содержится в сохранившихся лавочных книгах

последней трети XVI века. Перечисление лавок и их владельцев даёт яркую картину активной хозяйственной жизни на мосту, в том числе содержит информацию о предпочтениях в торговле на мосту. Упоминаются лавки, содержание торговли в которых обозначено характеристикой владельца (в терминологии документа): дегтяри, луковники, горшечники или гончары, серебряники, свечники, уксусники, темьянники, воскобойники, замочники, судоплаты, квасники²⁵. Характер торговли во многих лавках не указан, что, вероятно, связано с широким ассортиментом продававшихся в них товаров. При этом владельцам лавок даны развёрнутые характеристики, позволяющие установить их социальный статус, например, Федька Семёнов — сторож Дьячей избы; Мишук Нос — садовник Государева двора, Ивановский — пономарь и др.

Помимо торговых заведений, Лавочная книга 1583 года также упоминает устройство пристаней для судов (насадов) на первых четырёх городнях со стороны Детинца: «Против каменного города на Волхове на мосту 4 городни солетцких насадищиков и свиноретцких Васьки Тимофеева Малого, да Иванка Омельянова Хобора, да Иванка Нестерова сына мясника с Новинки, да Богдана Иванова сына перевозника, да Тимофея Григорьева сына извозчика с Черницыны улицы и всех солетцких и свиноретцких насадищиков, а оброку 3 рубли».

Великий мост средневекового Новгорода долгое время оставался вне пристального внимания исследователей, поскольку скудная документальная база его истории расплывалась по различным категориям источников, а археологи не проявляли решимости в изучении его остатков на дне Волхова. Поэтому работы последних лет (2005—2008 гг.) можно считать серьёзным прорывом в изучении одного из важнейших объектов городской топографии Великого Новгорода. Комплексность этого изучения была обеспечена междисциплинарным характером исследовательского проекта и привлечением максимально возможного круга источников. Подводные археологические исследования на дне реки Волхов были начаты в 2005 году и продолжены в 2006—2008 годах в целях выявления археологизированных остатков Великого моста и следов хозяйственной деятельности средневекового периода на речной акватории.

Исследовательская программа работ финансировалась международным фондом ИНТАС в рамках реализации проекта «Мосты как res publica и их значение в реформировании местного самоуправления в Западной и Восточной Европе». Наиболее важной частью проекта

стали подводные работы, которые на первом этапе включали в себя предварительные инженерно-геологические и дистанционные исследования с погружениями разведочного характера. Основные подводно-археологические работы развернулись в феврале—марте 2006 года. Первый успех был закреплён весенними работами 2007 года, расчисткой береговой опоры со стороны кремля в ноябре того же года. В марте—апреле 2008 года водолазные работы были продолжены и вселили в участников проекта новые надежды и открыли новые научные перспективы.

Важнейшей частью начального этапа работ явилось сопоставление имеющейся историко-архивной информации, в том числе планов моста XVIII—XIX вв., с результатами дистанционного зондирования Волховского дна на участке между Новгородским кремлём и Торгом.

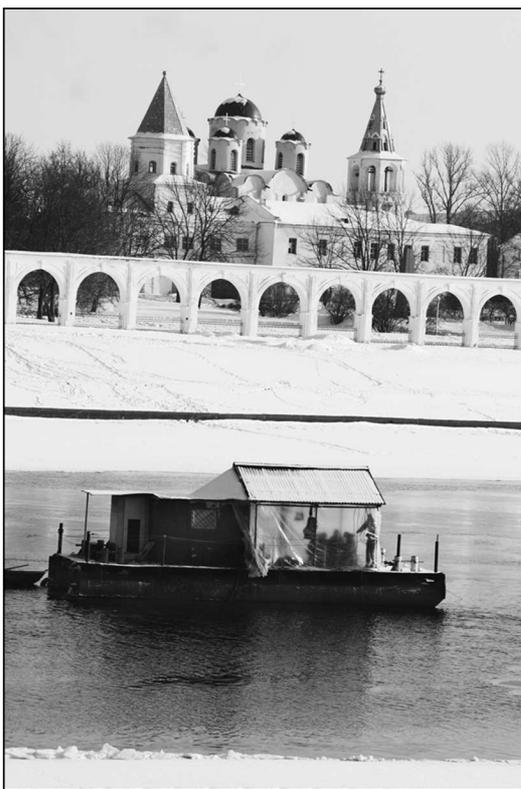
Перед началом подводно-археологических исследований остатков деревянных конструкций Великого моста были развеяны опасения «сухопутных археологов», что дно реки в зоне поиска покрыто мощным слоем ила. Этот вывод, сделанный на основе анализа инженерно-геологических материалов, значительно облегчил постановку задачи подводно-археологических исследований и упростил их методическую и техническую сторону.

Наличие в распоряжении исследователей перед началом археологических работ детального чертежа 1808 г., во многом повторявшего конструкции его предшественников, существенно облегчало задачу выявления на дне Волхова мостовых опор. В то же время различ-

ные природные и исторические катаклизмы (наводнения, непрерывное мостостроительство с XII до XX вв., военные разрушения, прокладка по дну инженерных коммуникаций) позволяли высказать и скептические оценки в отношении перспектив подводных поисков мостовых конструкций. Поэтому, прежде чем приступить к археологическим работам на дне, был проведён цикл дистанционных исследований с использованием различных технических средств.

В результате было получено гидроакустическое изображение — сонограмма дна реки Волхов на исследуемом участке. При детальном изучении полученного изображения поверхности дна на изучаемом участке выяснилось, что дно реки пересекают две «структуры» техногенного происхождения, которые в целом занимают около двух гектаров.

Результаты первых погружений водолазов показали, что дно реки в местах отсутствия мостовых конструкций сложено гравелистыми песками средней плотности

⌘ Водолазная станция-понтон над местом подводно-археологических работ. Февраль 2006 г. Фото автора

и плотными. Мощность этих песков составляет около 1,5 м. Пески подстилаются озерными суглинками мощностью около 0,5–1,2 м. Все археологические находки приурочены к слою песков. Нижележащие суглинки археологических объектов содержат их в незначительном количестве или не содержат вовсе. С точки зрения археологических работ это означало, что поверхность суглинков можно было принять за археологический материк (subsoil), с поверхности которого началась строительная и хозяйственная активность людей, связанная с историей Великого моста.

При отсутствии ясного представления о конструкции моста до начала археологических работ на дне Волхова можно было сделать несколько предположений. Летописные миниатюры и иконографические изображения Великого моста (XIV–XVII вв.), при их несомненной условности, позволяют предполагать два варианта опорных конструкций моста:

✚ Великий мост на кле́ме иконы «Житие св. Варлаама Хутынского», XVI в.

срубный и свайный. Высота моста явно была небольшой, на что указывает целый ряд сообщений в источниках. В рассказе о «чуде архиепископа Иоанна» говорится, что новгородцы посадили его на плот «низвесивше» с Великого моста²⁶. Второй эпизод относится уже к XVI веку и сохранился в составе Псковской первой летописи: *«Того же лета в Новегороде была вода велика, потопиша монастыри многие и двory многие, а воду черпали с мосту с Волховского колпаки»*²⁷.

Прежде чем перейти к описанию полученных в результате раскопок материалов, необходимо отметить, что исследование Волховского дна на предмет обнаружения остатков средневековых гидротехнических сооружений никогда ранее не предпринимались, так же, как отсутствовала какая-либо практика подводных археологических работ в Великом Новгороде в целом.

Участок подводных раскопок пришёлся на центральную часть русла реки Волхов. Ширина реки в месте работ составляет около 200 м и изменяется в зависимости от уровня воды. За период работ глубина погружения менялась от 8 до 4 метров, скорость течения — от 1,5 до 0,5 м/с, видимость — от 0 до 0,7 м. В столь сложных гидрологических условиях подводные археологические исследования в России ранее не проводились.

Первые три этапа (летний период, июль–август 2005 г.) проводились при очень высоком уровне речной воды и быстром течении, поэтому в основном они сводились к рекогносцировочным мероприятиям — выявлению свайных опор без применения техники, маркированию деревянных конструкций, сбору подъёмного материала.

Перерывы между этапами работ использовались для анализа полученных результатов, изучения условий работы в разные гидрологические периоды, корректировки методики исследований. Собственно раскопочные работы были начаты только в феврале 2006 года. Всего за зимний период работ гидромонитором («водяной лопатой») было «промыто» три шурфа, общей площадью 51 м.

На начальной стадии работ в результате комплекса геофизических и подводно-технических работ были обнаружены остатки опорных конструкций мостов XIV и XVIII вв., датированных естественнонаучными методами. В ходе собственно подводных исследований работ собрана значительная коллекция артефактов (к лету 2008 года — более 700 предметов из железа, цветных металлов, кости, кожи, стекла, камня), датированных в диапазоне XII–XIX вв.

Для датировки обнаруженных на дне р. Волхов в ходе археологических исследований 2005–2008 гг. деревянных конструкций дендрохронологическим и радиоуглеродным методами с их деталей было сделано более 50 спилов.

Образцы древесины исследовались в лаборатории дендрохронологии Новгородского археологического центра.

Как показала первичная обработка древесных спилов²⁸, три образца действительно являются

дубовыми (*Quercus* sp), 18 принадлежат деревьям хвойных пород — сосне (*Pinus silvestris*) — 14 экз. и ели (*Picea abies*) — 4 экз. Возраст образцов колеблется от 29 до 172 лет. Большая их часть имеет достаточное количество годичных колец для убедительной синхронизации с эталонными моделями новгородских дендрохронологических шкал. Сохранность внешних колец, определяющих датировку образцов, в большинстве случаев удовлетворительная.

В результате проведённого дендрохронологического анализа, выполненного с использованием компьютерных программ DENDRO и CATRAS, датировку получили семь сосновых образцов. Датированные образцы относятся к двум различным хронологическим периодам. Ряд крупных свай поздней группы обнаруживает убедительное сходство с эталонными образцами поздней части новгородской дендрошкалы (XVIII–XX вв.). В качестве эталонов использовались как живые деревья, так и датированные сооружения XIX–XX веков из Новгорода и Старой Руссы, для сравнения привлекались и другие материалы, в частности шкала юго-восточной Финляндии. Датированные образцы составляют хронологически компактную группу: часть свай с сохранившимися внешними кольцами датируются 1782 г., одна — не ранее 1781 г., ещё одна — не ранее 1778 года. На основании полученных датировок группа хвойных свай, исследованных на дне Волхова, отнесена к последней четверти XVIII века (не ранее 1782 года).

Датировку получили также два спила с деталей двух однотипных конструкций из плах (пластин), соединённых с помощью вырубков и крупных нагелей. Плаха из первой конструкции датирована 1286 годом, ещё одна плаха второй конструкции — 1354 г. Принадлежность образцов эпохе средневековья не вызывает сомнений: сходство с эталонной хронологией Новгорода характеризуется достаточно высокими коэффициентами.

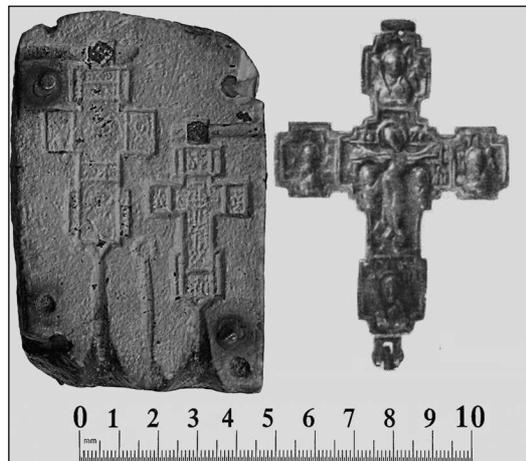
Таким образом, помимо конструкций XVIII века, в изучаемой выборке представлены две разновременные средневековые конструкции 1280-х и 1350-х гг.

Значительно меньшая коллекция дубовых свай небольшого размера в количестве трёх штук была собрана для радиоуглеродного датирования. Образцы дуба — сваи, выявленные в нижней части шурфов 2006 г., обнаруживают существенное сходство тенденций роста годичных колец с образцами дубовых конструкций

⌘ *Находки со дна Волхова: слева — ювелирные изделия и монеты, справа — литейная форма и аналогичный энколпион XIV века из раскопок Новгорода*

века, и, вероятно, средневековых мостов в целом. Выбор свайной конструкции выглядит вполне осмысленным как с точки зрения гидрорежима реки и характера донных отложений, так и исходя из традиционной практики мостового строительства в России. По всей видимости, дубовые сваи забивались в грунт на глу-

XIV века из культурных напластований Новгорода (материалы Никитинского, Посольского, Троицкого раскопов), что ещё до проведения радиоуглеродного анализа позволяло предполагать, что дубовые сваи также относятся к периоду Средневековья.

В результате радиоуглеродного датирования дубовых образцов в лаборатории Института истории материальной культуры (СПб.) выделены два наиболее вероятных хронологических интервала, в которые могли существовать дубовые сваи:

бину не более одного метра. Способ скрепления свай между собой хорошо известен и был распространён в мостостроении ещё в начале XX века. Для придания жесткости свайной конструкции необходимо «расшить» сваи между собой косыми пересекающимися связями из досок (пластин). Именно такие пластины с гнездами и анкерами для скрепления под различными углами и были обнаружены поверх дубовых свай. Важно отметить, что обнаруженные в ходе раскопок дубовые сваи XIV в. не завалены камнями, а занесены суглинком,

⌘ *Трёхмерная реконструкция дна р. Волхов и раскопанных мостовых опор. Автор С. Луций*

⌘ *Фрагмент конструкции мостовой опоры XIII–XIV вв.*

1 интервал — 1285–1300 гг.

2 интервал — 1365–1385 гг.

Оба интервала, по заключению специалистов, равновелики. Комбинированная дата, т. е. календарный интервал с 98% процентами вероятности — 1270–1330 гг.

На основании обнаруженных конструкций и их датировки впервые можно достаточно уверенно говорить о свайном характере мостовых конструкций XIV

а уже затем завалены слоем с керамикой XVI–XVII вв. Из этого следует, что каменная засыпка верхних ярусов опор в это время отсутствовала, что, вероятно, и сказывалось на устойчивости всей конструкции.

Выявленные дубовые сваи не только маркируют место нахождения одной из опор моста XIV века и характеризуют конструкцию моста, но и вселяют надежду на результативность дальнейшего поиска мостовых конструкций предшествующего периода. Обломки

⌘ Размыв мостовых опор XVIII в. на Софийском берегу. Ноябрь 2007 г.

пластин (плах), соединяющихся дубовыми нагелями, две из которых датированы 1286 и 1354 годами, позволяют осторожно предполагать локализацию более ранних опор несколько выше по течению.

Благодаря четырёхлетним археологическим исследованиям остатков моста можно с уверенностью говорить о доступности мостовых конструкций для «углублённого» изучения, в том числе датировки естественнонаучными методами. Обнаруженная в ходе подводных раскопок коллекция индивидуальных находок и массового материала (керамика, костные останки и т. д.) представляет собой внушительный объём информации для характеристики «жизни на мосту». Находки печатей и западноевропейских пломб при комплексном подходе к анализу позволяют поймать «в фокус» исторические реалии деятельности городских магистратов по ремонту и содержанию моста.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Новгородская первая летопись. С. 348—349, 399, 413, 419.
- ² Новгородская первая летопись. С. 67.
- ³ Рабинович М.Г. Деревянные сооружения городского хозяйства в Древней Руси // Средневековая Русь. М., 1976. С. 32.
- ⁴ Трояновский С.В. Новгородский детинец в X—XV вв. по археологическим данным: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2001. С. 16—17.
- ⁵ Там же. С. 32—33.
- ⁶ Иванова-Веэн Л.И. Деревянные мосты русского севера XVIII—XX вв.: Дис. ... канд. архитектуры. М., МАРХИ. 1988.
- ⁷ Иванова-Веэн Л.И., Хархордин О.В. Новгород как res publica: мост к величию // Неприкосновенный запас. 4(30). 2003. С. 203.
- ⁸ Патон Е.О., Рабцевич П.В., Симинский К.К. Деревянные мосты. Киев, 1915. С. 5.
- ⁹ Новгородская первая летопись. С. 27.
- ¹⁰ Там же. С. 39.
- ¹¹ Petrov M., Troianovsky S. Man and The Fortress: Ways For Co-Existence In Medieval Russia // Castella Maris Baltici V. Rudkoberg, 2001. P. 137—142.
- ¹² Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2001. С. 290—292.
- ¹³ См., например: Семёнов А.И. Топография новгородского Торга в 1583 году // НИС. Вып. 1. Л., 1936. С. 23—40 и вклейка); Он же. Древняя топография средней части Торговой стороны Новгорода // НИС. Вып. 10. Новгород, 1961. С. 137—159; Пронштейн А.П. Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957. С. 95—102; Андреев В.Ф. Княжеский двор в древнем Новгороде // НИС. № 2(12). Л., 1984. С. 114—127; Сорокин А.Н. К топографии древнейшего Торга // ННЗИА. Вып. 2. Новгород, 1989. С. 45—48; Гусаков В.Н. К топографии северной части древнего новгородского Торга // Там же. С. 48—53; Варенцов В.А., Коваленко Г.М. В составе Московского государства. СПб., 1999. С. 61—62.
- ¹⁴ Петрова Л.И. «...Иоанна Предтечи на Петратине дворе, а ныне зовётся на Опоках» (о связи микротопонимия Новгорода

с древним рельефом) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 187—193.

- ¹⁵ Древнерусское градостроительство X—XV вв. М., 1995.
- ¹⁶ Подобную ситуацию мы наблюдаем и в отношении городских укреплений. Если в 1044 и 1116 годах летопись сообщает о строительстве «нового города» князьями, то уже в 1169, 1220 и 1262 годах строителями городских укреплений называются новгородцы. С 1302 году инициатива по сооружению новых укреплений явно переходит в руки архиепископа: «Заложил владыка Феоктист град камен Новугороду» (1302 г.) Причина этого перехода, возможно, связана с реформированием политических институтов города и появлением т.н. «владычных наместников», обеспечивавших реализацию власти владыки как высшего лица в иерархии управления Новгородской республикой.
- ¹⁷ Янин В.Л. Устав князя Ярослава о мостех // Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 108.
- ¹⁸ Янин В.Л. Устав князя Ярослава... С. 105.
- ¹⁹ Буров В.А. О местоположении князей сотни в Новгороде // Буров В.А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 88.
- ²⁰ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 263.
- ²¹ 1342 г.: «И Онцифор с Матфеем созвони веце у святеи Софеи, а Федор с Одрешко другое созвониши на Ярославли дворе» // Новгородская первая летопись. С. 356.
- ²² Муравьев М.В. Новгород Великий. Л., 1927. С. 30—31.
- ²³ Великий Новгород во второй половине XVI в. СПб., 2001. С. 183.
- ²⁴ Там же. С. 191.
- ²⁵ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. М., 1930. С. 9—10, 129—131.
- ²⁶ Литература Древней Руси. М., 1990. С. 229.
- ²⁷ Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 111.
- ²⁸ Обработка образцов и их дендрохронологическая датировка выполнена научным сотрудником новгородского Центра по организации археологических исследований О.А. Тарабардиной.

Е.А. Рыбина

ОТ СВАТОВСТВА ДО СВАДЬБЫ

Свидетельства берестяных грамот

Частная жизнь средневековых новгородцев долгое время не привлекала внимание исследователей из-за недостатка источников. В научной литературе эта тема раскрывается главным образом по свидетельствам традиционных письменных источников, церковных книг и фольклора. Постепенно с увеличением фонда берестяных грамот появились тексты, повествующие не только о деловых заботах новгородцев, но и об их личной жизни. Конечно, берестяные грамоты не могут служить полноценным источником при исследовании всех этапов семейной жизни, однако в них содержатся живые детали, иллюстрирующие процесс создания семьи и семейных взаимоотношений.

Досвадебные обряды в берестяной переписке не зафиксированы, однако есть два письма, авторами которых, судя по содержанию, являются молодые девушки, выясняющие отношения со своими возлюбленными. Сенсационной находкой 1993 г. стала грамота № 752, обнаруженная в слое рубежа XI–XII вв. Несмотря на значительные утраты в тексте, характер его содержания очевиден. Вот как звучит письмо в переводе: «(Я посылала к тебе трижды. Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю (*или: в это воскресенье*) ты ко мне не приходил? А я к тебе относилась как к брату! Неужели я тебя задела тем, что посылала (к тебе)? А тебе, я вижу, не любо. Если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под (людских) глаз и примчался... теперь где-нибудь в другом месте. Отпиши же мне про... Если даже я тебя по своему неразумию задела и если ты начнешь надо мною насмеяться, то судит (тебя) Бог и моя худость (т. е. я)». Это — единственное любовное послание в составе берестяных грамот. Оно написано очень эмоционально, в нём ощущается острое чувство обиды девушки, которая трижды посылала письма (или записки) молодому человеку и не получала от него ответа. Одновременно в письме продемонстрировано чувство достоинства и оскорблённой гордости, ярко выраженные в заключительной фразе письма. По силе выраженных эмоций, непосредственности чувств это любовное послание конца XI в. сопоставимо с письмом Татьяны к Онегину.

Возможно, приглашением на свидание является грамота № 566, которая хронологически и территориально близка письму-грамоте № 752. Вот её короткий текст: «Будь в субботу ко ржи или подай весть».

Завершу этот короткий пассаж о средневековых влюблённых сохранившимся отрывком любовного заговора, призванного привлечь внимание своего избранника или избранницы: «...так пусть разгорится сердце твое и тело твое и душа твоя ко мне и к телу моему и к виду

моему». Эта запись сделана на большом берестяном листе (грамота № 521 второй половины XIV — первой половины XV вв.), в разных частях которого имеются написанные одним почерком четыре отдельных текста; три из них имеют сугубо деловой характер. Замечу при этом, что сама грамота № 521 служила лишь своеобразной обёрткой для грамот № 519 и 520, содержащих длинный и подробный текст завещания.

Ближе к нашей теме создания семьи письмо № 748 (XII в.), автором которого, очевидно, была девушка. Эта грамота имеет большие утраты и поэтому полностью её содержание не восстанавливается, однако сохранившийся в четырёх строчках текст всё же поддается истолкованию. Автор письма, видимо, невеста, непосредственно обращается к своему жениху и рассказывает ему о сложившейся в её семье ситуации. По сохранившимся фразам кажется, что в семье возник конфликт в связи с её предстоящим замужеством и в конце концов девушка готова согласиться с решением отца: «а за кого меня отец отдаст...». К сожалению, дальше текст оборван. Как считает А.А. Зализняк, возможно два варианта последней фразы: «не знаю» или «за того и пойду».

Самым важным из предсвадебных обрядов, несомненно, было сватовство, институт которого был широко развит на Руси. Процедура сватовства состояла из переговоров и переписки между сторонами невесты и жениха. В традиционных письменных источниках первые упоминания о сватовстве появляются в XII в., к этому же столетию относятся грамоты №№ 731 и 955, посвящённые теме сватовства. Обе грамоты сохранились целиком, однако первая собиралась из отдельных обрывков в течение двух дней. Кропотливый труд по сбору фрагментов грамоты № 731 был вознаграждён сторицей, хотя прочитанный текст не сразу удалось расшифровать. Много ли читатель поймёт в этой

грамоте, если не перевести её на современный русский язык? Судите сами (древнерусский текст даётся с разделением на слова и в упрощённой орфографии): «Поклоняние от Янка со Селятою ко Ярине. Хочеть ти твоего дятяиць. О свято же ти ее хоце. Ажь хоцеша во брзе же седе буди и яла есмо ся ему по руку яко ты си мловила ему, ты дни придеши томо дни поиму. И не ли тамо повойца. А крешши присоли. А кодь ти мне хлеб, ту и тебе».

После некоторого замешательства текст был разделён на слова и спустя день после мощной историко-лингвистической мозговой атаки был переведён на современный русский язык. Трудности перевода и общей интерпретации текста заключались в том, что

В тот момент, когда невеста входила в дом жениха, его мать дарила ей повойник. Очевидно, именно для этой цели Янка и просит сваху прислать ей повойник. В конце письма она обещает свахе вознаграждение образным выражением: «А где мне хлеб, там и тебе».

Совсем иные обычаи, связанные со сватовством, отмечены в грамоте № 955, которая является единственным в своём роде документом во всей коллекции берестяных грамот. Текст письма написан только в левой части аккуратно обрезанного листа бересты. Справа от текста имеются слабо прочерченные изображения поясной женской фигуры (возможно, какой-то святой) и шестиконечного креста, которые автор старательно

❖ Прорись грамоты № 955

в грамоте встречаются слова и словосочетания, которые до сих пор не были засвидетельствованы ни в каком ином источнике. В конце концов общими усилиями А.А. Зализняка, В.Л. Янина и А.А. Гиппиуса все языковые и смысловые трудности были преодолены и грамота была переведена и прокомментирована. Вот её перевод: «Поклон от Янки с Селятой к Ярине. Хочет-таки детище твоего (т. е. того, что ты имеешь, что ты предлагаешь). К празднику её хочет. Пожалуйста, срочно будь здесь. А я обещала ему своё согласие (на то, чтобы было), как ты сказала ему давеча: „Придёшь — в тот же день сосватаю“. А если у тебя там нет повойничка, то купи и пришли. А где мне хлеб, там и тебе».

Я так подробно рассказала о расшифровке этой грамоты потому, что её содержание оказалось уникальным. До находки данного письма не было ни одного берестяного документа, связанного со сватовством. Авторы письма Янка и Селята, судя по дальнейшему тексту, мать и отец, обращаются к Ярине, которая, явно, была свахой. Обращу внимание читателей на тот факт, что кроме адресной формулы (Янка с Селятою) весь дальнейший текст письма написан от лица матери, что даёт основание предполагать её ведущую роль в переговорах со свахой. Янка сообщает свахе Ярине, что она и её муж Селята согласны женить сына на той девушке, которую предложила сыну сваха. Удивительно, что сын даже не назван по имени, вместо него употреблено обобщённое понятие — «детище». Далее Янка просит сваху прислать повойник, а если его у свахи нет, то купить его и прислать. Повойник — женский головной убор, который был непременной принадлежностью свахи, что отмечено в народных поговорках: «Сваха на свадьбу спешила, рубаху на мутовке сушила, повойник на пороге катала». Как отмечают исследователи, повойник мог являться также своеобразным даром невесте от будущей свекрови, что зафиксировано в некоторых регионах России.

обходил, используя для письма только свободное пространство. По смыслу текст послания разделён на три части заглавными буквами, которые характерны для книжного письма, а в берестяной переписке обнаружались впервые. Также, как и в предыдущем случае, осмысление текста этой грамоты давалось с трудом, особенно две первые её части. После проведённого А.А. Зализняком лингвистического анализа текста стало очевидно, что речь в грамоте идёт о свадьбе и свадебных обрядах: «От Милуши к Марене. Большой Косе — пойти бы ей замуж за Сновида. Маренка! Пусть же напьется (набухнет) рождающее лоно! Говорит тебе Милуша: дай две гривны вчерашние».

Автор письма Милуша, вероятно, сваха. Она обращается к Марене, которая хорошо известна по другим грамотам как женщина из привилегированного сословия, со словами, что «Косе великой» следует выйти замуж за Сновида. Непонятно, кем является по отношению к невесте Марена, матерью, тёткой или другой родственницей. Скорее всего, матерью, потому что, как это отмечено на примере предыдущей грамоты, именно мать была главной во время переговоров со свахой. Во второй части грамоты в предельно лаконичной форме содержится магическая формула, призванная способствовать продолжению рода. В заключение Милуша напоминает Марене о двух гривнах, которые она должна получить, очевидно, за сватовство.

Большой интерес для темы заключения брака представляет грамота № 377 (последняя треть XIII в.): «От Микиты к Анне. Пойди за меня — я тебя хочу, а ты меня; а на то свидетель Игнат Моисеев...». Долгие годы эта грамота было единственным в берестяной переписке свидетельством выражения любовных чувств средневековых новгородцев. По существу она является брачным предложением, которое делает её автор Микита Анне. При этом Микита уверен в согласии своей избранницы:

«пойди за меня — я тебя хочу, а ты меня». По разъяснению А.А. Зализняка, слово *хотеть* в данном контексте (как и в грамоте № 731) имеет специальное значение и означает согласие. Самое удивительное в этой грамоте то, что Микита напрямую обращается к самой невесте, а не к её родителям. Приходится только гадать о причинах этого поступка. Казалось бы, опрокидываются все наши представления о положении женщины в средневековом обществе, о степени её социальной и личной зависимости сначала от родителей, затем от мужа. Вместе с тем многие берестяные письма (в частности, женские завещания) демонстрируют достаточно высокую степень свободы женщин в средневековом Новгороде. Разумеется, речь идёт о женщинах из привилегированного сословия.

Наконец дело доходит до свадьбы, и мы имеем две грамоты, где речь идет об её организации. Автор частично сохранившегося письма № 672 (вт. пол. XII в.) сообщает, что Аркадий и другой человек велели без них устраивать свадьбу, но автор письма настаивает этого не делать, а ждать Аркадия: «...и Оркад (Аркадий) велели без них устраивать свадьбу. (Но ты) не выдавай (без него). И сообщи также, сколько денег досталось (молодоженам?) у Твердыты». Этот, на первый взгляд, не примечательный текст на самом деле содержит интересную информацию. Во-первых, вряд ли довольно редкое в XII в. христианское имя Аркадий могло принадлежать простому горожанину. Комментируя эту грамоту, В.Л. Янин высказал обоснованное предположение, что упомянутый в грамоте Аркадий был новгородским епископом как раз в то время, к которому относится грамота. Очевидно, Аркадий должен был венчать молодых, а не просто присутствовать на свадьбе. В таком случае речь в грамоте идёт о свадьбе детей влиятельных и состоятельных родителей.

Самым важным действием в свадебном обряде был свадебный пир, проведение которого было непременным условием признания новой семьи в обществе. По обычаю организацией и проведением свадебного пира не могли заниматься родители жениха и невесты. Яркой иллюстрацией этого порядка служит найденная в Старой Руссе грамота № 40 (вт. пол. XIV в.): «Поклон от Оксиньи и Онании Родивону и сестре моей Татьяне. Поезжайте в город к этому воскресенью: мне выдавать дочь, а сестре моей быть распорядительницей. А я господину своему Родивону и сестре моей челом бью». Точно так же, как в уже рассмотренной грамоте № 731, и здесь основной текст послания написан в единственном числе от лица матери, а отец назван только в адресной формуле: «Поклон от Оксиньи и Ананыи». Коль скоро грамота найдена в Старой Руссе, а её авторы приглашают своих адресатов в *город*, следовательно, они живут в Новгороде, который в берестяной переписке всегда обозначался просто *город*. Оксинья сообщает своей сестре Татьяне и её мужу, что выдает дочь замуж, а сестре предстоит на свадьбе быть распорядительницей. Буквально в грамоте сказано: «а сестри моей приставницать».

Рассмотренные грамоты, несмотря на их малочисленность, фиксируют практически все этапы образования семьи и содержат конкретные живые примеры из жизни горожан, касающиеся знакомства молодых людей их чувств, сватовства и женитьбы. Семейные отношения между супругами также нашли отражение

в берестяной переписке; почти в 30 грамотах XII—XV вв. встречаются или угадываются по смыслу термины *муж* и *жена*. В этих письмах находят место проявления заботы о супругах, просьбы о помощи, участие жены в делах мужа. Из текстов этих документов становится очевидно, что жена в отсутствие мужа не только вела домашнее хозяйство, но и на равных занималась его делами, во всяком случае, была в курсе забот мужа. Борис, автор грамоты № 43 (XIV в.), уехав по делам, просит Настасью прислать ему «человека на жеребце», потому что у него много дел, и, видимо, необходима помощь. Настасья — автор письма № 49, из которого следует, что Борис был её мужем. Далее из грамоты № 43 вырисовывается чисто житейская ситуация: Борис просит жену прислать ему забытую сорочку. Из контекста письма № 687 (XIV в.), сохранившегося, к сожалению, в обрывке, следует, что оно было написано мужем жене. Разнообразен перечень распоряжений, которые жена должна выполнить. Кроме покупки продуктов и одежды детям тут же говорится, что одного из них нужно отдать учиться грамоте. Далее что-то нужно было сделать с конями, но в этом месте текст оказался оторванным. Как видим, в обоих случаях круг поручений жене был разнообразен.

Для характеристики семейных взаимоотношений представляет интерес целиком сохранившаяся грамота № 931 (конец XIV — начало XV вв.), написанная женой мужу Семену: «Наказ Семену от жены. Утихомирил бы ты (всех) попросту и ждал бы меня. А я тебе челом бью». Неизвестная нам по имени жена, находясь вдали от дома, призывает мужа утихомирить домочадцев и ждать её. Мы можем только гадать о происходящем, но текст письма, несомненно, свидетельствует о значительной роли этой женщины в семье. Возможно, именно к ней обращено найденное по соседству письмо № 942 (конец XIV в.): «Приказ... к жене своей Ульяне. Пойди сюда немедленно».

Имеется немало грамот, свидетельствующих об участии жён в деловых вопросах, в том числе и финансовых. В их числе челобитные XV в. (например № 307), адресованные одновременно господину и его жене, что, несомненно, свидетельствует об участии жены в управлении хозяйством.

Однако, как и сейчас, не у всех семейные отношения складывались хорошо. В целиком сохранившейся грамоте № 9 (XII в.) зафиксирован случай распада семьи. Её автор Гостыя жалуется адресату Василию, очевидно, своему родственнику (брату или дяде), что её муж взял себе новую жену, а её (Гостыи) приданое, которое она получила от отца и своих родственников, не отдаёт. Гостыя просит приехать и помочь ей в разрешении семейного конфликта.

Завершая обзор берестяных грамот о семье и семейных отношениях, выражу надежду, что их число будет увеличиваться и нас ожидают новые свидетельства частной жизни средневековых новгородцев.

ГРАНОВИТАЯ ПАЛАТА РАСКРЫВАЕТ СВОИ ТАЙНЫ

Пожалуй, настало время рассказать об открытиях, сделанных в ходе «массированного» изучения памятника. В предыдущей статье, опубликованной в «Челе» № 2(36) 2006 года, был дан обзор основных сведений, которыми мы располагали к началу нового цикла исследований. Поскольку работы на объекте ещё в самом разгаре, данную статью не следует считать окончательным итогом.

За эти годы проделана довольно большая работа; сразу скажем, что результаты исследований превзошли все ожидания. Никто не предполагал, что удастся разобраться в массе утрат и перестроек и представить первоначальный вид этой загадочной постройки. Чтобы оценить объём новой информации, достаточно сравнить нашу предыдущую и настоящую статью.

Предлагаемый материал состоит из двух частей, которые резко различаются по структуре, характеру, стилю и принадлежат разным авторам. Первая часть представляет историко-искусствоведческий очерк В.А. Ядрышников, выполненный на основе вновь выявленных материалов и с учётом результатов натурных исследований. Вторая часть подготовлена Д.Е. Яковлевым, архитектором-реставратором ЦНРПМ, ведущим архитектором объекта, одним из авторов проекта реставрации. Таким образом, читатели имеют возможность получить информацию из первых рук и под разным углом зрения.

Осмысление новых данных занимает порой немало времени. Это прослеживается и в этой «сдвоенной» статье. Авторы в некоторых моментах имеют не вполне совпадающую точку зрения, например, в вопросах атрибуции, названия и размещения отдельных объёмов и помещений, в том числе и «Большой палаты», но постепенно, в процессе дискуссий и получения новой информации их позиции сближаются.

В.А. Ядрышников

О ДАТИРОВКЕ И НАЗНАЧЕНИИ ВЛАДЫЧНОЙ ПАЛАТЫ

В 2006 г. нами были проведены повторные, на новом уровне, архивно-библиографические изыскания. Получены интересные результаты, хотя они в силу малого количества или неопределённости источников носят предположительный характер. Главной задачей историко-архитектурного исследования являлся поиск ответа на принципиальные вопросы: когда же всё-таки построено здание; каково его первоначальное назначение; каковы истоки его архитектуры, откуда пришли «немецкие мастера»; каков характер перестроек XVI—XIX вв. Здесь мы дадим сжатые выводы по результатам нашей работы, более подробно они изложены на научной конференции в октябре 2007 г. и вскоре будут опубликованы.

Предложенная Э.А. Гордиенко датировка памятника (1440 г.), хотя и имеет некоторое обоснование, всё же спорна, оставляет ряд неразрешённых вопросов, не вполне вписывается в реконструируемый ход строительства уникального Владычного комплекса. Предлагаем свою версию датировки.

По логике вещей, в первую очередь должны были быть возведены главные здания — Большая палата и рассматриваемый памятник, называемый в ранних источниках просто «*полата*», — а затем уже прочие постройки. Нам представляется, что в 1433 г. началось сооружение Большой палаты. Работы в этом строительном сезоне велись 95 дней, что отмечено в летописи. Вряд ли надо

буквально понимать, что за этот срок здание было выстроено полностью, но, видимо, в значительном объёме. В последующие годы были закончены работы на Большой палате, и в этой связи заслуживает внимания сообщение второй новгородской летописи под 1435 г.: «*Постави владыко Еуфимий полату каменую велику*»¹. Вслед за ней возведена другая палата (рассматриваемое здание) и, может быть, каменный переход между ними.

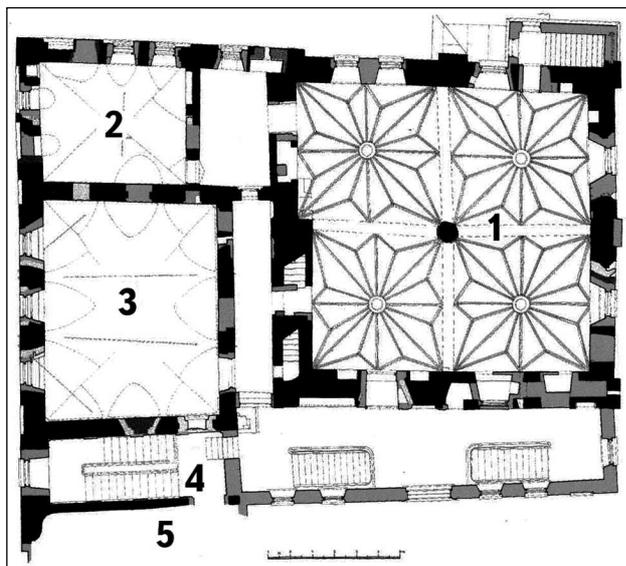
Под 1436 г. летописи сообщают: «*Того лета архиепископ Еуфимий... часы над полатою наряди звонящихи*»². Куранты могли быть установлены только на уже готовом здании, логичнее — на только что законченном. Большинство исследователей считает, что часы с боем украшали именно рассматриваемую постройку, «*полату*» (даже существует обоснованное предположение, в каком именно месте они располагались; см. статью Д.Е. Яковлева в данном выпуске). Следовательно, в 1436 г. завершён первый этап строительства Владычного двора, его центральных сооружений — Большой палаты, «*полаты*» и перехода между ними. Если наши рассуждения верны, Большая палата построена примерно в 1433—1435 гг., а рассматриваемый памятник — в 1435—1436 гг.

В таком случае возникает неизбежный вопрос: почему же факт сооружения «*малой*» палаты не зафиксирован в летописях, если это одна из главных построек владыки? Ответить на него можно лишь предположительно.

К сожалению, в летописях не зафиксировано очень многое, в том числе не менее половины объектов Владычного двора. Пока мы можем предложить одно объяснение: поскольку Большая палата была связана с «малой» каменным переходом, летописец, возможно, воспринимал их как единое здание и не вычленил его части.

Функциональное назначение здания Э.А. Гордиенко предположительно определила как домовую молельню владыки, церковь для благословений и одаривания клира (верхний этаж), а также помещение для праздничных церковных трапез (средний этаж)³. С этим тезисом можно определённо согласиться, источники дают основание для подобного вывода.

Известно, что в XVI—XVIII вв. одностолпный зал именовался в документах «Крестовой палатой (кельей)», иногда — «Большой крестовой»⁴. Самое раннее упоминание этого термина — в документах 1590-х гг.⁵

✠ Современный план верхнего этажа. 1. Одностолпный зал; Крестовая палата. 2. «Келья Иоанна»; кабинет Евфимия (?). 3. «Выходная келья» (?); «Задняя крестовая». 4. «Сени». 5. «Большая палата» (?)

О назначении и использовании этого помещения подробные и конкретные сведения можно почерпнуть в Чиновнике Софийского собора (кратком описании ежедневных церковных служб), датированном 20—30-ми гг. XVII в. Из текста источника следует, что Крестовая келья («полата») занимала одно из главных мест в сложной, тщательно разработанной церковной церемонии Новгорода. Вот типичные упоминания одностолпного зала в Чиновнике: «Власти съезжаются (в других местах — «сходятся», «собираются» — **В.Я.**) ко святителю в звон в крестовую келью...»; «Егда начнут к вечерни благовестить, тогда приходит Юрьевской архимарит ко святителю в крестовую келью и благословляется у святителя к празднику...»; «Дворецкий и яселничей в крестовой келье благословляются у святителя готовить ося и вербу и, прием от святителя благословение, выходят ис полаты...»; «Отроки и халдеи... облачаются в выходной полате и идут к митрополиту в крестовую келью. И митрополит благословляет отроков и халдеев, и идут в церковь пред митрополитом к вечерни...»⁶. Из источника следует, что основа всей новгородской церковной церемонии — это связка Крестовая

палата—София: постоянно описываются торжественные «проявления святителя» из Крестовой кельи в церковь (Софийский собор) и обратно.

У И.Е. Забелина роль и значение Крестовой палаты (правда, не новгородской, владычной, а московской, царской) описаны более подробно и обстоятельно: «Крестовая или моленная, где совершаются утренние и вечерние молитвы, а иногда и церковные службы, часы, вечерни, всенощные, была, как домашняя церковь, вся убрана иконами и святынею, разными предметами поклонения и моления. Одна стена ее сплошь была занята иконостасом в несколько ярусов...»⁷.

Самые ранние описи новгородской Крестовой палаты относятся к первой половине XVIII в., когда в церковную жизнь активно внедрялись светские идеи. Однако в целом описи отражают церковно-церемониальный характер постройки. В самой ранней описи 1716 г. читаем: «В большей Крестовой полате: Образ Распятия Христова, в предстоянии... По странам, на трех стенах, по три образа итилистовых: Премудрости Божии и святителей Никиты и Иоанна Новоградских... а на четвертой стене Деусус в трех лицах на трех же досках... На той же задней стене две картины печатные лицевые: на одной под гербом Царского Величества изображены в церкви персоны царские и патриарши, а на другой описание града Москвы и сущих при нем монастырей. За столтом образ Пресвятыя Богородицы на престоле, в предстоянии святителей Никиты и Иоанна Новоградских и Алексия и Филиппа Московских чудотворцев, под окладом серебряным басменным, ветхим. В той же крестовой: три паникадила медные... Кресла архиерейские обиты бархатом красновининовым... Под ними ковер персидской, ветхой. Два стола дубовые, третьей литовой, столярные. Лавки обиты по войлукам сужном зеленым, которое зело обветшало»⁸. Опись 1736 г. фиксирует примерно ту же картину с некоторым изменением состава предметов и их сокращением⁹.

Нам кажется, сам сакральный характер помещения Крестовой палаты исключает проведение здесь пиров и празднеств, как это принято было считать до 1990-х гг. В источниках лишь один раз упоминается об ужине в Крестовой палате: в 1655 г. «генваря в 24 день приехал с Москвы святейший Никон, патриарх Московский и всея Руси, в Великий Новгород пред вечерню... И в то время в соборе и вечерню слушав и иде в дом Софейский, и бысть того дни ужина в Крестовые полаты...»¹⁰. Представляется, что в данном случае было сделано исключение, а ужин был, судя по всему, неофициальным, приватным, с небольшим количеством присутствующих. В этом отношении (проведении пиров и угощений) новгородская Крестовая принципиально отличалась от московской (Патриаршей) палаты: в последней эти мероприятия проводились систематически, чуть ли не ежедневно¹¹.

Однако обеды, застоля или угощения «местного значения» могли происходить на первом этаже, под Крестовой Владычного двора. В описи 1763 г. это помещение именуется «Питейный погреб»¹². В Чиновнике часто упоминается церемония «всход на погреб»: «И того вечера у святителя в Софейском дому протопопу з братиею на погреб всход бывает...»; «А на учителя и на отроков с халдеи бывает стол в ключе и всход на погреб, а дияки певчие и подияки в ключе не едят, толке всход на погреб»; «И после часов певцом и

канархисту и псаломщику в Софийском дому в ключи обед с потешением и всход на погреб»; «И того вечера в Софийском дому у святителя всход на погреб Софийскому всему собору»¹³. Совокупный анализ источников склоняет к тому, что здесь имеется в виду именно Питейный погреб под Крестовой палатой.

Из Чиновника следует, что «всход на погреб» — это благодарственная праздничная трапеза с хмельными напитками (или даже, скорее, только чаши хмельного мёда) для отдельных служителей Софийского дома. Характерно выражение «святитель жалует на погреб». Только по большим праздникам (Пасха) «всход на погреб» даётся «всему Софийскому собору». Уже из приведённых отрывков видно, что этот ритуал имел не слишком высокий статус — выше считался «стал в ключе» («в ключне»), а ещё почётнее — стол в Посольской, Столовой или Большой палатах. Заметим, что на Патриаршем дворе в Москве также «поили» клир и служителей (иногда довольно высокого ранга — «дворян») «на погребках»¹⁴.

Здесь же, на погребке новгородского Владычного двора, по описи 1736 г. хранилась крупногабаритная посуда: «На погребке, что под Крестовой полатой, оловянной посуды (идёт перечисление — **В.Я.**)... Медной посуды... Итого, во всей на том погребке посуды и в протчем весом 19 пуд. Да на том же погребке без весу б котлов...»¹⁵. В Чиновнике также есть указания, что здесь хранилась посуда: «Ключари же пред вечерней емлют с Софийского погребка порожжие суды (сосуды или посуды — **В.Я.**) для канунов на гробы: оловяник полуведерной, да 2 стопы мерою по пол 3 крушки, да стопа 2 крушки, да 2 стопы по пол 2 крушки, да 7 ковшиков, да у ключенного старца 2 блюда и устроят мед и кутью по гробом (лиц, погребенных в Софийском соборе — **В.Я.**)»¹⁶. На погребке также хранилось или готовилось поминальное блюдо «канун»: «И посылает ключарь звонца на Софийской погреб по канун и к проскурнику по кутью»¹⁷.

Нижний этаж (подвал) под Крестовой в источниках не упоминается; есть основания считать, что под Питейным погребом понимались оба нижних этажа. Можно полагать, что подвал использовался для хранения основной массы посуды и, может быть, каких-то пищевых припасов. Скорее всего, это были запасы мёда, которого на Владычном дворе всегда было с избытком. Порой за один раз для нужд Софийского дома приобреталось до 300 пудов мёда¹⁸. Некоторые помещения подвала (вероятно, северные) в поздний период могли использоваться как темница. На это указывает Э.А. Гордиенко, ссылаясь на документ XVII в.: «...он же, митрополит (Киприан, 1627—1635 гг. — **В.Я.**), своєю гордостью без государева указу дворян и всяких людей у себя в крестовой, взяв силою, перед собою бьет батоги и на цепь сажает: Макарья Нащекина бил батоги в Крестовой, Богдана Ододурова в тюрьму сажал...»¹⁹. Она даже допускает подобное использование и ранее, однако для такого вывода слишком мало информации.

Если относительно назначения главных помещений рассматриваемого памятника (одностолпной восточной части) имеются более или менее обоснованные предположения, то касательно других компартиментов (северо-западных и юго-западных) информации почти нет. В описи 1763 г. северо-западные помещения второго этажа обозначены как «две кельи, святителя Иоанна архиепископа новгородского, длиною на 3-х сажнях

с ½ аршина, шириною на 5-ти сажнях»²⁰. Назывались они так и в XIX в. Э.А. Гордиенко полагала, что здесь находилась жилая комната владыки, которая могла служить также для небольших неофициальных приёмов²¹.

Нам представляется, что жилых покоев в «кельях Иоанна» не было; вероятно, жилые помещения традиционно (может быть, с XII в., со времени епископа Никиты) размещались в южной части Никитского корпуса, которая на ранних чертежах и в описи 1763 г. именовалась «старые архиерейские кельи». Однако вполне логично допустить, что «келья Иоанна» служила дневным покоем архиепископа, своего рода «кабинетом». Эту мысль подтверждает наличие остатков древнего печного устройства под данной кельей. Помещения подобного назначения существовали и в Патриаршем доме²².

Загадочно и интригующе наименование в описи 1763 г. юго-западного помещения — «старая крестовая длиною на 5-ти, шириною на 4-х сажнях ½»²³. До недавнего времени почти все исследователи исходили из тезиса о разновременности частей здания и о наличии в его составе объёмов XIV в. В таком случае, это название было бы логично: старая крестовая — это более древняя часть, предшественница палаты Евфимия. Однако последние натурные данные не подтвердили это предположение: все части здания сооружены одновременно, в XV в., имеют в основе готический характер.

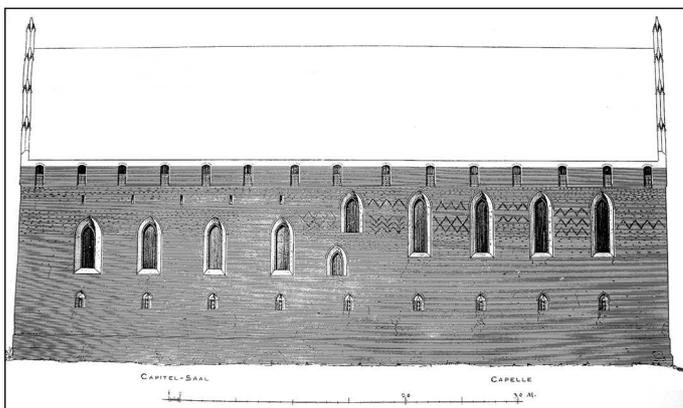
Некоторую пищу для размышлений дают документы XVII—XVIII вв., в которых упоминаются сразу две и даже три крестовых кельи: Большая, «предняя» и «задняя»²⁴. Как можно понять из описи 1716 г., «предняя крестовая» размещалась в южной части Никитского корпуса²⁵ (вероятно, передняя, ближняя, по отношению к Софийскому собору). В таком случае, «заднюю крестовую» можно отождествить со «старой крестовой» описи 1763 г., поскольку она расположена в наибольшем удалении от Софии, а её фасад выходит на задний, хозяйственный двор. Эпитет «старая» в описи 1763 г. нужно, видимо, понимать небуквально. Можно представить, например, что в Большой крестовой был проведён ремонт, возобновление, а в задней — нет. В таком случае, последняя могла какое-то время называться старой. Эпитет «старая крестовая» употреблён в источниках единственный раз под 1763 г., т. е. он не имел устойчивой традиции.

Пока, до выявления новых материалов, можно предположить, что «задняя» крестовая служила или для церемоний менее высокого статуса (условно говоря — «повседневная крестовая» в отличие от Большой, «праздничной»), или для личных нужд владыки. Могли здесь устраиваться и трапезы для небольшого круга лиц: документ 1620-х гг. сообщает, что «после Петрова поста звал митрополит (Киприан — **В.Я.**) к себе есть боярина князя Юрья Янишевича Сулешева, и ел боярин у митрополита в задней келье наедине, а с ним был тут же дьяк Первой Неронов»²⁶; вероятно, здесь имеется в виду данное помещение или «келья Иоанна».

Э.А. Гордиенко отождествляет «старую крестовую» описи 1763 г. и «выходную палату», часто упоминаемую в Чиновнике и использовавшуюся для облачения иерарха и клира к службам²⁷. Поначалу мы склонялись к мысли, что «выходная палата» располагалась далее к югу и входила в состав уничтоженного в XIX в. т. н. Иоанновского или иначе Евфимиевского корпуса. Однако в ходе последних натурных исследований в стенах «старой крестовой» раскрыто множество древних ниш разной формы и размера.

Складывается впечатление, что помещение первоначально имело не парадный, а подсобный, вспомогательный характер и могло использоваться для хранения облачений и ритуальных предметов. Одновременно доказано, что южнее этой палаты в древности размещались небольшие сени, а за ними огромное несохранившееся помещение весьма высокого статуса (по предварительному предположению реставраторов, оно и было «Большой палатой»). Таким образом, получается, что южнее «выходная палата» находиться не могла. Вероятно, Э.А. Гордиенко права и первоначально юго-западное помещение служило «выходной палатой», а со временем отчасти приобрело функцию вспомогательной приёмной палаты («задней крестовой»).

«Выходная келья (палата)», упомянутая в документе 1661 г., часто фигурирует на страницах Чиновника. Из источника следует, что она служила для облачения владыки и церковнослужителей и находилась где-то

⌘ Аналогия к фасадам Грановитой палаты: «флигель» в замке Рагнит (Восточная Пруссия)

недалеко от Большой Крестовой. Вот характерные примеры из Чиновника: *«Тогда приходят отроки и подьяки и халдеи в выходную полату, и облачаются кождо во свою одежду, и приходят в сени перед крестовую келью, и провожают святителя к церкви по чину и поют отроки пещное»; «И приходит архиепископ в полату в выходную, и потом совлачатца подьяки стихарей своих»; «И кончав обедню, и идут подьяки... перед архиепископом и приходят в полату в выходную и тут, кончав, совлачатся стихарей своих»²⁸.*

Итак, функциональное назначение памятника более или менее надёжно определяется, начиная лишь с XVII в. Первоначальное его использование, сама идея его строительства пока не поддаются однозначному определению, в источниках нет никакой достоверной информации на этот счёт. Только применяя метод экстраполяции, допущения, что в XV в. Владычная палата использовалась принципиально так же, как и в XVII в., мы можем сделать какие-то выводы. Но они, естественно, носят сугубо предположительный характер.

Однако не подлежит сомнению, что сохранившаяся до наших дней палата Евфимия занимала важнейшее место в структуре Владычного двора, не меньшее, чем утраченная Большая палата: если последняя являлась главной постройкой в административной, политической, дипломатической, парадной, представительской жизни республики, а затем епархии (т. е. имела, скорее, светский характер), то Большая Крестовая служила

главным зданием (наряду с Софией) в церковно-ритуальной сфере, едва ли не важнейшей в Средневековье.

Нами были проведены повторные библиографические изыскания по поиску аналогий новгородской палаты. На этот раз поиск был более конкретным и целенаправленным, поскольку в нашем распоряжении имелись некоторые результаты натурных исследований памятника, в частности реконструкции фасадов и планов. Как и в предыдущем случае (в 1980-х гг.), прямого и определённого ответа получить не удалось, но ситуация, по нашему мнению, проясняется.

Искать аналоги было решено не по отдельным архитектурным формам и полному совпадению элементов, а по отличительным особенностям в свете последних исследований — характеру решения фасадов, планировки, внутренней структуры здания (плоские перекрытия большинства помещений). Хотя проводилось сопоставление и отдельных элементов.

Главные отличительные особенности палаты Евфимия следующие: минимум декора; асимметрия фасадов, особенно северного и западного; свободное, функционально обусловленное размещение окон и ниш; сравнительно небольшое количество окон и в то же время разнообразие их размеров и форм; узкие, почти щелевидные окна первого этажа; плоские деревянные перекрытия помещений, кроме одностолпного зала, различающиеся по высотным отметкам; лопатки-контрфорсы на двух фасадах с круглыми нишами в верхней части; поребрик в завершении западного и, вероятно, других фасадов; наличие двух ступенчатых фронтонов (предположительно, над восточным и западной половиной северного фасадов, т. е. на смежных фасадах); простейший, грубоватый портал первого этажа;

низкий, приземистый круглый столб, соответственно — низкие, но развитые по конфигурации звёздчатые своды главного помещения; наличие подвала с окнами «шахтного типа»; развитая система внутрискладных лестниц; лучковая форма многих ниш, окон и порталов.

Большинство перечисленных черт не присуще культовым и гражданским парадным зданиям Северной Германии и Прибалтики, архитектура которых отличается строгой симметрией, развитым декором и тщательностью отделки. Образ новгородской палаты, её внешний вид, каким он рисуется по результатам натурных исследований, решение фасадов более всего напоминают отдельные постройки крепостного (вернее, многофункционального, «полукрепостного») зодчества. Ближайшие параллели мы усматриваем в корпусах («флигелях») орденских замков Восточной Пруссии, точнее — Мариенбурга, главного замка Ордена, а также окрестных крепостей — Зольдау, Рагнита, Растенбурга, Бартена, Меве, Шлохау, Орденового дома в Данциге²⁹. Здесь наблюдается аскетичное, почти без декора, оформление фасадов, свободное, функциональное, расположение проёмов, узкие окна нижних этажей, вписанные в стрельчатые или лучковые ниши, широкое применение слепых окон (ниш); всё это логично для оборонного зодчества. Большинство зданий в указанных замках завершено ступенчатыми фронтонами, нередко встречаются случаи размещения фронтонов на смежных фасадах.

К сожалению, мало информации для характеристики внутренней структуры указанных построек; однако не вызывает сомнений, что в них во множестве имелись и одноэтажные помещения, и компартименты с плоскими деревянными перекрытиями (это является типичной особенностью архитектуры «конвентского дома»). Принципиально важно, что корпуса перечисленных орденов содержат не один или два архитектурных элемента, близких новгородскому памятнику, а их широкий набор, целый комплекс. Например, здесь же, в крепости Мариенбурга, можно найти и звёздчатые своды (зал капитула), и помещения с чрезвычайно низкими столбами и сводами, и внутренний двор (клуатр) с аркадой, и две круглые башни перед главными воротами, и ратушу, которая также похожа на палату Евфимия. Пожалуй, единственная деталь, которая имеется на новгородском памятнике и не встречена в прусских крепостях, — это лопатки-контрфорсы с круглыми нишами. Их появление в данном случае можно приписать местным мастерам или функциональной необходимости (усиление стен для погашения распора сводов, тем более сводов сложной конструкции).

Если наши предварительные выводы верны и истоки архитектуры новгородской палаты следует искать в Восточной Пруссии, это в какой-то мере объясняет простоту, функциональность и некий аскетизм памятника, поскольку именно эти качества свойственны крепостному зодчеству.

Таким образом, на данном этапе у нас складывается впечатление, что наиболее близкие аналогии характеру

архитектуры новгородской Владычной палаты прослеживаются в крепостном или гражданском («полукрепостном») зодчестве Восточной Пруссии. Наши выводы в конечном итоге совпали с выводами первых исследователей, касавшихся этой темы, — В.В. Передольского, В.Н. Лазарева и В.П. Выголова; остаётся только удивляться их интуиции.

Уже значительное время ведётся поиск аналогий в Интернете и архитекторами-реставраторами ЦНРПМ. Об их результатах лучше узнать из первых рук (см. статью Д.Е. Яковлева). Их выводы не всегда совпадают с нашими. Но это естественно. Проблема происхождения типологии и архитектурных форм Грановитой палаты, поиска аналогий и установления «адреса» иноземных мастеров чрезвычайно трудна и запутанна. Возможно, что её решение и не будет найдено на данном этапе. Насколько нам известно, подобную задачу с безукоризненной чёткостью ещё не удалось выполнить ни для одного известного памятника средневековой Руси, в котором присутствуют зарубежные заимствования (кроме некоторых итальянских построек в Москве): несмотря на многочисленные исследования ведущих учёных, до сих пор не установлены «адреса» и имена мастеров и конкретные аналоги таких шедевров, как белокаменные храмы и дворец XII в. во Владимире, церковь Вознесения и церковь Георгия в Коломенском, церковь Иоанна Предтечи в Дьякове, собор Покрова «на рву» и др. Оптимальный выход здесь — подключение к поискам западных коллег, которые лучше знают свои памятники. Но это уже не в нашей компетенции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 52. Скорее всего, в источнике перепутана или смещена дата, поскольку ничего не говорится о строительстве в 1433 г. Но нельзя исключать и отражение реальных фактов.
² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. СПб., 2000. С. 418. Далее сокращенно — НПЛ.
³ Гордиенко Э.А. Владычная палата Новгородского кремля. Л., 1991. С. 29, 34, 41—42; Гордиенко Э.А., Петрова Л.И. Описание вотчин новгородского архиепископа и церковной утвари 1763 г. Публикация и комментарий. НИС. Вып. 5 (15). СПб., 1995. С. 266, 268.
⁴ Гордиенко Э.А., Петрова Л.И. Описание вотчин... С. 213, 263; Описи Новгородского Софийского собора XVIII—XIX вв. М.—Л., 1988. С. 214.
⁵ Греков Б.Д. Новгородский дом Святой Софии. СПб., 1914. С. 127—128; Архив ННРУ, Р-883: Сивак С.И. Владычный двор. Выписки из документов XVI—XVII вв. Архив ЛОИИ АН СССР. 1973 г. Л. 1—2.
⁶ Голубцов А. Чиновник Новгородского Софийского собора. М., 1899. С. 1, 32, 58, 120—121, 183, 247 и др.
⁷ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 1. М., 1895. С. 248.
⁸ Описание архиерейской ризницы, находящейся в Софийском соборе, и имущества, оставшегося после смерти Иова, митрополита... 1716 г. // Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего

Правительствующего Синода. Т. 1. (1542—1721). СПб., 1868. Прил. VI—IX. С. 77—78.
⁹ Описи Новгородского Софийского собора. Новгород, 1988. С. 214.
¹⁰ Новгородский хронограф XVII в. // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 299.
¹¹ Писарев Н.Н. Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904. С. 72 и след.; Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. М., 1884. С. 1116—1151.
¹² Гордиенко Э.А., Петрова Л.И. Описание вотчин... С. 213.
¹³ Голубцов А. Чиновник... С. 26, 60, 204, 217; близкие по смыслу тексты см. также на стр. 51, 68, 72, 73, 82, 83, 101, 132, 141, 164, 218, 232 и др.
¹⁴ Забелин И.Е. Материалы для истории... С. 1153 и сл.
¹⁵ Описи Новгородского Софийского собора... С. 210—211.
¹⁶ Голубцов А. Чиновник... С. 38.
¹⁷ Там же. С. 34, 35, 97. Канун — кушанье или питье, сваренное к празднику или для поминовения и освященное в церкви (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 58).
¹⁸ Греков Б.Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв. // Греков Б.Д. Избранные труды. Т. 3. М., 1960. С. 65.
¹⁹ «О неправдах и непригожих речах» новгородского митрополита Киприана

(1627—1633 гг.) // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М., 1896. Кн. 1 (176). Отд. 1. С. 19; Гордиенко Э.А. Владычная палата Новгородского кремля... С. 44—45; Гордиенко Э.А., Петрова Л.И. Описание вотчин... С. 268—269.
²⁰ Гордиенко Э.А., Петрова Л.И. Описание вотчин... С. 214, 222.
²¹ Гордиенко Э.А., Петрова Л.И. Описание вотчин... С. 271.
²² Писарев Н.Н. Домашний быт русских патриархов. С. 97.
²³ Гордиенко Э.А., Петрова Л.И. Описание вотчин... С. 214.
²⁴ Архив ННРУ. Р-883. Сивак С.И. Владычный двор... Л. 9.
²⁵ Описание архиерейской ризницы... 1716 г. С. 78.
²⁶ Описание архиерейской ризницы... 1716 г. С. 9. Э.А. Гордиенко полагает, что в данном случае эта задняя келья соответствует «Выходной палате». См.: Гордиенко Э.А., Петрова Л.И. Описание вотчин... С. 270.
²⁷ Гордиенко Э.А. Владычная палата Новгородского кремля... С. 50; Гордиенко Э.А., Петрова Л.И. Описание вотчин... С. 270.
²⁸ Голубцов А. Чиновник Софийского собора... С. 79, 256—257.
²⁹ Clasen K.H. Die Mittelalterliche Kunst im Gebiete des Deutschordensstaates Preussen. 1. Burgbauten. Königsberg, 1927; Steimbrecht C. Die Ordensburgen der Hochmeisterzeit in Preussen... Brl., 1920.

Д.Е. Яковлев

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОБЛИКА ВЛАДЫЧНОЙ ПАЛАТЫ

По материалам исследований 2006–2007 гг.

Начатые по инициативе Новгородского государственного объединённого музея-заповедника работы по реставрации Владычной палаты в Новгородском кремле, по сути, являются первой комплексной реставрацией этого интереснейшего памятника. Наши предшественники, из которых в первую очередь надо упомянуть Григория Михайловича Штендера, в силу объективных причин, в частности размещения в здании экспозиции предметов из драгоценных металлов и фондохранилищ музея, были вынуждены ограничиваться локальными зондажными раскрытиями и реставрацией отдельных элементов здания. Современный этап реставрации начат в 2006 г. авторским коллективом ЦНРПМ под руководством главного архитектора проектов И.В. Калугиной: выполнены новые архитектурно-археологические обмеры и натурные исследования памятника. В настоящий момент на памятнике ведутся активные реставрационные работы. Во время исследования, а также в процессе реставрации удалось получить значительный объём информации о первоначальном облике здания XV века и его последующих перестройках.

Владычная палата является частью комплекса построек новгородского Владычного двора, каменное строительство на территории которого, по летописным свидетельствам, началось в середине XIV в. При архиепископе Евфимии II в 1430–1440-х годах на Владычном дворе был возведён целый ряд парадных и служебных каменных зданий, для чего были приглашены иностранные мастера — как отмечено в летописях, «немецкие, из Заморья». Такие, явно готические, элементы архитектуры памятника, как нервюрный свод, стрельчатые окна и ниши на фасадах, позволяли исследователям и раньше относить Владычную палату именно к этому периоду; причём в литературе были высказаны предположения о возможности включения в состав западной части здания более ранних построек — XIV в., или, как полагали дореволюционные авторы, даже XII в.

Здание начали перестраивать уже в XVI–XVII веках. Оно было связано с другими постройками двора, примыкающими разновременными корпусами и переходами, постепенно разобранными на протяжении XVIII–XIX вв. Современный облик постройки сложился в результате радикальных перестроек XIX века. В 1820-х годах в большой палате с готическим сводом была устроена церковь Св. Иоанна Новгородского. Древняя южная галерея была заменена новой пристройкой,

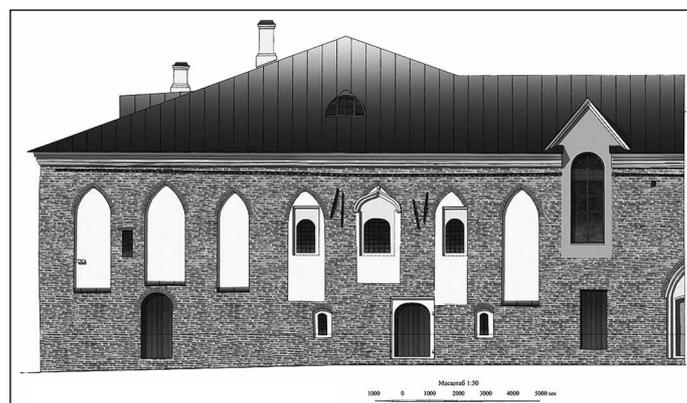
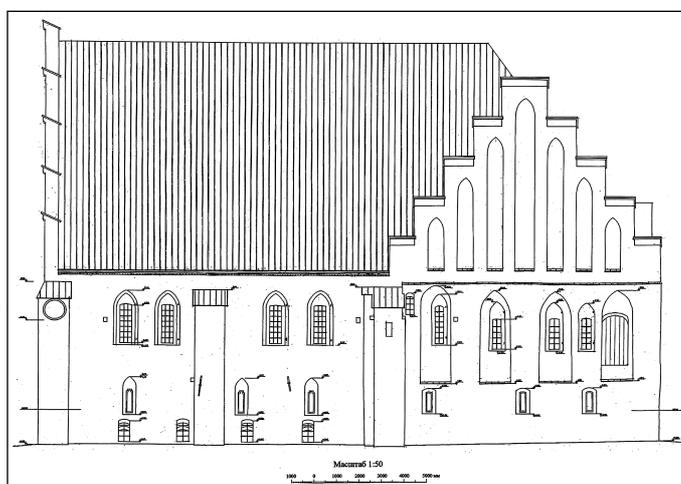
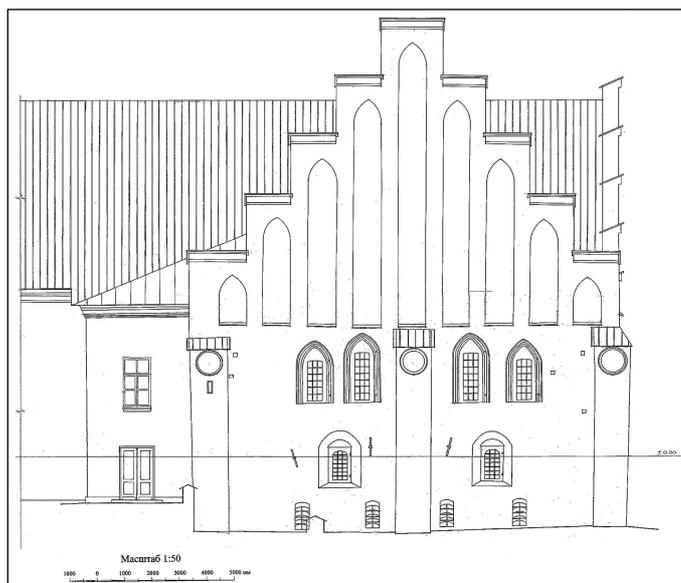
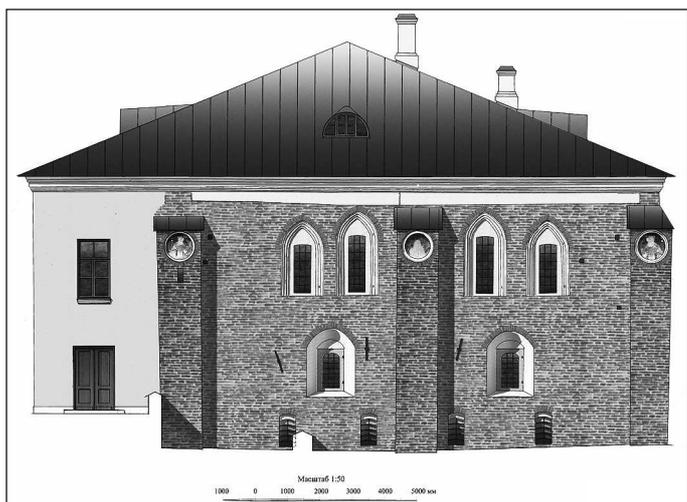
сделан единый кирпичный карниз, возведён деревянный восьмерик с главкой, пробиты новые и переделаны древние оконные и дверные проёмы. В результате ремонтов середины — второй половины XIX века лопатки на восточном фасаде получили килевидные завершения, в сенях перед т. н. «старой крестовой палатой» была устроена новая парадная лестница, своды и центральный круглый столб в интерьере большой палаты оштукатурены с существенными изменениями профилировки.

В 1930-е годы был разобран поздний деревянный восьмерик над палатой, в остальном структура здания не претерпела серьёзных изменений.

Датировка палаты XV веком была впервые предложена в 1930-х годах, когда сначала А.И. Некрасовым, а затем Д.В. Айналовым была выдвинута гипотеза о соотношении существующего здания и евфимиевой «Большой палатой» 1433 года. Датировка была поддержана Н.Г. Порфиридовым, А. Строковым и В. Богусевичем и принята другими исследователями. Эта датировка сохранялась вплоть до 1980-х годов. Однако Элисой Алексеевной Гордиенко, которая выполнила свою реконструкцию Владычного двора на XV век, было предложено отождествлять существующую т. н. «Грановитую палату» с древней «Крестовой» палатой и отнести с палатой 1433 года не её, а здание Казённого приказа (т. н. «шпалерные покои» описи 1763 года). По мнению Гордиенко, здание «Грановитой палаты», которое в XVII–XVIII вв. выполняло функцию крестовой палаты и носило соответствующее название — «Большая Крестовая палата», предположительно соотносится с упомянутой в летописях «комнатой меньшей каменной», построенной в 1440 году. Кроме того, Гордиенко поддержала точку зрения о том, что в западную часть сохранившегося здания могут быть включены объёмы XIV века.

Последние исследования показали, что основной массив наружных и внутренних стен здания сохранился с XV в. «Г-образное» в плане, оно делится на восточную (одностолпная палата) и западную части (так называемые «старая крестовая палата» и «кели Иоанна»), соединяющиеся южной галереей; подклетный ярус имеет подобную же планировку. Подвал имеется только под восточной частью.

В результате исследований выяснено, что одностолпная «готическая» палата и западная часть комплекса возведены одновременно в единой строительной технике. Западная стена продолжалась дальше на юг,

ВЛАДЫЧНАЯ ПАЛАТА НОВГОРОДСКОГО КРЕМЛЯ

- ▲ *Восточный фасад. Проектные предложения по реконструкции завершения фасадов*
- ▲ *Северный фасад. Проектные предложения по реконструкции завершения фасадов*
- ▲ *Восточный фасад. Эскизный проект реставрации*
- ▲ *Северный фасад. Эскизный проект реставрации*
- ▲ *Западный фасад. Эскизный проект реставрации*

и её уступ в месте начала т.н. «Иоанновского корпуса» вызван разборкой этой части здания в конце XIX века. Оказалось, что с юга существовала ещё как минимум одна палата, построенная одновременно со всем зданием, от которой сохранилась часть её северной стены. Раскопками частично были выявлены её фундаменты и фрагменты кладки.

Стены Грановитой палаты сложены из большемерного кирпича. Забутка почти всех стен выполнена из валунов и плитняка, в отдельных случаях (особенно в нижних частях стен в интерьере) выходящих и на лицевую поверхность.

Система перевязки кирпичной кладки верстовая. Профилированные декоративные элементы выполнены из лекального кирпича, профили на котором

были вырезаны по сырцу. Швы обычно аккуратно затёрты заподлицо с лицевой поверхностью кирпича. На отдельных участках наблюдается своеобразная система обработки швов — горизонтальные, а иногда и вертикальные границы шва подчеркнуты тонкими процарапанными линиями, иногда линия проведена посреди шва. Подобная обработка швов обнаружена во всех частях здания. Изначально плоскости стен не были обмазаны или оштукатурены.

Восточный и северный фасады одностолпной палаты разделены мощными лопатками-контрфорсами, первоначально завершавшимися наклонными плоскостями. Лопатки главного (восточного) фасада в верхней части украшены круглыми нишами с обрамлением из лекального кирпича. Раскрыты сохранившиеся фрагменты всех четырёх нарядных стрельчатых окон,

из которых два, расположенные ближе к центральной оси фасада, заметно выше боковых. Характерной особенностью здания является применение в ряде первоначальных оконных проёмов плоских перемычек из каменных плит над плечиками наряду со стрельчатым обрамлением со стороны фасада.

Первоначальная архитектура западного и северного фасадов Владычной палаты в целом менее парадна и декоративна, чем восточного и южного. Здесь нет сложных обрамлений из лекального кирпича, как у восточных окон основного яруса, открытых в 1950-х годах, или готического портала, изученного Г.М. Штендером.

В уровне основного яруса на западном фасаде и западной части северного фасада идёт ряд неглубоких

внутристенные лестницы. Они перекрыты ступенчатыми лучковыми сводами (у верхней — из лекального кирпича) и сохранились в неплохом состоянии. Стены лестниц до закладки не имели побелки. В южной стене одностолпной палаты раскрыт первоначальный внутристенный проход, который, как мы считаем, вёл к находившимся на юго-восточном углу здания часам.

Часы-куранты располагались, судя по всему, в выступе-лопатке между южным порталом первого этажа одностолпной палаты и её юго-восточным углом. Выступ не доходил до земли, а поддерживался ступенчатыми каменными консолями. Внутри выступа находилась шахта гиревого хода, которая частично сохранилась. На уровне второго этажа были установлены сами часы, доступ к которым осуществлялся из внутристенного прохода через специальный арочный проём. Об установке владыкой Евфимием часов «на полате» сказано в летописи под 1436 годом.

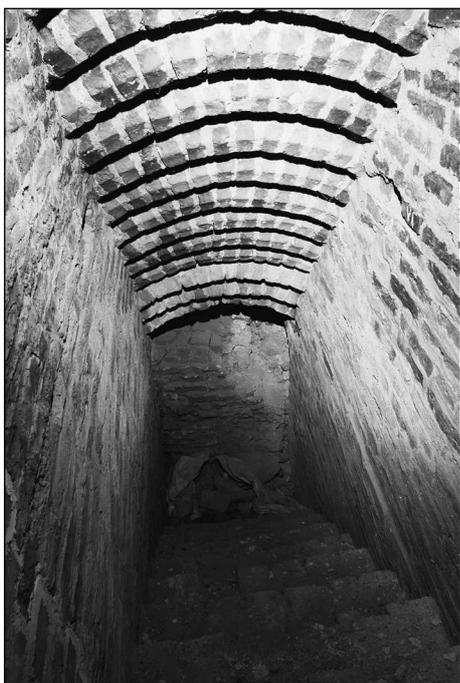
Как выяснилось, почти все своды здания относятся к более позднему времени.

Кроме нервюрного свода большой палаты, который сейчас раскрыт от поздней штукатурки, первоначальное сводчатое перекрытие имела южная галерея; в её западном торце в закладке сохранился фрагмент крестового нервюрного свода. Эти своды продолжались и в помещении сеней (по описи 1763 года) перед «старой крестовой палатой». Нервюры сводов опирались на консоли из профилированного кирпича.

Остальные помещения были перекрыты плоскими деревянными перекрытиями как в уровне подвала и подклета, так и в основном ярусе. Следы существования

перекрытий по балкам обнаружены на чердаке палаты, куда ведёт хорошо сохранившаяся внутристенная лестница. Прослежены выложенные в верхних частях стен гнёзда для деревянных балок и стропильных конструкций. Также найдены отпечатки балок междуэтажных перекрытий, которые были выполнены в виде сплошного наката. В разное время все эти перекрытия были заменены сводами, что явилось одной из основных причин деформации конструкций памятника.

В 2007 году удалось более подробно исследовать юго-западное помещение палаты («сени»), занятое лестничной клеткой конца XIX века. Здесь были раскрыты несколько первоначальных ниш и два готических портала, из которых один, наиболее крупный, вёл в несохранившуюся южную палату комплекса. В нишах, порталах и на остатках крестового нервюрного свода расчищены фрагменты живописи XV века. В северо-западном углу помещения раскрыт второй после «кельи Иоанна» рукой в нише.

❖ *Внутристенная лестница*

❖ *Южный портал («вход на погреб»)*

ниш со стрельчатым завершением. В некоторых из них под закладками раскрыта тонкая древняя штукатурка белого цвета. Ниши с вписанными в них (а также между ними) оконными и дверными проёмами создают своеобразный ритм, лишенный монотонности, поскольку размеры и высота ниш несколько варьируются, а проёмы сдвинуты с их осей. Расположение проёмов первого этажа никак не связано с осями ниш или простенков. Интересно, что не только в пределах фасада, но и в одном помещении первоначальные оконные проёмы могли иметь различную в деталях конструкцию.

В основных чертах выявлена первоначальная система входов и междуэтажных коммуникаций. Реставрирован открытый ранее готический портал в южной стене подклета под одностолпной палатой. Раскрыт изначальный южный вход в подвал. Он был выполнен в виде обычного для готики спуска с приямком, расположенным под южной галереей. В толстой стене, отделяющей одностолпную восточную часть здания от западной, раскрыты две ранее не известные первоначальные

Наиболее существенным оказалось то, что зондажами со стороны здания XIX века на южной стене помещения также выявлены ниши в двух этажах. Крупные ниши второго парадного этажа обрамлены фаской и имеют вытянутую параболическую форму. Это значительно отличает их от небольших ниш одностолпного зала. Кроме того, на этой стене несохранившейся парадной палаты обнаружены следы древнего свода. При вычерчивании обмеренной кривой свода было определено, что его пролёт составлял здесь около семи метров, что на метр длиннее аналогичного пролёта одностолпной палаты. Необходимо отметить, что и верх люнета здесь выше верха люнетов одностолпной палаты более чем на полметра. В поздних закладках и засыпках найдено много кирпичей с характерными профилями от нервюр, аналогичных нервюрам одностолпной палаты. Судя по данным раскопок, длина в интерьере разобранный южной палаты с запада на восток составляла не менее 14 метров. Её подклет не был разделён поперечными стенами, а это свидетельствует о том, что второй этаж представлял единое помещение. Реконструировать первоначальные формы этого помещения без дополнительных раскопок можно только гипотетически. Однако можно утверждать, что оно явно было больше и оформлено более парадно, чем сохранившаяся одностолпная часть.

Одним из самых сложных остаётся вопрос о завершении здания. На известной иконе «Видение пономаря Тарасия», хорошо читаются характерные ступенчатые фронтоны. Судя по другой иконе, конца XVII века, где палата изображена с обычной высокой тёсовой кровлей, первоначальное покрытие здания подверглось значительным переделкам уже в XVII веке. Перестройки начала XIX века, когда все стены были выровнены по высоте и объединены общим карнизом, почти полностью уничтожили возможные остатки первоначальных венчающих частей XV века. В процессе натурных исследований всё же были раскрыты некоторые элементы этих частей. На западном фасаде сохранился венчающий фриз в виде ряда поребрика. Судя по уровню первоначальной кладки западной стены, сохранившемуся на чердаке, при устройстве карниза XIX века были разобраны примерно 2–3 венчающих ряда стены XV века. При соотношении с этим уровнем других сохранившихся архитектурных элементов верхних частей восточного и западной половины северного фасадов, можно сделать только следующие предварительные выводы:

У «Г-образного» в плане здания была высокая кровля с коньками в двух направлениях: запад-восток (для одностолпной части) и север-юг (для западной и южной частей). Оно венчалось разновеликими ступенчатыми фронтонами на восточном фасаде одностолпной палаты и на западной части северного фасада. Более длинная часть здания, вытянутая с севера на юг, несомненно, должна была иметь ещё один фронтон (видимо, самый большой) на своём южном фасаде. Изображение на иконе конца XVI века как будто подтверждает это.

Установлено, что в здании, построенном в XV веке, в основном (верхнем) уровне располагались три парадные приёмные палаты, две наибольшие из которых были перекрыты нервюрными сводами. Палаты соединялись между собой сводчатыми галереями-сенями, главная из них, видимо, проходила вдоль восточного фасада несохранившейся палаты. «Всход» (крыльцо) находился, вероятно, в южном торце этой галереи («от Софии»). Кроме того, здание включало в себя и жилые покои (или кабинет) владыки Евфимия, которые состояли из холодных сеней и тёплой комнаты, с многочисленными нишами, окнами, дверью на балкон или лестницу в сад, а также с рукою и готической печью. Вторая печь находилась в юго-восточном углу одностолпного зала, так что и он был тёплым помещением. У его юго-восточного угла на южном фасаде в специальном выступе размещались часы. Через несколько лет после постройки (вероятно, в 1441 г.) наиболее важные помещения второго этажа были полностью расписаны фресковой живописью.

Всё здание, как уже говорилось выше, было построено единовременно, в едином готическом стиле, в одной строительной технике. Более того, эта же техника прослеживается и в южной, утраченной палате. Маловероятно, чтобы на территории Владычного двора могла существовать ещё и третья крупная парадная готическая постройка. Следовательно, можно утверждать, что в южной части мы имеем дело именно с той самой летописной «Большой палатой» 1433 года. Таким образом, благодаря последним исследованиям отчасти подтвердилась первоначальная атрибуция 1930-х годов. И в то же время подтвердилась точка зрения Э.А. Гордиенко о том, что главный парадный зал во времена владыки Евфимия находился не в т.н. «Грановитой палате», которая, как представляется, выполняла функцию тёплой Крестовой, а в подклете — тёплой столовой. Окончательно прояснить данный вопрос должны планируемые в ближайшее время археологические раскопки.

Первичный просмотр аналогов в кирпичной готической архитектуре ганзейских городов и монастырских комплексах северной Германии выявил определённый ареал построек, несущих комплекс схожих признаков. Круг этот достаточно широк. Он охватывает северо-западную часть земли Бранденбург, северо-восток Саксонии, юго-восток Шлезвиг-Гольштейна и практически весь Мекленбург. И даже в этих границах существует огромное разнообразие вариантов решения фронтонов, зачастую никак не связанных по своим членениям с нижележащими стенами.

Поэтому предварительная реконструкция выполнена в очень схематичной форме, и всё равно, при такой схематичности уже имеет несколько вариантов с разным количеством ниш и ступеней. Работа с аналогами будет продолжена. Пока наиболее близкие аналоги выявлены в Штральзунде и его окрестностях в земле Мекленбург, в Хавельберге на границе Саксонии и Бранденбурга и в некоторых других местностях северной Германии.

Л.А. Секретарь

К истории Покровского Зверина монастыря

Церковь
Симеона Богоприимца

Сохранившийся монастырский комплекс располагается на левом берегу Волхова за валом Окольного города.

Название «Зверин» является вариантом микротопонима «Зверинец». «Зверинец на Кзени» (ручье, впадающее в Волхов) упоминается в летописях под 1069 г. в связи с нападением на Новгород полоцкого князя Всеслава Брючиславовича¹.

Самое раннее летописное сообщение о монастыре относится к 1148 г.: «...зажже громъ церковь святыя Богородица в Зверинцине монастыре»².

Под 1192 г. летописи сообщают о поставлении игуменни «Ефросинии Петровой Купцевица»³.

До 1399 г. главный храм Покрова Пресвятой Богородицы был деревянным. Несколько раз он возводился заново. Летописи зафиксировали строительство деревянных церквей в 1300 и 1335 гг.⁴ Первый каменный храм был построен в 1399 г. новгородским архиепископом Иоанном «с своими детми» — новгородцами. Он же освящал церковь в октябре месяце вместе с клиром Софийского собора⁵.

Второй каменный храм в монастыре в честь Симеона Богоприимца был сооружён в 1468 г. владыкой Ионией. Этому событию предшествовало возведение деревянной обетной церкви во время сильного морового поветрия, охватившего новгородскую и псковскую земли. Подробная надпись о море и поставлении деревянной церкви помещалась на специальной доске, хранившейся в монастыре, и была опубликована Амвросием Орнатским в «Истории российской иерархии»⁶. Этот текст, стилистически переработанный, включён в Погодинскую летопись⁷. В сокращённом варианте он сохранился в виде граффити на стене церкви Симеона Богоприимца⁸.

Архиепископ Иона во время молитвы услышал глас, возвестивший ему о явлении чудотворной иконы «Симеон Богоприимец» на скудельнице у Зверина монастыря, где хоронили умерших во время мора. Иона совершил

крестный ход на это место и поставил «единым днём» в праздник Покрова Пресвятой Богородицы церковь вместе со всеми новгородцами.

В Писцовой книге конца XVI в., кроме каменных храмов, упоминается тёплая деревянная церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Эту часть Неревского конца города населяли в то время главным образом плотники⁹.

Монастырь сильно пострадал при захвате Новгорода шведами в 1611 г., особенно Покровская церковь, которая «розвалилась до подошвы», как свидетельствует Опись Новгорода 1617 года. Разорена была и церковь Симеона Богоприимца¹⁰.

В монастыре проживали тогда две старицы и четыре белицы. В Покровской церкви сохранялись 4 местных образа без окладов, в церкви Симеона Богоприимца — резные царские двери и 3 местных образа «на золоте».

В XVII в. каменные храмы были перестроены и возведена новая деревянная церковь «на взмостье» Благовещения Пресвятой Богородицы¹¹. В документах XVII—XVIII вв. (начиная с Описи 1615 г.) церковь Покрова Богородицы называется Положения ризы Богородицы. Когда и в связи с чем произошло её переосвящение, остаётся неизвестным.

При Петре I в 1721 г. Зверин монастырь приписали к Сырковской обители. Туда же перевели и семь монахинь. В 1727 г. обитель вновь стала самостоятельной¹². По данным 1738 г., здесь проживали 4 монахини во главе с настоятельницей (в ранге строительницы) Анной¹³.

Перед реформой 1764 г. за монастырём числилось 465 душ крепостных крестьян, 437 дес. земли¹⁴.

В 1764 г. Зверин монастырь был оставлен в штате и причислен ко II классу¹⁵.

В 1772 г. большой садовый участок земли Зверина монастыря отвели для сооружения парусной фабрики. После утверждения генерального плана Новгорода 1778 г. часть земли отошла под вновь проложенную Лазоревскую улицу и жилую застройку¹⁶.

В начале XIX в. монастырский комплекс включал: две каменные церкви, Покровскую и Симеоновскую, деревянные кельи, ограду, колокольню, надстроенную в 1799 г. над каменными святыми воротами из материала от разобранной колокольни упразднённого Николо-Бельского монастыря¹⁷. Каменный храм Николы Белого являлся в то время приписным к Зверину монастырю.

В XIX в. в монастыре ведутся большие строительные работы. В 1830—1850-е гг. деревянная ограда заменяется каменной с башнями¹⁸. В 1850 г. при игуменье Агнии сооружается двухэтажный каменный корпус для настоятельницы и сестёр¹⁹. С южной стороны возводится каменная колокольня по проекту новгородского архитектора Р.К. Кржижановского, утверждённому в 1846 г., сохранившаяся до настоящего времени²⁰. К XIX в. относится также строительство одноэтажного каменного трапезного корпуса, над которым в 1860-е гг. был надстроен деревянный этаж²¹.

В середине XIX в. чиновник Михайлов подарил обители место земли с ветхими строениями на углу Знаменской (ныне Ильина) и Славной улиц для устройства подворья. Монастырь построил здесь новый каменный дом, отремонтировал старый и сдавал их в наём, что являлось одной из хороших статей дохода²².

По данным 1864 г., в обители проживало 192 человека, из них 18 монахинь, игуменья, 69 послушниц, остальные — девочки-сироты и монастырские служители²³. В Зверине монастыре в 1870-е гг. проживала Таисия Солопова — известная подвижница, много сделавшая для благоустройства и возвышения Леушинской женской обители в Череповецком уезде Новгородской губернии. В Зверине монастыре с 1872 г. она исполняла послушания как регентша и уставщица на клиросе. Монашеский постриг приняла в 1879 г. в Званской обители с именем Таисия. С 1881 г. она возглавила вновь основанную Леушинскую монашескую общину, преобразованную затем в монастырь. В игуменьи этого монастыря её посвятил в 1885 г. новгородский викарный епископ Анастасий

⌘ Покровский собор, конец XIX — начало XX вв.

Добрадин²⁴. В миру её звали Мария Васильевна. Родилась она в Петербурге в семье потомственного Боровичского дворянина. Мать происходила из рода Пушкиных и приходилась поэту дальней родственницей. Мария Солопова получила воспитание в Павловском институте благородных девиц. Большую часть жизни она посвятила обустройству возглавляемой ею Леушинской обители, для которой написала общежительный устав²⁵. Известен сборник её стихов под названием «Духовные стихотворения». Опубликованы и письма Иоанна Кронштадского

к игуменье Таисии. С этим старцем её связывали глубокая общность взглядов и вера в Бога. Покровительствовал игуменье и епископ Анастасий Добрадин, не раз посещавший Леушинскую обитель.

В 1899—1901 гг. в Зверине монастыре началось большое строительство. После разборки тёплого западного придела Покровской церкви с двумя престолами свт. Ионы и Богоматери Всех Скорбящих, устроенного в 1804 г. епископом Евгением Болховитиновым,

⌘ Церковь Покрова Божьей матери, XIV—XVII вв.

к древнему храму был пристроен новый большой собор. Его освятили в честь Покрова Божьей Матери. Древняя церковь была переосвящена в честь Тихвинской иконы Божьей Матери. Строительство собора осуществлялось при игуменье Антонине. На сооужение храма родственник игуменьи петербургский купец Герасим Шустров пожертвовал 25 000 рублей²⁶. Из храма XIV в. в новый перенесли древний иконостас, в том числе и явленную икону «Симеон Богоприимец», а также храмовые образы «Покров Божьей Матери» и «Положение ризы Богоматери» в басменном окладе²⁷.

В древней Покровской церкви устроили новый иконостас²⁸.

В 1908 г. графу В.В. Муравьёву-Амурскому при содействии игуменьи Ангелины удалось установить на территории обители место захоронения своего предка Ивана Матвеевича Муравьёва-Апостола — известного государственного деятеля и писателя, отца трёх декабристов: Сергея, Ипполита и Матвея Ивановичей. Сергей Иванович был повешен в 1826 г. как один из руководителей Южного общества. Он служил в Семёновском полку, как и его брат Матвей, также приговорённый к смертной казни за участие в тайном обществе «Союз благоденствия» и покушение на царя. Матвей избежал казни и был сослан на каторгу в Сибирь, где провёл 20 лет жизни. Ипполит Иванович застрелился во время восстания, увидев, как его брат, Сергей, упал. Он решил, что Сергея смертельно ранили. Иван Матвеевич тяжело пережил случившуюся трагедию. Он был образованным человеком, известным в своё время литератором, членом Российской Академии наук (с 1811 г.). Помимо службы, занимался переводами, в том числе греческих авторов: Горация, Аристофана... а также писал стихи и прозу²⁹. И.М. Муравьёв-Апостол умер в 1851 г. Мраморная плита с его могилы была снята при сооружении большого собора³⁰.

Монастырь был закрыт в 1920 г. Постройки, кроме храмов, занял Бологовский караульный батальон: настоятельский корпус — штабом, полукаменный корпус келий — квартирами для военных, второй полукаменный

корпус — мастерскими, двухэтажный каменный корпус — лазаретом, деревянный дом с мезонином — пулемётной командой. Комиссия губернского церковно-ликвидационного подотдела, куда входил от губернского музея С.К. Матвеевский, в 1920 г. обследовала состояние

✠ Изображение святых на западной стене

зданий и имущества Зверина и Духова монастырей. Монашествующих и послушниц в то время в Зверине монастыре числилось 102 человека. По постановлению комиссии здесь были оставлены 25 монахинь на попечении «коллектива» верующих, которым передавались

в пользовании прихожан. Общее собрание «коллектива верующих» в 1927 г. обратилось с ходатайством в Центральные реставрационные мастерские (г. Москва) с просьбой разрешить реставрацию иконы «Покров Божьей Матери» в новгородской мастерской с тем, чтобы затем вернуть её в храм³².

В 1923 г. московский реставратор П.И. Юкин в церкви Симеона Богоприимца под поздней клеевой живописью раскрыл несколько фресковых композиций XV в., в том числе ктиторское изображение — святого Ионы³³. Работы были продолжены в 1944—1945 гг. московскими реставраторами Е.М. Брягиным и В.А. Домбровской³⁴.

Пострадавшие в годы Великой Отечественной войны монастырские постройки были восстановлены. Большой комплекс реставрационных работ осуществлён в 1960—1970-е гг. в церкви Симеона Богоприимца XV в. по проекту архитектора НСРПМ Г.М. Штендера и Покровском храме XIV в. по проекту Л.М. Шуляк. Ансамбль фресковой живописи реставрирован бригадой новгородских реставраторов.

Церковь Симеона Богоприимца используется в настоящее время для музейного показа.

В 1989 г. после ремонтных работ был освящён большой Покровский собор, переданный Русской православной церкви вместе с древним одноимённым храмом³⁵. При действующем соборе открыта воскресная школа.

Остальные монастырские постройки принадлежат военному комиссариату.

Особую художественную ценность в сохранившемся комплексе построек имеют церкви Симеона Богоприимца и Покрова Богородицы.

Церковь Симеона Богоприимца представляет собой миниатюрную кубическую четырёхстолпную постройку с сильно выступающей полукруглой апсидой, восьми-скатным кровельным покрытием и одной световой главой. Первоначальное завершение, возможно, было трёхлопастным.

По размерам (7×7 м) и плановому решению церковь Симеона Богоприимца близка таким памятникам новгородской архитектуры, как церкви Двенадцати Апостолов на Пропостех, св. Лазаря Лазарева монастыря, св. Николая Чудотворца в Гостиньском монастыре (две последних не сохранились)³⁶.

Такие черты, как наличие подцерковья, отделённого от храмового пространства плоским бревенчатым перекрытием, декор в виде рядов бегунца и поребрика характерны для построек времени владыки Евфимия II, как вновь построенных, так и реконструированных на старой основе,

к примеру, церкви Дмитрия Солунского и Воскресения на Мячине.

Стены церкви украшены росписями XV—XVII вв. Первоначальный уникальный живописный ансамбль исполнен при архиепископе Ионе в XV в. Ктиторская композиция помещена на южной стене. Иона изображён в трёхчетвертном повороте с церковью св. Симеона в правой руке.

На стенах и столбах образы святых (князей, архиепископов, воинов, монахов, юродивых) расположены фризами, отделёнными отгранками. Это своеобразная

✠ Фрагмент интерьера

✠ Архиепископ Иона

храмы, в том числе и приписные: св. Лазаря и Николая Чудотворца (бывших Лазарева и Николо-Бельского монастырей).

В 1924 г. древние храмы Симеона Богоприимца и Тихвинской иконы Божьей Матери (быв. Покровская) передали в ведение Губмузея, при этом первая причислена к 1-й категории, находящейся под охраной Центрального музейного органа, а вторая — ко 2-й категории. Церковь св. Лазаря 1865 г. поступила в распоряжение Губернского отдела коммунального хозяйства и была разобрана³¹. Покровский собор 1901 г. остался

иллюстрация Месяцеслова. «Чтение» росписи начинается с сентября и разворачивается по часовой стрелке³⁷.

Подобная необычная для Руси, но известная на Балканах система росписей объясняется мемориальным характером храма, возведённого в память об огромном количестве людей, умерших во время морового поветрия.

Живопись XV в. отличается высоким профессионализмом. По мнению исследователей, она выполнена мастерами Дома св. Софии. Для неё характерна близость к иконописной манере письма. Образы святых развёрнуты фронтально и обращены к молящимся. Мастерам удалось создать особое ощущение почти зримого участия святых с присутствующими в храме в общей молитве, обращённой к Богу³⁸.

Церковь Покрова Богородицы расположена к востоку от большого Покровского собора начала XX в. в одной связи с ним. Особое участие владыки в сооружении храма 1399 г. подчёркнуто летописцем фразой: «...и свяща ю сам владыка Иоан с попы и с крылосом святыя София»³⁹.

Храм представляет собой небольшую четырёхстолпную кубическую постройку с одной апсидой, украшенной аркатурным поясом. Завершена одной главой

на световом барабане. Фасады разделены лопатками, стянутыми в верхней части многолопастными арками.

В интерьере сохранились росписи, выполненные клеевыми красками в XVII в.: композиция «Всевидающее око» в барабане, четырёхцветные разгранки в окнах барабана и на подпружных арках. В скуфье апсиды — композиция «Спас в облаках, поддерживаемый ангелами» исполнена в технике масляной живописи⁴⁰.

Памятник представляет собой результат двух основных строительных периодов: XIV и конца XVII вв. Причиной перестройки его в XVII в. явилось сильное разрушение в период шведского нашествия⁴¹. Перестройка была настолько существенной, что в описи 1682 г. говорится о том, что церковь построена вновь игуменьей Евфимией⁴².

Как показали исследования, к XIV в. относится план храма, три стены: северная, западная и восточная. В XVII в. заново построена южная стена, столбы, переложены своды, устроено восьмискатное завершение, возведена глава.

По мнению Л.М. Шуляк, ближайшей аналогией Покровской церкви является храм Петра и Павла в Кожевниках. Планы этих построек почти полностью совпадают⁴³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НПЛ. С. 17.

² Там же. С. 214.

³ Там же. С. 231.

⁴ Там же. С. 91, 346—347.

⁵ Там же. С. 394; ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. Стб. 144.

⁶ Амвросий. История Российской иерархии. СПб., 1812. Ч. 3. С. 151—153.

⁷ Азбелев С.Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 117—119.

⁸ Сивак С.И. Неизвестное граффити церкви Симеона Зверина монастыря (история строительства церкви) // ПКНО. 1982. Л., 1984. С. 29—33.

⁹ Майков В.В. Писцовая книга по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911. С. 78—79.

¹⁰ Опись Новгорода 1617 года // Памятники отечественной истории. М., 1984. Вып. 3. Ч. 1. С. 128.

¹¹ Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 136—143.

¹² Макарий архим. Археологическое описание... С. 135—136.

¹³ РГАДА. Ф. 311. Оп. 1. Д. 1. Л. 73.

¹⁴ Амвросий. История Российской иерархии... С. 154.

¹⁵ Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи. Т. 2. СПб., 1892.

¹⁶ ГИАНО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 3. Л. 4—6; Д. 1. Л. 66—66об.

¹⁷ Амвросий. История Российской иерархии... С. 154; ГИАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 2229. 1810. Л. 8—8об.

¹⁸ ГИАНО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 3. Л. 23—25.

¹⁹ Там же. Д. 1. Л. 67—67об.

²⁰ РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 1549. Л. 7—9.

²¹ ГИАНО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 7. Л. 124об.

²² Там же. Д. 1. Л. 67—67об.

²³ Там же. Ф. 712. Оп. 1. Д. 7. Л. 123—124об.

²⁴ ОПИ НГМ. КП. № 12014 (тетрадь 5б). Дневники епископа сброшюрованы в тетради, листы не пронумерованы.

²⁵ Устав Леушинского монастыря. СПб., 2002. С. 29—31.

²⁶ Быстров Фёдор. Закладка нового каменного храма в новгородском Зверино-Покровском женском монастыре // НЕВ. 1899. № 17. С. 1051—1053; Освящение новоустроенного храма в Зверинском женском монастыре // НЕВ. 1901. № 21. С. 1264—1268.

²⁷ Рождественский Алексей. Новгородский Покровский Зверин женский монастырь. Новгород, 1911. С. 8—10.

²⁸ ГИАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1707. 1903. Л. 192—193.

²⁹ Русский биографический словарь. СПб., 1914. С. 272.

³⁰ ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 19. 1908. Л. 3об.

³¹ ГИАНО. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 1318. Л. 35, 41—42, 80—99, 111, 114, 120.

³² Там же. Л. 157.

³³ Порфиридов Ник. Новые открытия в области древней живописи в Новгороде

(1918—1928) // СНОЛД. Вып. 9. Новгород, 1928. С. 61—62.

³⁴ Колпакова Г.С. О росписи церкви Симеона Богоприимца в Новгороде // Древнерусское искусство. М., 1980. С. 297.

³⁵ У верующих — новая церковь // Новгородский комсомолец. 1989. 16 июля. № 29. С. 5.

³⁶ Гладенко Т.В., Красноречьев Л.Е., Штендер Г.М., Шуляк Л.М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города. М., 1964. С. 244; Седов Вл.В. Церковь Николая в Гостинополье XV века // Архитектурное наследие и реставрация. М., 1990. С. 216.

³⁷ Герасимов Н.Н. Фрески церкви Симеона Богоприимца в Новгородском Зверине монастыре // ПКНО. 1978. М., 1979. С. 262.

³⁸ Колпакова Г.С. О росписи церкви Симеона Богоприимца в Новгороде // ДРИ. М., 1980. С. 298.

³⁹ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 144.

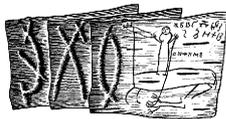
⁴⁰ ОПИ НГОМЗ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 703. Л. 1—3.

⁴¹ Опись Новгорода 1617 года. С. 128.

⁴² Макарий, архим. Археологическое описание... Ч. 1. С. 136.

⁴³ Шуляк Л.М. Покровская церковь Зверина монастыря. Из опыта работы новгородских реставраторов // Совещание по вопросам подготовки памятников истории и культуры для использования их в культурных и хозяйственных целях. Новгород—Ленинград, 1970. С. 22—23.

Фото А.И. ОРЛОВА

КТО ОНИ — ГУДЦЫ НА ПЕЧАТНЫХ ГЛИНЯНЫХ ВОДОЛЕЯХ XIV ВЕКА?

В области изучения древнерусского музыкального быта состоялось замечательное событие. Ему способствовали археологические раскопки на селище Мякинино-1 (северо-западная окраина Москвы). Здесь в 2006 году Подмосковной экспедицией ИА РАН (нач. экспедиции А.В. Энгватова, руководитель раскопок В.Ю. Коваль) были обнаружены обломки глиняного поливного сосуда с рельефными изображениями, в которых важная роль отведена музыкантам. Склеенные обломки несут на себе следы повреждений и значительных утрат. Чтобы приблизиться к пониманию этого вновь открытого памятника, его необходимо сопоставить с материалами археологических раскопок, ранее осуществлённых в Великом Новгороде. При этом и новгородские соответствующие находки обретут существенное для них дополнение. Итогом такого сопоставления явится новый документ, показывающий, каким виделся средневековому художнику мир музыкантов.

Во время исследований в древнем Плотницком конце Новгорода на Никитинском раскопе (начальник НАЭ — академик В.Л. Янин, руководитель раскопа — Г.Е. Дубровин) в 2003 году из слоёв XIV века были извлечены обломки лепного глиняного сосуда, или, как впоследствии выяснилось, водолея. Его тесто зернистое, с песком, тёмного дымчато-бурого оттенка. Изнутри он испещрён отпечатками пальцев, что отражает специфику производства: вся его лицевая поверхность была изукрашена штампованными узорами и сюжетными рельефными клеймами (рис. 1). На одном частично уцелевшем клейме справа изображён сидящий в профиль музыкант, *гудец*, с островерхим треугольным очертанием колпаком на голове, он поёт и одновременно играет на многострунных *гуслях-псалтире*, правой рукой касается басовых струн, левой — дискантовых. Особенность изображения в том, что инструмент в руках гудца показан не в горизонтальном положении, как это привычно видеть на древнерусских миниатюрах, а в вертикальном, словно это арфа. Лишь однажды арфообразное положение гуслей-псалтиря, смущавшее

❖ Рис. 1. Обломки печатного водолея. Глина. 2-я пол. XIV в. Великий Новгород, Никитинский раскоп

до сих пор своею необычностью, было показано в Учительном Евангелии 1540-х годов (ГИМ)¹. Слева был изображён человек в таком же островерхом колпаке (ошибочно предполагалось, что он повёрнут лицом к гудцу); всё остальное — часть его головы, вся фигура и какой-то находящийся в распоряжении этого человека предмет или предметы, к сожалению, отколоты, от них сохранились лишь окончания (рис. 2).

Данное клеймо — музыкальное — с ясно читаемой фигурой гудца, нуждаясь в восстановлении полного его содержания, и есть предмет нашего пристального внимания. Вместе с тем хотя бы вкратце коснёмся его окружения.

Справа от него было оттиснуто другое клеймо — со сказочным или мифологическим

сюжетом: человек в особом одеянии, со вздыбленными космами (?)*, быть может, охотник или кудесник, за его спиной крылатый «дракон», в правой высоко поднятой

* Здесь и далее вопросы автора.

руке человека детёныш дракона. Остальная часть этого клейма утрачена; на ней, надо полагать, были продолжение левой руки человека и хвост дракона.

❖ Рис. 2. Фрагмент водолея с Никитинского раскопа

В верхнем ряду клейм уцелело изображение змеи, свернувшейся двойным кольцом и таким образом оградящей, оберегающей своего детёныша.

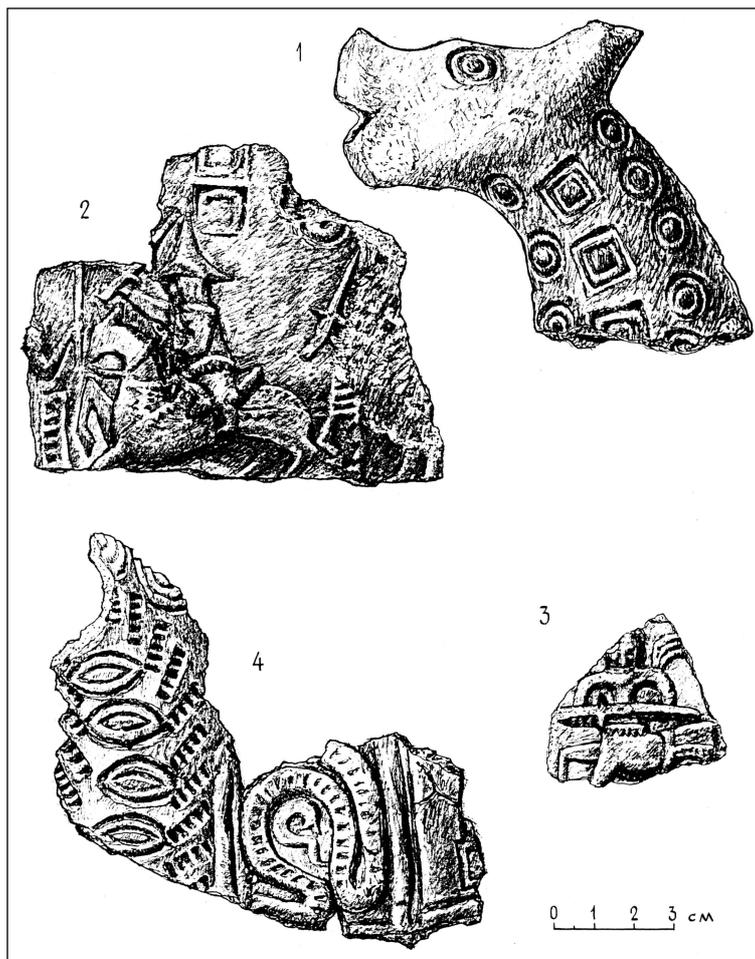
От никитинского водолея найдены соединившиеся между собой обломки стенок и горлышко с драконообразной головкой, а также — к сожалению, отдельно — поддонье-венчик с боковым крепёжным (?) отверстием. Хотя это лишь только части сосуда, всё же очевидно, что при его изготовлении использовались ещё и другие заранее заготовленные штампы, клейма с какими-то иными сюжетами.

Где-то располагалась мастерская по производству печатных водолеев. Случайно или нет, но продукция такой обнаружилась себя на нескольких раскопах в Новгороде, причём пока что исключительно на Торговой стороне. В напластованиях всё того же XIV века на Ильинском, Посольском-1966 и Андреевском раскопах найдены обломки печатных водолеев с новыми по содержанию клеймами (рис. 3). На одном клейме изображены воины с обнажёнными мечами; на голове гарцующего всадника уже знакомый нам островерхий колпак, но здесь он снабжён бармицей, значит, это шлем, характерные его изобразительные черты встретятся позднее — в ратных сценах на миниатюрах Лицевого летописного свода XVI века. На другом клейме показан крылатый Китоврас перед сражением; он обнажает меч, в точности такой, как на рассмотренном выше оттиске с воинами; уцелевшее крыло Китовраса по стилю исполнения такое же, как у дракона на никитинском водолее. На обломке ещё одного водолея встречаем

во всех подробностях повторяющийся сюжет: свернувшаяся змея оберегает своего детёныша, то есть на двух водолеях был использован отпечаток одного клейма.

Собранные на Торговой стороне свидетельства сообщают о четырёх сосудах-водолеях. Их формы до конца не ясны. Пока что представляется, что это были ёмкости, отчасти напоминающие округлый чайник с поддоньем-венчиком. Нет сомнений в том, что все четыре сосуда были изготовлены в условиях одной мастерской. Они объединяются и общей технологией производства с использованием крупнозернистого дымчато-бурого глиняного теста, и инструментарием в виде двух специальных наборов штампов, рассчитанных на низкий и на высокий уровни рельефов, и выдержанным в едином стиле художественным языком. Очевидно, что и набор клейм, и их расположение на сосудах менялись. В итоге одинаковых водолеев не было. Лепные изнутри и печатные снаружи, они среди глиняных вещей древнего Новгорода составляют обособленный тип, который так, наверное, и может именоваться — *тип лепной печатной в двух уровнях керамики*.

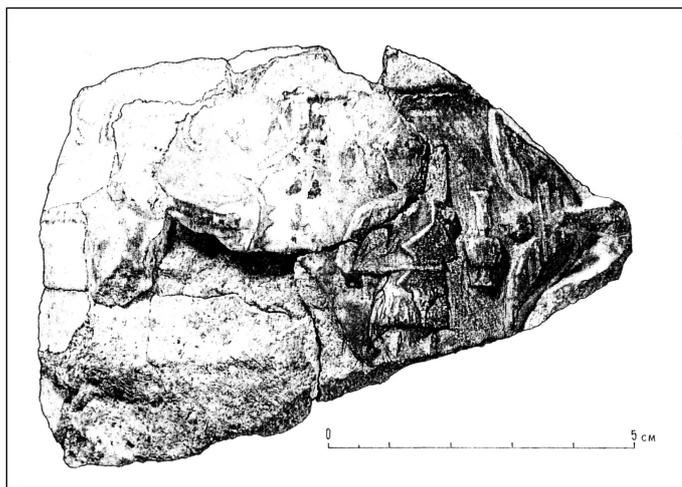
Подробнее об этих находках вместе с предположительными суждениями сообщалось в 2004 году:

❖ Рис. 3. Обломки печатных водолеев. Глина. XIV в. Великий Новгород: 1 — Ильинский раскоп; 2 — Посольский-1966 раскоп; 3-4 — Андреевский раскоп

«Печатные водолеи — это особенный источник сведений о музыкально-поэтических настроениях в древнем Новгороде. Полнота этого источника, а равно и возможное уточнение временных границ его бытования зависят от дополнительных археологических свидетельств, причём не обязательно только новгородских. С пожеланием скорейшего обнаружения таковых ставим на вид эту интереснейшую группу керамических находок»².

И вот сбывшееся пожелание. Так скоро. И так далеко от Новгорода. В.Ю. Коваль любезно предоставил материалы о почти невероятной находке³.

❖ **Рис. 4. Часть печатного сосуда. Глина с поливой. XIV–XV вв. Подмосковье, Мякинино-1**

Это три небольших обломка глиняного сосуда, которые сложились при склейке в один (рис. 4). Место обнаружения — селище Мякинино-1, яма 22-2006, являвшаяся, вероятно, остатками подполья жилого дома. Среди вещей здесь же найдены железная и бронзовая накладки для конской упряжи, присущие золотоордынскому времени, а также обломки керамики XII–XIV вв. и в преобладающей мере первой половины — середины XV века. Для интересующего нас обломка допустима последняя датировка, хотя, как заметил В.Ю. Коваль, нельзя исключать и несколько более ранней. Обломок размерами 100×70 мм принадлежал сосуду подшарообразной профилировки диаметром не менее 230 мм. О точном предназначении изделия говорить трудно, так как обломок невелик, но это мог быть и водолей округлых форм, подобный новгородскому. Сосуд был изготовлен на высоком уровне качества из беложгущейся глины с примесью мелкого песка. Изнутри на его стенках характерные отпечатки пальцев. Внешняя его поверхность — без ангоба — покрыта тонкой полупрозрачной поливой светло-зелёного цвета. Такую поливу по ряду признаков В.Ю. Коваль характеризует как свинцовую, применявшуюся на Руси с XI по XVII век.

Под поливой на обломке сосуда прослеживаются разной степени сохранности рельефные изображения. Они сделаны посредством специальных прямоугольных печатей, иначе, «образцовых печатей», деревянных или из обожжённой глины, отчасти, видимо, схожих с теми, коими позднее, в XVI–XVII веках,

пользовались московские ремесленники в Гончарной слободе⁴. Прослеживаются оттиски двух печатей.

На оттиске, расположенном слева, показана фигура с раскинутыми в обе стороны руками; что-то находится в левой руке — определить не удаётся. К сожалению, голова вместе с головным убором и значительная часть самой фигуры отколоты. Здесь можно неуверенно представлять и танцующую фигуру, и многое другое. Не исключено, что это было какое-то особо содержательное клеймо, так как в верхнем левом его углу, по предварительной оценке В.Ю. Ковалья, наблюдается остаток надписи, два знака — «ЕІ». Или же здесь надо видеть всё те же непонятные извивающиеся элементы, как справа от персонажа. Граница между этим загадочным отпечатком и следующим клеймом, правым, сглажена.

На правом клейме — важнейшем для нас — без малейших сомнений справа в углу узнаётся тип многострунных гуслей-псалтиря в арфообразном положении. При этом уцелели и другие важные детали: правая рука на басовых струнах, левая — на дискантовых, колено и даже отчасти фигура музыканта, сидящего боком к зрителю. Всё в точности так, как на новгородском водолее с Никитинского раскопа, только там фигура музыканта без утрат. Однако там нет всего того, что теперь мы можем рассмотреть на остатках такого же оттиска, сделанного на мякининском сосуде. Здесь в левой части клейма читается фигура ещё одного музыканта, а именно, играющего на смычковом инструменте. Он не сидит, а стоит. Полы его одежды — кафтана или пла-

тья скоморошьего — заходят несколько ниже колен. На его голове, как и следовало ожидать, островерхий с треугольным профилем колпак. В отведённой правой руке прямой продолговатый смычок — показан горизонтально. Им он играет на сравнимом по величине с виолончелью инструменте, придерживая последний левой рукой в вертикальном положении. У инструмента ясно читается продолговатая головка (с поверхностным сколом), шейка, а также крупный с выраженной талией заострённый сверху и книзу корпус (полый резонатор). Из-за условности изображения количество струн неопределимо. Между музыкантами, а точнее, прямо между инструментами показан сосуд явно восточного типа с удлинённым узким горлышком и изящной в виде раструба ножкой. Стоит заметить, что хотя и в упрощённом варианте, но у новгородского водолея поддонье-венчик тоже имело форму раструба. Возможно, в этом следует предугадывать стилистическое родство форм непосредственно водолея и изображённого на нём сосуда.

Итак, на двух глиняных сосудах наблюдаются два оттиска одного сюжета. Сосуды, вероятнее всего, были сработаны в разных мастерских. На это указывают не только далеко отстоящие места обнаружения обломков — Новгород и Мякинино-1, но и различающиеся составы глиняного теста, плюс в одном случае это неполиванная продукция, в другом — поливанная. При этом изобразительное сходство оттисков оказалось столь велико, что возникла мысль осуществить последнюю проверку: сравнить изображения, наложив

одно на другое. Результаты поразительны: все уцелевшие точки совпали. **Значит, оттиски были сделаны посредством одной образцовой печати.** Произойти такое могло в следующих случаях: или образцовая печать перекочевала, — быть может, вместе с мастером, — скажем, из Новгорода в другую местность, или же с её оттиска для другой мастерской была изготовлена из глины с последующим обжигом очень качественная печать-копия, иными словами, новая образцовая печать. Если место расположения новгородской мастерской можно предположить на Торговой стороне, то определить, где был изготовлен мякининский сосуд, сложнее. Ориентируясь на многочисленные находки в Твери белогжущей керамики со штампованными изображениями, В.Ю. Коваль признаёт этот город вероятным местом производства мякининского сосуда.

Убедившись сначала в том, что на двух глиняных сосудах были сделаны оттиски по сути одним клеймом, а затем, объединив, или наложив одно на другое повреждённые, с утратами, изображения, мы получили очень важный реконструктивного характера самостоятельный документ, который предлагаем к публикации. Это почти полный оттиск образцового клейма с инструментальным музыкальным сюжетом (рис. 5).

Объективная оценка этого сюжета возникнет, вероятно, позднее, когда различные исследователи рассмотрят его, каждый со своей точки зрения. Памятник не столь простой, каким может показаться с первого взгляда. Он располагает ко многим фантазиям. Попытаемся сопроводить его имеющимися на данное время фактами, быть может, в чём-то и противоречивыми, но достойными размышления.

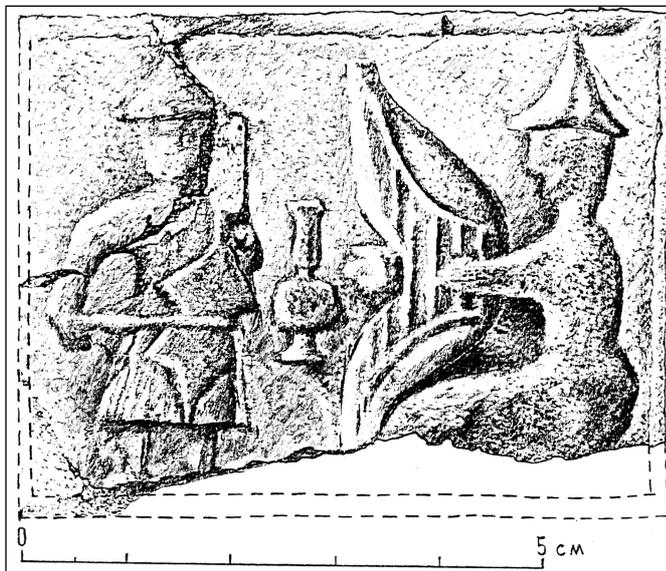
Ценность памятника уже в том, что на нём показан самый ранний в древнерусской иконографии случай совместного (ансамблевого) музицирования на двух разнотипных струнных инструментах — смычковом и щипковом.

Платье музыкантов запечатлено обобщённо; детализирован, да и то слабо, разве что сборчатый, вероятно, как у «кудесника» на новгородском водолее, подол фигуры со смычковым инструментом. Более выразительны на музыкантах треугольные островерхие колпаки. Такие же отмечаются на гудце и других персонажах бронзовой ажурной накладки из состава псковского поясного набора XV века⁵.

Трудно пока что догадаться, каково назначение помещённого между музыкантами одинокого сосуда. Быть может, он есть ключ иносказания: настоящая музыка целебна, как напиток в этом прекрасном сосуде. Любопытна цепочка созвучий: глиняный водолей — это сосуд, на его клейме — сосуд, а рядом — опять же гудебные сосуды, под коими в книгах на Руси подразумевались музыкальные инструменты. Отсюда вариант иносказания: голоса гудебных сосудов пьянят, как вино, которым наполнен этот сосуд. Восточные формы изображённого сосуда, может быть, находились в смысловой связи со сказочными заморскими, то есть восточными сюжетами на тех клеймах глиняного сосуда-водолея, которые утрачены. Или ту же связь равно

следует распространять и на музыкантов. И на музыкальные инструменты. Однако пока что такую трудно проследить.

В частности, не напрямую к восточным народам своим происхождением притягиваются гусли-псалтирь. Как показывают средневековые скульптурные и живописные произведения, разновидности многострунного инструмента *псалтериума* начали складываться в Западной Европе под влиянием ближневосточного прямоугольно-трапециевидного кануна (музыкального инструмента) примерно в XII — начале

❖ **Рис. 5. Клеймо с музыкантами. Сюжет получен при совмещении двух изображений на глиняных сосудах — подмосковном и новгородском**

XIII века. А по прошествии около ста лет конструктивно схожий инструмент, за которым А.С. Фаминцын в XIX веке закрепил название *гусли-псалтирь*, становится известным в Новгороде. Здесь его свидетельство в виде материальных остатков и находок изобразительного характера начинают обнаруживать себя в археологических отложениях не ранее XIV века⁶. При этом, заметим, псалтериум со стороны его основания, то есть со стороны басовых, длинных струн обычно имеет прямолинейные черты. А вот изогнутая, лукообразная форма многострунных гуслей на Западе — большая редкость. Она, вероятнее всего, как результат осмысления конструктивной идеи псалтериума — а теперь, похоже, и арфы (?) или лука (?) — развивалась уже на Руси, конкретно в Новгороде. Во всяком случае, данный инструмент, лукообразный, в сравнении с другими вариантами гуслей-псалтиря, снабжённых прямым или даже выпуклым основанием (как на рисунке Адама Олеария, XVII в.), наиболее часто встречается на древнерусских миниатюрах, и ранее всего — на листе 39 в Новгородской Симоновской (Хлудовской) Псалтири. Датировку этой рукописи исследователи уточняют и переносят с конца XIII на начало XIV века, что вполне согласуется с археологическими находками в Новгороде.

Другое примечание. Псалтериум при игре держали, как правило, основанием, то есть широкой частью вверх. На Руси же родственный многострунный инструмент во время игры располагали обычно на коленях

основанием вниз, вершина касалась груди музыканта. В такой уверенности мы пребывали до самых недавних пор. Лишь в 2003 году обломок глиняного водолеса с Никитинского раскопа в Новгороде убедил нас в том, что было и ещё одно положение многострунных гуслей при игре — вертикальное, иначе, арфообразное. Следует заметить, что именно при арфообразном положении находит себе логическое оправдание форма гуслей с изогнутым основанием: без такого изгиба в основании не была бы возможна игра на басовых струнах. Потому напрашивается неожиданный вывод: расположение гуслей-псалтиря на коленях, — при котором упомянутый изгиб теряет конструктивную роль, — исторически вторично, а арфообразное положение этого инструмента при игре — первично. Не исключено, что мы таким образом приблизились к пониманию изначальной истории гуслей, похожих на многострунный лук. Смущает то, что сегодня свидетельств арфообразного положения таких гуслей — вместе с упоминавшейся миниатюрой из Учительного Евангелия 1540-х годов и вновь открытым обломком сосуда в Мякинино-1 — насчитывается всего лишь три. А строго говоря, два. Не будем забывать, что третье свидетельство прямо соотносится со вторым, оба они — производные одного образцового клейма.

И ещё. Мы говорим о гуслях-псалтире как об инструменте многострунном. Но на нашем документе они показаны всего лишь с шестью струнами. Это продиктовано условностью изображения и отчасти технологией глиняного производства. На древних миниатюрах, также исполненных в условном художественном языке, у такого инструмента бывает в отдельных случаях 5, 6, а чаще от 9 до 14 и более струн. На непосредственно образцах псалтиревидных гуслей XIX века, в это время редко русских, а долее сохранявшихся в быту народов Поволжья, количество струн достигало 25 и более.

Основное время бытования гуслей-псалтиря в русском быту — XIV—XVIII, отчасти XIX столетия. Это едва ли не единственный из традиционных русских инструментов, к которому со стороны православной церкви было сравнительно терпимое отношение. На контролируемых церковью изображениях — миниатюрах, иконах, предметах декоративно-прикладного искусства мы почти не находим тех весьма ярких по облику музыкальных инструментов, многочисленных свидетельств которых археологически открыты в Новгороде и отчасти других городах Древней Руси. Именно многострунными «угодными Богу» гуслями олицетворялся загадочный по облику библейский струнный щипковый инструмент — псалтирь⁷.

Что же касается смычкового инструмента, изображённого на рассматриваемом клейме, то он, как всякий инструмент, на котором играют смычком, несёт в себе восточные черты. Но эти черты, на наш взгляд, вполне опосредованы, преобразованы в средневековой западноевропейской музыкальной практике. Подобные образцы инструментов с выраженной талией имеются, например, в составленном в 1882 году «Атласе к истории смычковых инструментов» Ю. Рюлманна⁸. Археологически ни в Новгороде, ни в иных древнерусских городах не найдено таких материальных остатков, которые хотя бы косвенно сообщали о форме смычкового инструмента с выраженной талией, а равно и

удлинённой шейкой, как у инструмента на клейме. Все свидетельства древних новгородских смычковых инструментов — гудков X—XV веков, и в частности, находки их полых корпусов (резонаторов) или заготовок, отличаются грушеобразными очертаниями.

Единственный на Руси документ, на котором изображён смычковый инструмент, во многом схожий с тем, что на нашем клейме, — это фреска «АИТЬ СКОМОРОХ», созданная в 1465 году в церкви Успения Богородицы села Мелётово Псковской области. На фреске показан музыкант с инструментом, сравнимым с виолончелью как по величине, так и по вертикальному положению при игре. Заостряющийся сверху и книзу корпус инструмента по бокам снабжён характерными выемками. В правой руке музыканта длинный прямой смычок, опять-таки сравнимый со смычком на клейме. Прямой смычок встречается изредка в византийских, а чаще в западноевропейских средневековых изображениях. На Руси, если судить по материалам новгородской археологии, для игры на гудке использовался не прямой, а изогнутый смычок, точнее, *лучок*⁹. Это подтверждают также натурные зарисовки, лубочные картинки и письменные сведения XVII—XVIII—XIX веков.

Вспомним, что в 1960—1980-х годах некоторые исследователи утвердились в мысли, будто древнерусские художники изображали в книжных миниатюрах, иконах, фресках те музыкальные инструменты, которые они видели в родном быту. Но открытые археологами в Великом Новгороде древние музыкальные инструменты почти все, кроме гуслей-псалтиря, не встретились в упомянутых источниках.

По поводу мелётовского изображения Н.Н. Розов в 1968 году высказывался: «Инструмент этот явно списан с натуры, взят из жизни и нарисован с величайшей тщательностью, во всех деталях, со знанием дела»¹⁰. Однако последующее изучение археологических музыкальных древностей убедило в другом: мелётовский живописец, подчинявшийся церковным установкам, менее всего обращал свой взор на звучащие в Новгородском и Псковском краях гудки; для него в религиозном сюжете было важнее показать именно не местный, не знакомый прихожанам гудебный сосуд. Потому на изображении легко узнаются черты и детали, присущие древним западноевропейским смычковым инструментам¹¹.

Вероятно, такую же оценку при всех имеющихся на сегодняшний день доказательных источниках следует дать и изображению на нашем клейме. На нём смычковый инструмент с боковыми выемками и гусли-псалтирь в арфообразном положении были изображены в том условном художественном языке, который принимался и контролировался православной церковью. В этом языке встречаются византийские и западноевропейские элементы. Чему не противоречат и другие сюжеты в наборе клейм, использовавшихся при производстве печатных водолесов — это свернувшаяся змея с детёнышем, крылатый и тоже с детёнышем дракон, гарцующие всадники с мечами, наконец, один из любимых в Европе и на Руси образ крылатого с мечом Кентавра, или Китовраса, а позднее — Полкана.

В средневековом рыцарском романе о подвигах Бово д'Антоня, возникшем во Франции, а затем в вариантах устной сказки и рукописной повести «Бова

Королевич» распространившемся среди русских людей, находим некоторые созвучные нашим клеймам образы. Тут, в частности, и многочисленные *конные сражения*, и *меч-кладенец*, и мать — *змея лютая*, подмешавшая в пирог *змеиною сала*. Тут и «богатырь *Полкан Полкановиць* — туловище лошадиная, голова человеческая, *скоки делал по семи вёрст*»¹². И тут же — юный Бова Королевич «добре на *гузлях играет*»¹³. А о двоих сыновьях его, согласно варианту сказки, говорится: «Мамка и сделала им по *гудоцьку*; оне и пошли на свадьбуку. <...> И *поют* всё. Он... как снял с них *каптацьки*...»¹⁴. В одном из вариантов повести узнаём: «Симбалда играет в *гусли*, а Личарда в *домъру*»¹⁵.

Принимаем к вниманию такого рода сходства, содействующие в одном произведении. Отмечаем, что примера равного этому во всём поэтическом наследии у русских, да, наверное, и в Европе, не существует. Вторичным примером, уже с меньшим рядом сюжетных сходств, можно признать «Девгениево деяние». Это повесть, тоже переводная — XI—XII века, о византийском воине-герое Дигенисе Акрите. Ещё в отрочестве он победил медведей, льва, лося и трёхглавого змея, играл на *гузлях* и равно играючи владел *мечом* на поле брани, восседая при этом на *гарциющем* украшенном звонцами *коне*¹⁶. В других произведениях встречаются лишь отдельные сюжеты, близкие тем, что на *водолеях*. В частности, редкий и важный для нас сюжет с *двумя музыкантами* — Бояном и Ходыной — находим в «Слове о полку Игореве»¹⁷. Но в подобных источниках нет сюжета с Кентавром, или Полканом, как в повести о Бове Королевиче.

И всё же отождествлять напрямую образы «Бовы Королевича» с изображениями на печатных *водолеях* вряд ли возможно, тем более так сразу. Во-первых, у нас нет ни одного сосуда с полным набором печатных сюжетов: те, что перечислялись, разбросаны по нескольким разным *водолеям*. Во-вторых, не известно, являлись ли сюжеты на клеймах иллюстрациями к какому-то

конкретному поэтическому произведению; а вдруг на сосудах отпечатывались популярные мифологические или сказочные образы в произвольном порядке. В-третьих, не все сюжеты на *водолеях* легко сопоставимы с образами повести. Например, кажется, нигде в традиционном русском поэтическом наследии не представлен образ ужа или змеи, оберегающей детёныша. Загадочным остаётся и другое клеймо — с драконом и его детёнышем в руках «кудесника». Наконец, письменный перевод повести о Бове Королевиче на сербохорватский, затем белорусский язык состоялся сравнительно поздно, лишь в XVI веке, к последнему восходят русские списки. Впрочем, по мнению А.М. Панченко, повесть «сначала проникла в Московскую Русь в устной передаче и только позднее попала в письменность»¹⁸. Но такого удренения повести нам недостаточно: чтобы сблизить «Бову Королевича» с сюжетами на *водолеях*, надо допустить ещё более смелую мысль — о том, что повесть устно пересказывалась на Руси, допустим, в средневековом Новгороде не позднее XIV столетия.

Итак, перед нами важный документ средневековья. Он имеет отношение к русской и общеевропейской истории. Он сообщает новые сведения о сравнительно редком способе производства глиняных сосудов, в частности *водолев*, украшавшихся рельефными печатными изображениями. Одновременно он является памятником изобразительного искусства. Сюжеты его клейм, охватывая реальные и фантастические стороны жизни, прямо взаимосвязаны с поэтическими воззрениями своего времени. Ключевой отпечаток, образованный совмещением двух находок, рассказывает о мире музыки, о музыкантах, о разновидностях струнных музыкальных инструментов и способах игры на них. Памятник едва только начинает раскрывать свои тайны. Вместе с ответами задаёт новые вопросы. Он достоин бережного и внимательного изучения.

20 марта 2007 года

Остаётся лишь вновь и вновь мечтать, чтобы комплекс удивительных находок дополнился утраченными черепками: ибо не ясен не только набор клейм данного типа *водолев*, но и их основные наружные объёмы. А ведь где-то эти черепки, крупные или крохотные, покоятся в ожидании любопытствующего взгляда. И пока мы витаем в мечтах, неожиданности одна за другой уже выстраиваются в закономерный ряд. Отсюда к вышесказанному приложение, которое в несколько иной повествовательной манере подготовлено мною специально для журнала «Чело».

Понятно, что для более полного представления о столь замечательном типе древних глиняных сосудов, а значит, и для понимания изображённых на них героев, и гудцов в частности, необходимы дополнительные свидетельства. В древнерусских городах — или хотя бы только в пределах старого Новгорода — неисчислим поток находимых обломков боковых стенок, венчиков, доньшек, горлышек, носиков, ручек, ушек и прочих разновидностей черепков. К каждому из них, пусть и случайно лежащему на берегу или на огородных грядках, а уж тем более найденному

при плановых археологических раскопках, хочется подойти и проверить, нет ли на нём печатных изображений. Подавляюще частыми, конечно же, оказываются примеры гончарного производства от средневековья до наших дней. А образцов интересующей нас лепной печатной керамики XIV века крайне мало. Тем они драгоценнее. С их обнаружением всё в большей ясности из минувшего начинают проступать и объёмы сказочных сосудов-*водолев*, и их роскошное убранство. Если до недавнего времени их единичные находки вызывали недоумение и практически упускались из виду, то теперь, особенно после открытий на Никитинском раскопе, они не только выделены в особый тип лепной посуды, но ещё и, что важно, в хаос всевозможных черепков сделались мгновенно узнаваемыми.

Именно такого рода находку в качестве бесценного подарка я вдруг получил 15 июня 2007 года от Николая Павловича Щетинина — преподавателя математики и одновременно певца, участника знаменитого Новгородского академического хора,

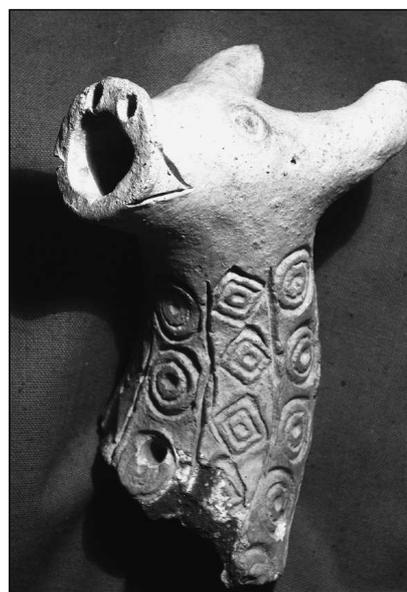
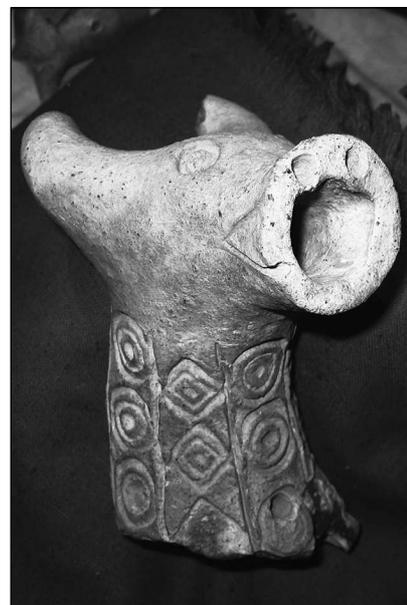
руководимого Кириллом Антоновичем Шалёным. находка пополнила собрание Новгородского центра музыкальных древностей. А всё, что в Центре, — наше национальное и общечеловеческое культурное сокровище...

Минувшей весной Марина Николаевна Попова — староста названного хора — обмолвилась: «У нашего Николая Павловича есть обломок какого-то найденного на берегу Волхова древнего предмета. В нём сохранились дырочки, быть может, для колков, как у гуслей». Понятно, что даже вконец повреждённый равнодушным человеком — и тот бы заинтересовался этой вещью. Смущало одно: как обломок хрупких гуслей, кем-то когда-то вызволенный из напластований земли, не сгнил, не разрушился? Впрочем, в Новгороде чего только не бывает. Когда Николай Павлович приступил к расслоению увесистого, похожего на капустный кочан бумажного свёртка, не сдержать было удивления: «Да ведь для гуслей это что-то тяжёлое!». Из-под упаковочных «сорока одёжек без застёжек» высвободился не деревянный предмет, и, значит, не гусли, а крупный обломок рукотворного узнаваемого в своём печатном уборе глиняного водолея!

Конкретно, это его сливное горлышко — с рогатой драконо-бычьей головой и разинутой, постоянно ревущей пастью (рис. 6). Рога, к сожалению, сохранились не полностью. Ноздри, глаза и шея вплоть до границы скола пропечатаны специальными «узорными» штампами — точечным, циркульным, квадратным. Всё это оживлено смело продавленными посредством спицы рисованными линиями вдоль шеи и в районе пасти, чего не наблюдалось у подобных прежних находок. Самое же неожиданное в новом свидетельстве печатного водолея — это наличие в нижней части его шеи, или горла, трёх сквозных отверстий. То есть если пытаться лить воду из сосуда, то она прольётся не через пасть, а неожиданно — тремя струйками прямо из горла. Отверстия эти, сомнений нет, были сделаны изначально, ещё до обжига сосуда. И предназначались, ясно, не для гусельных колков. Водолей-шутиха? — иного, кажется, не подумаешь. Если так, то мы получаем важное дополнение в банк сведений о загадочном типе печатных водолеев.

Судя по величине обломка, достигающего 140 мм, можно уверенно предполагать, что он принадлежал самому крупному и тяжёлому сосуду среди известных образцов данного типа. Толщина лепных стенок в нижней части горла — 8–10 мм. Диаметр его, как нам кажется, подшаровидного с раструбным поддоньем тулова мог достигать 200–250 мм. Тесто глинистое с примесью грубого песка; после обжига оно, как видно на сколе, внутри стенок тёмного дымчато-бурого оттенка, а на поверхности красивого белесо-серо-охристого цвета с золотистыми искрами слюдяных вкраплений. Можно догадываться, как наряден и торжественен был этот мастерски изготовленный сосуд. Тем более если представить, что вслед за клеймами узорными он, как и подобные ему водолеи, был по всем его объёмам украшен с помощью клейм сюжетных, на коих — и Полкан, и Всадники, и Драконы, и Змеи, и Меч-кладенец, и Гудцы с Гудебными сосудами, а между ними ещё и Сосуд с напитком, не иначе как волшебным.

Находчики, по рассказу Н.П. Щетинина — его сын Михаил с приятелем. Отроками в 1982 году гуляли близ Антоньева монастыря. Напротив главного входа в бывшую Духовную семинарию на обнажившемся речном дне сильно обмелевшего тогда Волхова нашли этот долго остававшийся загадочным предмет. По сходству с образцами печатных водолеев, обнаруженных на Никитинском и других раскопах Торговой стороны, обломок можно датировать XIV столетием. Ко всем его характеристикам — для раздумий — прибавим: в древности, будучи целым водолеем, он как-то использовался в условиях корабля, разбился, и оказался на дне. При этом он мог бы иметь отношение и к обиходу Антоньева монастыря.

❖ *Рис. 6.*
Сливное горлышко печатного водолея. Глина. XIV (?) в. Великий Новгород, дно Волхова у Антоньева монастыря

В Великом Новгороде подобных свидетельств теперь пять. Все они найдены на правом берегу Волхова. Мякининский, или подмосковный, обломок — свидетельство шестое. Внимание к таким находкам возрастает. А на ловца, как говорится, и зверь.

В августе 2007 года по приглашению Елены Владимировны и Сергея Евгеньевича Тороповых мне в составе группы, возглавляемой академиком Валентином Лаврентьевичем Яниным, довелось побывать на археологических раскопах в Старой Руссе и познакомиться с новыми находками. Надо сказать, что древности здесь, если исключить принадлежности добытчиков соли, очень похожи на новгородские. Это и кожаная обувь с заострёнными носами, и берестяные грамоты, кстати, нынешняя № 41, и деревянные с резьбой ковши, ложки, детские мечи, луки, коники и куклы, детали гуслей, рыболовные снасти и прочие предметы, вплоть до огарышей сосновых лучин, вставившихся в XIV веке в кованые железные светцы. Тут же боевые топоры и копья, и древодельные инструменты — тёсла, долота, буравы. Тут и характерные чаще для финских женщин бронзовые шумящие подвески, и всевозможных мастей звонкие бубенцы, и костяные с циркульным орнаментом рукояти ножей, гребни, игральные кости, бабки, и вращаемые на крепких нитях гудалки. Чего только нам не показали! Всё как в Новгороде.

Даже горы глиняных черепков — не отличить. Одно скрыли. Скрыли осознанно, чтобы некоторые не задохнулись от возгласа удивления.

Это оказалось ещё одно сливное горлышко глиняного сосуда. Оно обнаружило себя в так называемом техногенном слое. И хотя оно, наверное, относится к сравнительно поздним векам, тем не менее, отдельными своими признаками тяготеет к группе обсуждаемых нами печатных водолеев. Обломок величиной 116 мм более походит на конскую голову, уши отбиты, грива показана продавленными с помощью острой спицы рисованными линиями, циркульные глазки были оттиснуты специальным штампом. Этот отголосок производства древних печатных водолеев очень тих. Он не поведает нам ни, скажем, о крылатом Китоврасе, ни о таинственных двоих Гудцах. Однако примем его к вниманию. Ибо не всё под нашими башмаками уходит в небытие. Нашли же как-то в Старой Руссе черепок XII века с остатками пропечатанного на нём, кстати-кстати — Китовраса. Запомним и этот факт. Ибо над всем властвует время, которое не только утверждает сроки, но и окрыляет надеждой.

Проходила жизнь в поиске разрозненных крупиц — и воссоздавался скромный предмет, коим дорожили предки.

15 октября 2007 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По поступившим из ГИМа сведениям, это одно из Учительных Евангелий 1540-х годов. Паспорт пока что не выяснен. Ранее этот памятник упоминался как Евангелие 1524 г.: см. следующую сноску.

² В.И. Поветкин. Инструментальные музыкальные древности, открытые в Великом Новгороде в 2003 г. // ННЗ. Вып. 18. Великий Новгород, 2004. С. 85—91. Табл. 3 и 4.

³ В.Ю. Коваль. Поливной сосуд с рельефным сюжетным изображением из раскопок на селище Мякинино-1. В печати.

⁴ М.Г. Рабинович. О древней Москве. М., 1964. С. 158—162. Рис. 72: 1—4.

⁵ Из археологической коллекции Псковского музея. Авторы-составители О.К. Волочкова, Л.Е. Грушина. М., 1994. Фото 16.

⁶ В.И. Поветкин. Новгород музыкальный по материалам археологических исследований. Сезон раскопок 1995 г. // ННЗ. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 125—138; В.И. Поветкин. Новгород музыкальный по материалам археологических исследований. Находки 1996 г. // ННЗ. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 166—176.

⁷ В.И. Поветкин. «Русский» изобразительный канон на музыкальные инструменты // ПКНО. Ежегодник — 1989. М., 1990. С. 147—150.

⁸ Ju. Rühlmann. Atlas zur Geschichte der Bogeninstrumente. Braunschweig, 1882. Taf. VII—IX.

⁹ В.И. Поветкин. В мире инструментальных звуков древнего Новгорода и окрестных городов. Материалы археологических

исследований 1999 г. // ННЗ. Вып. 14. Великий Новгород, 2000. С. 168. Табл. 2, 7.

¹⁰ Н.Н. Розов. Ещё раз об изображении скomorоха на фреске в Мелётове. К вопросу о связях монументальной живописи с миниатюрой и орнаментом // Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М., 1968. С. 85—96.

¹¹ В.И. Поветкин. Гудебные сосуды древних псковичей // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). М., 2003. Т. 1. С. 224—228.

¹² Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. СПб, 1999. Кн. 1. С. 492.

¹³ И.А. Худяков. Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб, 2001. С. 117.

¹⁴ Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края... С. 493.

¹⁵ Повесть о Бове Королевиче. Подготовка текста и комментарии А.М. Панченко // ПЛДР, XVII в. Книга первая. М., 1988. С. 297.

¹⁶ Девгениево деяние. Подготовка текста, перевод и комментарий О.В. Творогова // ПЛДР, XIII в. М., 1981. С. 43—59, 531—533.

¹⁷ Д.С. Лихачёв. Княжеские певцы по свидетельству «Слова о полку Игореве» // Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства / ТОДРЛ. Т. XXXVIII. Л., 1985. С. 503—505.

¹⁸ Повесть о Бове Королевиче... С. 641—642.

М.И. Васильев

НОВГОРОДСКИЕ ЯРМАРКИ

Из цикла «Новгородский праздничный календарь»

Ещё в начале прошлого века ярмарки были привычным атрибутом жизни многих городов и деревень. Так, в «Статистических сведениях о Новгородской губернии» 1866 года говорится о 103 значительных городских и сельских ярмарках, а «Памятная книжка Новгородской губернии» на 1871 год сообщает о 111 ярмарках¹. В начале XX века согласно «Спискам населенных мест Новгородской губернии» в городах насчитывалось 27², а в сельской местности — 403 ярмарки³.

Ярмарки были не только элементом экономической жизни региона, но и являлись частью традиционной культуры в целом. Это отчётливо прослеживается, к примеру, в слиянии ярмарок с праздничным календарём, о чём наглядно свидетельствуют уже сами названия ярмарок: Рождественская, Крещенская, Благовещенская, Троицкая, Петровская, Ильинская, Спасская (Преображенская), Успенская, Никольская...

Культура ярмарки ценна как своеобразный исторический источник, позволяющий более полно осмыслить культурные процессы, происходящие в России. Культуротворческая сторона ярмарки сохраняет свою непреходящую ценность и сегодня — для создания полнокровной современной праздничной обрядности, обогащающей наш досуг. Ярким подтверждением этого является работа по возрождению новгородского праздничного календаря, проводимая областным Домом народного творчества совместно с районными отделами культуры в течение 15 лет. В результате этой работы получили второе рождение ярмарки в Крестцах, Старой Руссе, Малой Вишере, Окуловке, Чудове и ряде других мест.

Возрождение такого яркого и сложного элемента культуры как ярмарка предполагает как можно более полное изучение всех её составляющих. И здесь обращение к литературе зачастую не приносит ощутимых результатов, поскольку обычно публикации содержат информацию лишь о времени проведения и экономической стороне ярмарки и не рассказывают об увеселительной, праздничной её части. В связи с этим основными материалами для воссоздания ярмарки становятся результаты опросов старожилов, полученные в этнографических экспедициях.

Публикация предлагает вниманию читателей описание Никитской ярмарки в Крестцах и Крещенской, Петровской и Сборной ярмарок в Старой Руссе, которые были составлены автором по экспедиционным материалам в рамках программы возрождения новгородской праздничной культуры⁴.

Никитская ярмарка

Издавна наиболее крупным событием года в Крестцах была Никитская ярмарка⁵ («Никитская ярмонка» или просто «Никитская»)⁶. Она начиналась 28 сентября (по новому стилю) и продолжалась около двух недель, заканчиваясь 10—14 октября, к Покрову. Своё название ярмарка получила в связи с отмечавшимся в её начале днём памяти святого великомученика Никиты. История почитания этого святого жителями города Крестцы уходит, по меньшей мере, в XVIII век. Она была связана, вероятно, с существованием в то время в Крестцах церкви, посвященной Никите-великомученику. Никитинская церковь располагалась на берегу реки Холовы в месте соединения Ямской Слободы и Московской улиц (старожилы сейчас помнят лишь то, что здесь раньше стоял

крест, а само место называлось — «ко Хресту»). Никитинская церковь сгорела в 1803 году и не была возобновлена, вероятно, в связи с возведением к этому времени в центре города другого храма — Екатерининского собора, построенного в 1777 году по указу Екатерины II «по случаю» получения Крестцами статуса города⁷.

Проведение ярмарки осенью не было случайно. В это время у крестьян заканчивались полевые работы, и жители всех окрестных деревень съезжались и сходились на ярмарку. «И стар, и млад целую неделю праздновали», — вспоминают старожилы. Кроме местных торговцев и купцов, на Никитскую ярмарку приезжали купцы из Новгорода, Старой Руссы, Валдая, Тихвина, Торжка, Ржева...

Неделя перед ярмаркой была «подготовительной»: в это время завозили товары, строили «ларьки», увеселительные аттракционы. Завозимые товары хранились в специальных амбарах, число их доходило до 60, и располагались они «улицей» (она так и называлась — «Амбарная»)⁸. Часть «лавок» и «ларьков» была постоянной: в них торговали местные купцы и торговцы. Остальные торговые места сооружались из досок на время ярмарки, а потом разбирались.

Местом проведения ярмарки были Соборная площадь — площадь около Екатерининского собора (теперь — Дома культуры)⁹ и Московская улица. Слева и справа от Собора располагался «базар», действовавший, правда, не с таким размахом и в обычные базарные дни. Пространство слева от Собора было занято различными лавками и ларьками: подалеже, напротив современной больницы, стояли «мясные» ряды (в первой трети XX века — два ряда «ларьков»); вдоль дороги, от современной автостанции до начала Московской, торговали мануфактурой, галантереей, сладостями — конфетами, пряниками и др., игрушками и т. п. В 1910—1920-е годы мануфактурой, по словам старожилов, часто торговали «татары», игрушками, в том числе из бумаги — «китайцы». «Мясные» ряды представляли собой довольно крупные лавки с крышами размером около 4×4 м, «мануфактурный» и «галантерейный» ряды — длинные столы без навесов.

На этой же стороне, около современной автостанции, стояли сенные весы — высокое сооружение из вертикально вкопанных столбов с привязанными внизу на цепях двумя брёвнами (длиной около 4 м). Старожилы вспоминают: «...их роскинут — сани въезжают (брёвна подводят под сани — **М.В.**) и вешают».

Напротив Собора — рядом с «галантерейным» рядом — стояла каменная часовня, внутри которой помещалась большая икона с горящей перед ней лампадой.

За дорогой, справа от Собора, тоже располагались ларьки, большинство из них строились специально для ярмарки, и производилась торговля с возов. Здесь продавали «всё что душе угодно»: купцы торговали сукном, шёлковыми, бумажными и другими тканями, кожаными изделиями, стеклянной и фарфоровой посудой; окрестные крестьяне привозили сено, дрова, торговали выделанными кожами, колёсами, телегами, санями, дугами, дёгтем, бондарными изделиями, лаптями и т. п.; цыгане и «барышники» продавали и меняли лошадей... Из Старой Руссы привозили яблоки — их продавали сразу с возов. Много яблок поступало и из Крестецкого уезда: «с имения Чаменского, деревень Воробьево, Тимофеево... Вокруг Борка сады были». Приезжие купцы привозили даже арбузы, виноград...

Накануне открытия ярмарки — в субботу — к родственникам и знакомым в Крестцы начинали съезжаться гости. Девушки на выданье привозили с собой целый «узел» нарядов: на ярмарке происходил своеобразный «смотр» невест.

В Екатерининском соборе в воскресный день совершалась праздничная служба. Кроме того, в XIX веке при «благоприятной» погоде устраивался Крестный ход «в кладбищенскую церковь»¹⁰. По сути, это был ритуальный

обход всего города: вначале шли «ко Хресту», затем обходили Летний Сад, шли мимо полей (в каждом из них служили молебны) — к кладбищу. После кладбища шли на «Солдатскую гору» и, наконец, по шоссе на дороге возвращались в Собор. В XX веке традиция «обхода» города на Никиту-великомученика затухает (она «переходит» на Духов день).

После церковной службы начиналось гуляние: вся площадь и Московская улица заполнялись празднично одетым народом. «Даже улицу не перейти!» — говорят старожилы. Начинался обход базара, у одних с целью приобретения какого-либо товара, у других — особенно детей и молодежи — просто посмотреть товары, людей, себя показать. Пресытившись базаром, переходили к «увеселительным» аттракционам, сопровождавшим ярмарку.

Увеселительные аттракционы размещались с северной и северо-западной стороны от Собора (сейчас — сквер у Дома культуры). Постоянным атрибутом ярмарки была прежде всего карусель. Карусель была разборной. В Крестцы её привозили по железной дороге, а к месту — на лошадях. Во время «подготовительной» недели карусель собирали и устанавливали на Соборной площади. Остов и крыша («шатёр») карусели обтягивались разноцветной (красной, белой и др.) материей. По краю помоста устанавливались несколько пар «лошадок» и «саней», на которых и усаживались катающиеся. Карусель приводилась в движение мускульной силой: часто — местными парнями или подростками, забравшимися внутрь по специальной лестнице. За это они могли бесплатно прокатиться на ней. Во время движения внутри карусели раздавалась музыка. Рядом с каруселью (на длину вытянутой руки) устанавливалась жердь, на которую подвешивалось на бечёвке кольцо диаметром около 10—15 сантиметров, которое старались «выхватить» катающиеся. В случае успеха катающийся имел право на бесплатное катание в следующем «круге».

Другими увеселительными аттракционами были зверинец, а также различные цирковые представления. Первоначально они представляли собой разрозненные выступления. Так, зверей (медведя, верблюда, собачек, обезьян и др.) размещали в помещениях пожарного депо. Там же во дворе устраивали и цирковые представления. Очень интересно выглядел и момент прибытия зверей в город, когда их проводили по Ямской, по сторонам окруженных толпами любопытных. Среди особо

популярных номеров были выступления свиньи, гуся и собаки, в которых высмеивалось «правительство», выступления собачек, исполняющих танцы и изображающих пьяных. «Лежит..., а как скажут — „Милиционер!“ — так они и соскочут — стяхнутся», — вспоминают старожилы. Помимо выступлений в пожарном депо, медведя и обезьянок водили по ярмарке, где они продолжали потешать зрителей: наряженные «в платица и переднички» обезьянки выделяли разные фигуры, медведь показывал («хозяин» давал ему бутылку) — «кто как пьёт»... Среди артистов большую популярность имели клоуны. Иногда ими были карлики. «Выступали как артисты карлики», — вспоминают некоторые старожилы.

Обязательным «увеселительным» элементом ярмарки было выступление «силачей». Вначале они происходили во дворе за пожарным депо. Среди демонстрируемых ими номеров: забивание гвоздей кулаками, разбивание кирпичей, выступления с гирями и др. В качестве коронного номера программы демонстрировали переезд человека автомобилем: на грудь исполнителю клали специальный помост — и через него переезжал автомобиль (единственный автомобиль во всей крестецкой округе — принадлежал эстонцу Лукасу).

Часть представлений проводилась в «палатке», «балагане» на Соборной площади. Это было довольно солидное сооружение из теса («длинное такое, с дом... человек, наверно, на 50»). На передней части этой «палатки» — над входом — делали специальный помост. На него выходили двое артистов (один большой, другой маленький) — Поташ (Пат) и Поташонок. Они разыгрывали различные весёлые сценки («чудили»). У них были «сделаны» большие брови, а лица «раскрашены»... В одной из сцен у Поташонка на лбу выросли большие рога («выпускал роги»), а его напарник в это время кричал: «Давай! Давай!»... Таким образом, они зазывали в «палатку» публику, где проходило представление. На этом представлении один из запомнившихся зрителям персонажей (Петрушка (?)) «был без рук», и в разыгрываемых сценах дрался («шил») ногами, «а если кто хотел пройти, он ему как даст головой!».

На последнем этапе существования ярмарки, в конце 1920 — начале 1930-х годов, все цирковые

представления — дрессированные животные, клоунада, акробатика и др. — сосредотачивались в одном сооружении (цирке Шапито), размещавшемся на Соборной площади. Изнутри цирк освещался керосиновыми лампами. По воскресным дням здесь проводилось по 3 выступления: два дневных — для детей (плата составляла 5 копеек) и одно вечером — для взрослых.

Помимо различных цирковых и «балаганных» представлений на Никитской ярмарке очень часто присутствовала фигура шарманщика — «предсказателя судьбы». Инструментарий для гаданий у него состоял из повешенного на шею ящика со множеством отделений — ящичков, из которых доставал ту или иную записку помощник — обезьянка или попугай. Кроме того, шарманщик ходил и по всем Крестцам (правда, уже без ящика для гаданий) — играл на шарманке под окнами домов.

Непрерывно на ярмарке проводилась и своеобразная вещевая лотерея. На Соборной площади устанавливался круглый «стол» с закреплённой в центре подвижной стрелкой. По краю стола были набит ряд шпенок с повешенными на них номерками. Желающие попытаться своё счастье платили небольшую сумму хозяину аттракциона, а его помощник — обезьянка — толкала стрелку. В зависимости от номера, где останавливалась стрелка, следовал выигрыш (обычно игрушки, конфеты и т. п.) или проигрыш.

Наибольшего размаха гуляния достигали в первые два дня: в воскресенье и понедельник. В эти дни не работали, и веселье продолжалось целый день с утра до вечера. Затем приступали к своим обычным работам, и лишь к вечеру шли «гулять» (особенно молодежь) на ярмарку. Помимо гостивших у своих родственников и знакомых, парни и девушки из окрестных деревень очень часто посещали Никитскую ярмарку «одним днём»: приходили после обеда, а возвращались домой вечером (порою на расстояние 10—15 километров от Крестец). Это создавало постоянно обновляемый поток ярмарочного веселья на протяжении всех двух недель.

К Покрову (14 октября по новому стилю) Никитская ярмарка заканчивалась... Часть торговцев, увеселительные аттракционы переезжали на следующую ярмарку — Покровскую — в село Зайцево...

Старорусские ярмарки

Во второй половине прошлого — первой трети нашего столетия в г. Старая Русса ежегодно проводились три ярмарки: Крещенская, Петровская и Сборная¹¹. Первые из них длились по семь дней и начинались, соответственно, с Крещения (19 января по новому стилю) и Петрова дня (12 июля). По этим праздникам и получили ярмарки свои названия. Сборная ярмарка приурочивалась к Великому посту и была подвижной по срокам. Она начиналась со среды первой недели поста и продолжалась в течение целых трёх недель.

Основным местом для проведения ярмарок служила центральная городская площадь, утраченные ныне Гостиные дворы («Шёлковые ряды»), на месте которых теперь посажены аллеи, и пространство между площадью и рекою Полисть. Здесь и в обычные базарные дни

(среду и пятницу каждой недели) действовали несколько базаров, приобретавших на ярмарках большой размах.

Помимо огромного количества крестьян, съезжавшихся со всего Старорусского и соседних уездов, на Старорусские ярмарки приезжали торговцы разных мастей и купцы из Новгорода, Санкт-Петербурга, соседних губерний.

На центральной городской площади, ранее называвшейся «Базарной», основными торговцами были крестьяне, продававшие прямо с возов картофель, лук, зерно, овсяную крупу, горох, различную муку, капусту, огурцы, грибы солёные и сушёные, яйца, кур, уток, гусей, топлёное масло в глиняных мисках, горшки, деревянную и глиняную посуду, дёготь, коромысла, кадки и др.

Особенно красивыми, по словам старожилов, были осенние базары, когда из окрестных деревень привозилось очень много яблок («больше чулановка, белый налив...») и овощей. Зимой, в том числе и на Крещенскую ярмарку, в большом количестве привозились дрова. Их продавали уже готовыми к употреблению, уложенными тремя полукруглыми рядами в дровнях. Их называли здесь «абалками»¹². Тут же, недалеко от водонапорной башни, в одном из зданий принимались шкуры и пушнина.

Кроме торговли с возов, на центральной городской площади велась и палаточная торговля. Сделанные из досок и брёвен «палатки» размещались в нескольких рядах. В них торговали мануфактурой, игрушками, сладостями и т. п.

Другой базар, вернее, несколько базаров, располагались по другую сторону от Гостиных дворов — вдоль реки от Александровского (Живого) моста до Воскресенского собора. Прямо у Живого моста начинался «Рыбный рынок», так называемые «Рыбаки». Здесь можно было купить самую разнообразную рыбу: от снетка до судака и щук; свежую, солёную или живую. Помимо многочисленных лавок и ларьков, рыбой торговали и прямо с лодок, других судов. Рыба лежала буквально везде: «во льду», просто в корзинах, в деревянных тазах — «порочках», в лодках, в специальных судах для перевозки живой рыбы — «живорыбках». В «Рыбаках» постоянно сохранялся особый рыбный дух: недаром это место было излюбленным для городских котлов, куда некоторые староруссы специально приносили своих домашних питомцев!

Несколько дальше, в районе современного ателье, находился большой «Мясной рынок» (или «мясные ряды»). Он был уставлен большими столами с навесами, на которых возвышались груды мяса, ливера, висели бараны, говяжьи, свиные туши и окорока. А ещё чуть дальше — прямо напротив собора, рядом с несохранившейся часовней во имя Тихвинской иконы Божьей матери, размещался так называемый «Молочный базар». Здесь со столов продавали разнообразные молочные продукты: молоко, простоквашу, сметану, творог.

Центральным, связующим звеном этого торгового комплекса являлись Гостиные дворы, которые чаще назывались здесь «Шёлковыми рядами» (или «Шёлковыми линиями»). Они представляли собой два длинных каменных здания с открытыми галереями и арками с обеих сторон. Между Гостиными дворами проходила улица, по которой раньше ходил трамвай. «Шёлковые ряды» начинались около современного универмага и тянулись почти до Соборного моста. В них располагались многочисленные купеческие магазины и лавки. Выходивший на Центральную площадь «торговый ряд» (или «линия») первого Гостиного двора назывался «бакалейным» или «мучным». В нём продавались продовольственные товары: мука, крупа, орехи, сахар, изюм и т. п. Среди старорусских купцов здесь выделялись Берестениковы, «державшие» значительную часть «Шёлковых рядов». Помимо бакалейных лавок, они владели большим кондитерским магазином в выходящей к собору торцовой стороне Гостиного двора. Два следующих

торговых рядов, выходящих на улицу между зданиями Гостиных дворов, назывались «мануфактурными» (или «шёлковыми»). Здесь продавалась различная мануфактура, одежда, обувь и другие товары. Среди них — магазины Бытячиных, Антонова с верхней одеждой, обувью и мануфактурой, обувной магазин Шалапина.

Последний торговый ряд, обращенный к «Мясному базару», назывался «скобяным» или «железным». В нём продавали гвозди, замки, различные инструменты, вёдра, бочки и другую утварь. Среди купцов в этом ряду выделялись Колченоговы. Кроме скобяных лавок, в обращенной к собору стороне Гостиного двора располагались магазин «Зингера», два галантерейных магазина — «Мячина» (или «Мячкова») и «Федосеева», и «иконная лавка». Далее, на противоположной стороне «Шёлковых рядов» (обращенной к теперешнему универмагу) старожилы припоминают ещё «посудный» магазин купца Сумрякова.

Недалеко от «Шёлковых рядов», на соседних улицах — Успенской (сейчас — К. Маркса) и других — располагались мелкие швейные и шляпные мастерские. Хозяевами многих из них, как и во многих городах, были евреи: «Борушкины, Мишеловины, Рейнус, Владер» и другие. В них изготовляли вещи довольно высокого качества. Об этом говорит хотя бы то, что, по словам бывших портних, владельцы шляпных мастерских «даже ездили в Париж (!) за моделями».

Помимо базаров, расположенных в центральной части города, во время ярмарок всегда была задействована и «Конная площадь» (иначе: «Сенная площадь» или «Конный рынок») на привокзальной стороне, где сейчас располагается городской рынок. В отличие от современного, там почти не было «палаток», а на многочисленных столах в одном месте располагался небольшой «Молочный базар». Вся площадь тогда была выложена булыжником. На этом рынке меняли и продавали скот, в особенности лошадей. «Главными хозяевами» рынка выступали цыгане, которые и проживали недалеко от базара, занимавшиеся меною лошадей. Здесь же, у дороги, крестьяне продавали сено и солому. Недаром даже улица, проходившая у рынка, называлась «Соломенной». Однако и она не могла вместить всех желающих. Поэтому сено продавали ещё и на улице Севрикова (теперь — Красных Зорь) — в той части, которая примыкает к реке. «В противовес другим улицам она почему-то была широкая», — вспоминают старожилы. Сено продавали возами, вес определял большей частью

на глаз, реже везли на важню — многоугольное сооружение с огромными воротами недалеко от Соборного моста, где располагались весы. Для определения качества заботливая хозяйка брала по «пястке» сена с нескольких возов и несла их корове: чьё приходилось той по вкусу, тому и отдавалось предпочтение. Нередко торгующие сеном предлагали тут же и заботливо укрытые мешки с картофелем.

Традиционные места и известные всем сроки проведения ярмарок в Старой Руссе, безусловно, положительно сказывались и на подготовке этих мероприятий. Подготовительные работы велись размеренно, без всякой спешки. Недели за две перед ярмаркой по городу начинали перевозить материалы для «палаток». Они хранились на дворах некоторых хозяев и собирались непосредственно перед ярмарками. Один из таких хозяев, по словам старожилов, жил у вокзала — на конце

Коростынской улицы (теперь — ул. Ленинградская). Он занимался развозкой материалов «на сивой кобыле»: зимой — в дровнях, летом — «в такой длинной четырёхколёсной повозке».

Прибывавшие в город купцы останавливались в гостиницах, крестьяне — в постоялых дворах. Особенно много их располагалось поблизости от базаров. На улице Александровской (теперь — Володарского) большой постоялый двор был у Малаховича, у Любомировых (на ул. Энгельса). Большая группа постоялых дворов находилась и на самой улице Гостинодворной (теперь — Ленина): на левой стороне, если идти от «Живого» моста. Много их было и по Петербургской (теперь — К. Либкнехта) улице. По воспоминаниям старожилов, постоялые дворы «здесь держали» Степановы, Кирилловы, Егоровы и др. Что собою представлял постоялый двор? Это прежде всего «конюшни» для лошадей, а затем — комната для ночлега приезжих. Очень часто она представляла собой одну из комнат (или флигель) хозяйского дома, в которой был навален «целый угол постелей». Спали на них, укрывшись тулупами.

...И вот наступал день открытия ярмарки. Он начинался, как и везде, с праздничного богослужения во всех соборах и церквях города, на которое старались попасть и приехавшие на ярмарку купцы и крестьяне. В день Крещения Господня церковная служба в Воскресенском соборе заканчивалась водосвятием на реке. Для этого во льду вырубалась большая прорубь в форме креста, из которой затем брали «святую» воду. После окончания службы на площадке у Воскресенского собора при благоприятной погоде

начинались показательные выступления солдат старорусского гарнизона. По словам старожилов, на этом параде «солдаты выделяли разные фигуры». Вся набережная реки при этом была усыпана зрителями. И лишь после военного смотра начиналась ярмарка — купцы открывали свои лавки, и благостный, торжественный настрой продавцов и покупателей постепенно сменялся праздничным весельем.

Центральная городская площадь буквально бурлила, не вмещая всех желающих купить что-либо или просто поглазеть на происходившее. Почти вся она была занята «палатками», выстроенными несколькими рядами. Дополняли эту картину многочисленные ряды крестьянских возов с разложенными вокруг товарами.

Торговали вперемешку, на любой вкус и любой карман: в этой «палатке» можно было купить копеечный товар, а рядом продавались очень дорогие вещи. Поэтому на ярмарке в одной толпе соседствовали богатый чиновник и одетая в простое ситцевое платье подёнщица, старик с окладистой бородой и вихрастый мальчишка в одежде не по росту.

Чего здесь только не было: тюки и отрезки тканей, обувь, различная хозяйственная утварь, галантерейные товары, игрушки, фрукты, огромный выбор сладостей... От такого разнообразия разбегались глаза. Торговцы наперебой приглашали к себе, расхваливали товар, оглушая посетителя тысячеголосной глоткой базара. Прибывшие со всего света, многие из них привлекали необычностью своего наряда. Здесь можно было увидеть кита

йцев с заплетёнными косами, торговавших шёлком, мануфактурой, цветными бумажными веерами (их называли здесь «цветами»). Эти «цветы» очень охотно покупали дети. «Раскроешь его, — вспоминают старожилы, — поставишь в бутылочку на стол или комод, или (повесишь) на стену». Большой интерес всегда вызывали и «персы» в шароварах, с чалмой на голове. Они торговали на ярмарках непривычными большинству посетителей южными фруктами: апельсинами, лимонами, виноградом...

Детей страстно влекли ларьки и палатки с игрушками, дразнящие запахи всевозможной сдобы и сладостей. Среди игрушек — «Петрушка», имевший вид молодого клоуна. «Такие палки снизу, — вспоминают старожилы, — и руки введены на резинку и верёвочку; внизу дергают — и руками, и ногами машет». Затем — «кормилицы» — расписанные на подобие матрёшки (в платье или сарафане) деревянные куклы удлинённой формы, игрушечные «лошадки», «баранчики» с рожками. Продавались в больших количествах и знакомые нам «мячики» на резинках («идёшь — и дёргаешь»).

Из сладостей на ярмарках продавались всевозможные конфеты, пряники, халва, фрукты. Дети любили «сливовые тянучки (продолговатые с фантиком)», различный ирис, «маковые» конфеты («вся маком облита», «вроде мелких фигурных пряничков»), монпансье, «петушки», фруктовый сахар («постный сахар») и др. Халву привозили в высоких круглых банках и, по воспоминаниям старожилов, она была такой ароматной, что «её куда ни спрячь, найдёшь по запаху». Затем продавали вафельные трубочки: и с вареньем, и с кремом.

Из «заварного» сладкого теста делались продолговатые «коврижки» (длиной 12–15 см, шириной около 4 см и толщиной 3–3,5 см) и разнообразные пряники. У одних кондитеров пряники делались «на какой-то эссенции — ароматные», а по внешнему виду они были «как мостовая дорожка: одни бугорки розовые, другие тёмные». У других — в виде различных зверьков, птиц, грибов розового или белого цвета: медведя, петушка, собачки, грибка и др. На ярмарках торговали и «печатными» пряниками. Сверху они были украшены гербом («печать положена») и надписью «Старорусский». Печатные пряники были глазурованные и изготовлялись как и коврижки — из тёмной муки.

Кроме этого, здесь продавались всевозможные орехи: и грецкие, и «китайские» («арахис сейчас называют»), и лесные. Затем из-за границы привозили сладкие коричневые «стручки» длиной около 10–15 сантиметров. Даже дети состоятельных горожан охотно ели их, несмотря на предостережения учителей о том, что в Италии ими питаются только ослы!

Наконец, на ярмарках продавали огромное количество баранок: «Тычкины баранки», «Якимовы» (по фамилиям хозяев пекарен), повешенные у торговцев большими связками. В отличие от современных, они были пышными, как бублики, и имели очень маленькое отверстие. Поэтому на связку их «накалывали» с помощью иголки. Такие баранки делались из «крутого» (то есть тугого) подслащённого теста и пеклись на льняном масле. Затем выпекались несколько более крупные «анисовые» или «красновские» баранки (по фамилии хозяина). Они пахли анисом. Кроме баранок, на ярмарках продавались и сдобные «калачи». Владельцы одной из пекарен, производившей калачи, имели даже такую же фамилию — Калашниковы!

Конечно, дети (или родители — ребёнку) покупали игрушку или конфеты, исходя из возможностей своей семьи: богатые могли позволить себе дорогие покупки, бедные — только копеечные подарки. Однако для ребёнка не это было главным. Главное было в другом — он, как и любой другой, тоже покупал гостинцы или игрушки! Многие из них специально копили деньги на ярмарку, начищали до блеска песком старые монеты, выданные им отцом или матерью. На них всегда можно было купить несколько конфет или коврижку, стоившую две или три копейки, а если у тебя был целый пятак — то и большой пряник¹³.

А если захотелось попить чайку и не хочется уходить с площади — к Вашим услугам целый ряд весело шумящих двухведёрных самоваров, а рядом с ними — несколько длинных столов, накрытых чистыми скатертями. А то можно съесть несколько горячих «шмарух» в «обзорном ряду», недалеко от «мясного ряда», сердито плавающих в масле на огромных сковородах. Их пекли тут же на Ваших глазах, с ладошку величиной, и они делались очень пышными (в два пальца толщиной). Нередко слышалось, как «вычитывали» нотации своим детям состоятельные родители, видевшие, как заливаются маслом кружевные воротнички и манжеты их выходящих костюмов.

Тех, кто успел проголодаться основательно, зызывали яркие, броские вывески «чайных» и «ресторанов»,

разместившихся между Гостиными дворами и «Мясным базаром» (в районе современного ателье). В зависимости от содержимого кошелька, можно было зайти в чайную Кромкиных, Малявиных или в ресторан Алиповых «Белые лебеди». В чайных обязательно был чай, подаваемый каждому в двух фаянсовых чайниках. В нижнем большом чайнике был кипяток, верхний, маленький, предназначался для заварки.

В «чайных» всегда можно было увидеть купцов, соединявших приятное с полезным: помимо еды, они занимались здесь и торговыми операциями. Одним из таких мест, в частности, была чайная Малаховича — на углу улиц Александровской (теперь — Володарского) и Булина. В ней, по воспоминаниям очевидцев, «купцы всегда сделки делали».

Утолив голод, посетители спешили увидеть то, о чем ещё не успели дойти. А посмотреть было что: тут и цирк, и зверинец, и сверкающие краской карусели, и кукольные представления, и выступления шарманщиков...

Цирковые представления значительно различались каждый год. На одну ярмарку приезжал и «палаточный» цирк, и давались выступления на открытых площадках, на другой — только «палаточный» цирк, к тому же без животных.

Цирк располагался недалеко от водонапорной башни. К ней же крепилось и некоторое снаряжение. Цирковые представления шли и днём, и вечером. В программе были акробатические упражнения: «делали различные пирамиды». Акробаты были красиво одеты — «в шёлк». На канате танцевала «Каламбина». На трапециях выступали гимнасты. Дрессировщики показывали номера с медведями, собачками, курами (те залетали в клетку). Медведей учили носить воду на коромыслах; изображали, как «ходят пьяные мужики». В номерах с лошадьми цирковые артисты вскакивали на них на ходу, делали акробатические стойки... Веселили народ своими выходками клоуны в разноцветных блестящих костюмах: «Петруша», «Машуха» (или «Феклуша»). Один из номеров состоял в следующем. Домой приходил пьяный муж. Он начинал разговаривать с женой (петь куплет), а та была его сковородником.

О н: Позволь, Машуха-радость,
Любовь к тебе открыть,
Или с тобой наедине,
Мой друг, поговорить!

О н а: Брось, брось, Ванька (или Петруха), брось,
А то разобью тебе
Всю морду в кровь.

О н: Машуха — ангел дорогой!

О н а: Отваливай, шальной!

О н: Машуха, ангел, не сердись!

О н а: Брось, идол, отвязись! —
и начинает его бить, он убегает.

Другой номер (с теми же исполнителями) был связан с тогдашней новинкой — велосипедом.

О н: Что хочешь, Маша, я куплю,
Шляпу или конфет (корсет?)
И в фотографию сведу,
Сниму с тебя портрет.

О н а: Не надо, милый, ничего,
Ни шляпу, ни конфет (корсет?),
А если лишни деньги есть,
Купи-та лисапед.

О н: Куда-те, дура, лисапед,
Сломаешь ты его.

О н а: Ах, ты смеяться надо мной,
Не надо ничего.

Здесь же выступали и борцы. Они боролись друг с другом, поднимали гири, невообразимые тяжести. Старожилы говорят, что раньше выступал и знаменитый Иван Поддубный. Во время своих выступлений он показывал и такой номер: лёжа держал перед собой помост, и через него по специальному въезду переезжала машина-полуторка.

Отдельно от них (ближе к речке, где «важня») выступали другие артисты: жонглёры, дрессировщики змей, акробаты. Большинство из них, по словам очевидцев, были одеты в «национальные» одежды («наверчено на голову»). Один из артистов ходил босиком и лежал на воткнутых ножах. Акробаты расстилали ковёр и показывали различные номера.

Наконец, по ярмарке часто водили медведя. Он танцевал, боролся с дрессировщиком «в шутку», ходил с подносом — собирал деньги, кланялся публике.

Кроме цирка, на некоторые ярмарки до первой мировой войны приезжал и зверинец, включавший даже таких крупных животных, как слоны¹⁴. Переезд зверей с вокзала в город превращался в настоящее зрелище, собиравшее тысячи любопытных.

А как притягивала к себе карусель, её гремющая музыка!.. Так и хотелось прокатиться на сверкавших яркими красками лошадках, медведях, санях, колясках. Карусель постоянно была окружена толпами желающих: прокатившись несколько кругов, многие дети и подростки ещё долго стояли вокруг, не в силах покинуть это место. Кто желал прокатиться бесплатно, работал «пускачем» — крутил карусель («пускачами» были обычно подростки 15–16 лет). Или должен был выхватить «приз», подвешенный к жерди, вкопанной рядом с каруселью. Это также привлекало многих «попытать своё счастье».

«Попытать своё счастье» могли и взрослые. На ярмарках постоянно присутствовали «предсказатели судеб»,

ходившие с ящиком на груди и сидящим на нём попугаем или морской свинкой. За небольшую плату они вытаскивали всем желающим «счастье». Другие вместо «счастья» разыгрывали «лотерею». Обладатели выигрышных билетов получали указанные в записках призы.

Для привлечения публики многие «предсказатели» использовали шарманку. Она служила основным источником дохода и обычным шарманщикам, «извлекавшим из неё очень хорошие мелодии». Иногда вместо попугая или свинки у шарманщика была обезьянка, сидевшая на плече.

На ярмарке можно было увидеть и кукольные представления, собиравшие вокруг себя плотный круг зрителей, к которому было не подступиться. Театр представлял собой закрытую со всех сторон ширму, укрепленную на каркасе, за которой скрывались артисты. Ширму можно было легко переносить с места на место, поэтому кукольные спектакли всегда игрались в разных частях ярмарки. Центральной фигурой кукольного театра был «Петрушка», имевший «писклявый» голос и носивший на голове колпак, «как у клоуна». Он всячески «кривлялся» и смешил зрителей. Кроме него, старожилы вспоминают Ванюшу-дурачка («Ванюшка — красная рубаха и чепчик, опоясан кушаком») и Василису Прекрасную. В театре разыгрывались и различные сказки с участием кукол-животных: «лиса кур воровала, хозяйка метлой гоняла, (потом) собаки гоняли... Медведи за мёдом лазали, а пчёлы их жалили... Волки — как лиса обманывала: как её обливали кестом (тестом — **М.В.**)... А то петух шёл с косой...».

Там же, на ярмарках, можно было встретить монахов и монашек, ходивших с «кружками» для сбора мирских денег. Тем, кто жертвовал деньги, они дарили «книжечки и иконки». Кроме монахов, сбором пожертвований занимались в то время и «милосердные сестры». На груди у них были приколоты цветки — ромашки. «Раненые и инвалиды оставались и от Русско-японской войны, — поясняют старожилы. — Кто давал, они закалывали цветок».

И, наконец, нередким гостем ярмарок был юродивый, или «ясновидец». В начале 1900-х годов на старорусских ярмарках можно было увидеть «блаженную» Лизавету («или Ксеньюшка звали»). Как вспоминают некоторые старожилы, «она лежала, ей подавали и прикладывались к ней. Она всем предсказывала будущее».

...А в центре ярмарки — между Гостиными дворами — в первые дни можно было увидеть множество групп и группок разодетой молодежи, ходивших взад-вперёд по тротуарам. Это было так называемое «гулянье». Особенно красиво прогуливались девушки. «Идут как-то плавно, величественно», — вспоминают участники ярмарок. В «гулянии» принимала участие не только городская, но и пригородная, и деревенская молодежь, которая специально для этого съезжалась или приходила пешком в Старую Руссу. Одни из них останавливались у родственников, другие — у знакомых, третьи приходили «одним днём». Приезжавшие девушки обязательно имели несколько «перемен»: утром одевали одно, после обеда — другое, вечером — третье платье.

На «гулянья» приезжали очень нарядными: девушки зимою были одеты в бархатные или плюшевые ротонды, на шее обязательно золотая цепочка с часами, меховая шапочка; парни — в суконных шубах на меху («с отворотом обязательно, чтоб мех был виден»), шапка

«стоячая», с массивными цепочками. На ноги зимою девушки одевали валенки, а когда сыро — ещё и «ботишки» («как калоши небольшие»), парни — кожаные сапоги, а наверх «босфорты» (по словам очевидцев: «как ботинки, безо всяких застёжек — фетровые, надевались как калоши»). Летом девушки носили платья из различных тканей. «У деревенских это были более тяжёлые, с отделкой, яркие платья, — вспоминают старожилы, — обязательно шарфы на плечах». У парней — костюмная пара или тройка...

Во время гуляний парни знакомились с девушками. Обычай требовал от девушки не отказывать парню в его просьбе прогуляться с ним. Нередко можно было видеть такую картину: туда девушка идёт с одним, а обратно — с другим молодым человеком. Это, говорили старики, «уважаемая девушка».

Конечно же, здесь под арками можно было увидеть и множество женщин и мужчин (особенно первых!) более солидных возрастов, смотревших на своих «чад», высматривающих им женихов и невест и обсуждавших наряды и манеры поведения гуляющих. Тут же под ногами бегали и дети, выбиравшие себе девушек криками: «Чур, моя девушка!». А эта, чур, моя!».

Особенно многочисленными были «гуляния» во время Сборной ярмарки, а также летней — Петровской. Зато зимою — в Крещенскую ярмарку — гуляние дополнялось катаниями на лошадях (хотя наибольший размах катания получили опять же на Масляной неделе!).

Многие приезжали на выездных лошадях. У всех катающихся были выездная сбруя и «санки». Парни катали девушек: прокатив одну, приглашал другую. Катались по кругу: с Шёлковых линий поворачивали на Успенскую улицу, с неё — на Ильинскую (теперь — ул. Минеральная), Александровскую (ул. Володарского) и обратно к Гостиным дворам.

Ярмарка шумела и веселилась несколько дней. Затем она понемногу успокаивалась. Многие торговцы продавали свой товар и разъезжались. То же самое происходило и с покупателями: купив необходимое и поглазев на ярмарочное веселье, они приступали к своим обычным обязанностям. Лишь дети да подростки продолжали без устали проводить там все дни напролёт, а вечерами их сменяла прогуливавшаяся вдоль Гостиных дворов молодежь. Даже опоздавшие к началу ярмарки купцы и торговцы не могли серьёзно оживить её.

Так проходили длившиеся по неделе Крещенская и Петровская ярмарки. Сборная же ярмарка развивалась иначе: очень импульсивно. Большой размах она получила лишь в среду, достигая пика в пятницу, после чего наступал спад до следующей среды. И так в течение трёх незабываемых долгих недель.

Но всему, как известно, приходит конец. Торговые ряды и ряды посетителей ярмарок понемногу пустели. Вслед за ними начинали сборы и ярмарочные аттракционы — до следующей ярмарки!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Руднев М. Статистические сведения о Новгородской губернии. Новгород, 1866. С. 34; Памятная книжка Новгородской губернии на 1871 год. Новгород, 1871. С. 56.

² Цифра дана без учёта ярмарок в г. Старая Русса, поскольку в «Списках населённых мест Новгородской губернии» (Вып. III) они отсутствуют. С учётом трёх действовавших тогда в Старой Руссе ярмарок число городских ярмарок в Новгородской губернии увеличивается до 30.

³ Подсчитано автором по: Списки населённых мест Новгородской губернии (далее — СНМНГ). Вып. I. Новгородский уезд. Новгород, 1907; СНМНГ. Вып. II. Демянский уезд. Новгород, 1909; СНМНГ. Вып. III. Старорусский уезд. Новгород, 1909; СНМНГ. Вып. IV. Крестецкий уезд. Новгород, 1909; СНМНГ. Вып. V. Валдайский уезд. Новгород, 1909; СНМНГ. Вып. VI. Боровичский уезд. Новгород, 1911; СНМНГ. Вып. VII. Тихвинский уезд. Новгород, 1911; СНМНГ. Вып. VIII. Устюженский уезд. Новгород, 1911; СНМНГ. Вып. IX. Череповецкий уезд. Новгород, 1912; СНМНГ. Вып. X. Кирилловский уезд. Новгород, 1912; СНМНГ. Вып. XI. Белозерский уезд. Новгород, 1912.

⁴ Васильев М.И. Никитская ярмарка в Крестцах: Исторические материалы. Практические рекомендации. Новгород, 1992; Васильев М.И. Старорусские ярмарки: Исторические материалы. Рекомендации по возрождению ярмарок. Новгород, 1993. (Материалы находятся в информационно-издательском отделе Областного Дома (ранее — Центра) народного творчества).

⁵ В основу очерка положены материалы командировки ст. науч. сотрудника ОЦНТ Васильева М.И. в пос. Крестцы Новгородской области 18—21 февраля 1992 г. Информанты: Балков Дмитрий Михайлович, 1904 г. р.; Богатырева Валентина Александровна, 1908 г. р.; Валандин Иван Тимофеевич, 1908 г. р.; Губанова Александра Васильевна, 1918 г. р.; Кусова Софья Алексеевна, 1904 г. р.; Осипов Александр Осипович, 1913 г. р.; Оспинникова Варвара Николаевна, 1892 г. р.; Павлова Мария

Павловна, 1912 г. р.; Пашенцева Вера Васильевна, 1917 г. р.; Пашенцева Елена Васильевна, 1913 г. р.; Русакова Мария Михайловна, 1907 г. р.; Сырова Антонина Ивановна, 1921 г. р.; Фёдорова Александра Васильевна, 1908 г. р.

⁶ Здесь и далее в кавычках приводятся местные термины, выражения и прямая речь старожил.

⁷ Историко-статистическое описание Крестецкого Екатерининского собора и кладбищенской церкви во имя Всех Святых // Отдел письменных источников Новгородского государственного объединённого музея-заповедника, № 10456. Л. 20б.

⁸ Истомин Э.Г. Границы, население, города Новгородской губернии (1727—1917 гг.). Очерки по административно-территориальному делению. Л., 1972. С. 116; Минутин К.В. Крестцы. Л., 1983. С. 16.

⁹ Бывшая Соборная площадь занята сейчас двумя скверами, автостанцией, универсамом и зданием районной администрации.

¹⁰ По: Новгородский сборник. Вып. IV. Крестецкий уезд. Новгород, 1865. С. 8.

¹¹ В основу очерка положены материалы командировки ст. науч. сотрудника ОЦНТ Васильева М.И. в г. Старая Русса Новгородской области 25—29 января 1993 г. Информанты: Балявина Валентина Георгиевна, 1903 г. р.; Горская Анастасия Петровна, 1905 г. р.; Данилова Екатерина Алексеевна, 1908 г. р.; Иванов Николай Алексеевич, 1913 г. р.; Иванова Ольга Николаевна, 1911 г. р.; Кураева Антонина Алексеевна, 1906 г. р.; Потыкалова Александра Васильевна, 1907 г. р.; Филиппова Антонина Михайловна, 1915 г. р.; Чичина Надежда Малахиевна, 1907 г. р.

¹² По словам старожил, «абалка» дров составляла около 1,5—2 куб. м.

¹³ Фунт хлеба (около 410 граммов) стоил тогда 3 копейки.

¹⁴ См. публикацию М. Полякова «В былые годы» в газете «Старорусская правда» за 3 февраля 1970 г.

М. Толстой, граф

ТОРЖЕСТВО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ РОССИИ в 1862 году

В 1860 году я провёл более недели в Великом Новгороде, изучая его древности и пользуясь при сём в виде руководства вышедшею в то время книгою ректора Новгородской семинарии архимандрита Макария (ныне архиепископа Донского). По-видимому, после такого полного и основательного обозрения не следовало бы мне приниматься за новый труд по тому же предмету; но я рассудил иначе: составил более краткую книгу, присоединив к описанию каждого храма сведения о заключающихся в нём предметах древности и изложив вкратце жития Новгородских чудотворцев¹.

Моя книга о Новгородских древностях вышла в свет в 1861 году. Я послал экземпляр её при письме на имя министра народного просвещения А.В. Головнина для

✪ *Открытие памятника «Тысячелетие России» в Новгороде в 1862 году. Художник Б.К. Виллевальде. 1864 г.*

поднесения Государю Императору и Государыне Императрице Марии Александровне, просвещённой любительнице Русских древностей. Но к удивлению моему книга пришла обратно с уведомлением, что Его Величеству угодно принять её от меня лично при торжестве тысячелетия Русского государства.

Заблаговременно прибыл я в Новгород и занял приготовленную для меня квартиру в доме соборного Софийского причта. В то время домовладельцы чрезмерно возвысили цену на квартиры, а содержатель гостиницы, в которой я останавливался за два года перед тем — на номера и буфет², воображая, что приезд будет огромный.

Накануне назначенного торжества было совершено митрополитом Исидором переложение мощей Святого Князя Владимира Ярославича, храмоздателя Софийского собора, в новую серебряную раку. После литургии мощи были обнесены вокруг собора; несли архимандриты и священники, имея во главе великого князя Николая

Николаевича. Перед мощами губернатор В.Ф. Скарятин и губернский предводитель дворянства князь Мышецкий несли на подушках княжескую шапку и княжий крест, хранящиеся в Софийской ризнице.

В тот же день древний, некогда вечевого Новгорода был осчастливлен прибытием Государя, Государыни и Цесаревича Николая Александровича. Градские власти, дворянство и почти всё население Новгорода толпились на набережной, когда вдали показался пароход, на котором ехали с Волховской станции августейшие особы с многочисленною свитою. Громогласное ура собравшегося народа отдавалось даже в стенах Софийского собора. Августейшие особы, встреченные митрополитом при входе в собор, благоговейно прикладывались к святым и чудотворным иконам и после того перешли в митрополичий дом, где приготовлено было для них помещение. А между тем в соборе началось всенощное бдение в честь праздника Рождества Богородицы и соборного храмового праздника Софии, Премудрости Божией.

Настал, наконец, ожидаемый всем населением города торжественный день. Новгородский кремль наполнился войсками и множеством народа. Кровли зданий и верхний ярус Евфимьевской соборной «звонницы» пестрели людьми. В девятом часу утра я получил от министра императорского двора графа В.Ф. Адлерберга извещение о скорейшем приходе во дворец, для поднесения книг моих Государю и Государыне. Мне назначено было стать в большой зале временного дворца (т. е. митрополичьего дома), у одного из мраморных столов, подаренных Екатериною II митрополиту Гавриилу. Через несколько минут из внутренних дверей показался Император об руку с Императрицею, в сопровождении Цесаревича и многочисленной свиты. Государь и Государыня остановились, поравнявшись со мною, и я имел счастье поднести им книги. Они прошли в Софийский собор, где митрополит Исидор встретил державных при входе с крестом и святой водой, и вслед за тем немедленно начал литургию, после которой последовал крестный ход со всеми чудотворными иконами, находящимися в Новгороде³. Сии иконы принесены были из Знаменского собора, в сопровождении преосв. Леонтия епископа Ревельского (ныне митрополит Московский) и из многих церквей, как Софийской, так и Торговой стороны. Перед концом литургии эти святыни, предварительно внесённые в тёплый собор, распложены были у южного выхода из Софийского собора. В крестном ходу, следуя за митрополитом и двумя его викариями, Их Величества обошли кругом памятника тысячелетия России. К обыкновенному благодарственному молебну присоединена была следующая молитва,

составленная по высочайшему желанию Государя Московским митрополитом Филаретом:

«Господи Боже, Царю веков, глаголай на языке и царство и созиждай и насаждай ихъ⁴! Ко Твоему величеству припадающе, со страхом и благоговешем, благодарне исповедуем милости Твоя, многочестне и многообразне в десяти веках явленныя народу и царству Российскому. — Ты бо, Господи, возглаголал еси Твое зиждительное слово на сей народ, и создал еси в нем царство, и насадил, и укоренил, и возрастил, и расширил еси его на земли обитания его, и поставил еси над ним от Тебе сущую власть, и укрепил еси его на сопротивных, и оградил еси его законами, наипаче же просветил и одушевил еси его спасительною верою, и аще иногда и жезлом посещал еси неправды его, но милости Твоя не удалил и не удаляеши от нас. — Ты убо Владыку, Господа и Благодетеля, славим, хвалим, благодарим, поем и величаем, и от самых щедрот Твоих в вере и упований утверждение и деркария описание ризничных предметов составляет особый том, а биографических сведений об угоднизование пред Тобою приемлюще, смиренно молим: сохрани престол и царство Благочестивейшего, Самодержавнейшего, Великого Государя Императора Александра Николаевича всяя России в истинном величии, твердости и славе. — Прости, всемилостиве Господи, вся грехи наша и отец наших, и исправи стопы наша к деланию заповедей Твоих. — Соблюди в нас православную веру в ее чистоте и силе, и да пребудет она, якоже бысть, средоточием общественного единения, источником просвещения, основанием и твердынею народного благонравия, правды, законов, благодетельности управления, нерушимости благосостояния. — Да не увянет и не иссохнет древнее насаждение добра, но да привьётся к нему новое стеблие лучшего, и да изыдет новый цвет благолепия и плод совершенства⁵. — Тако призири на нас и ущедри нас, да благословляеми Тобою, от дне до дне и от века и до века благословим Тя, Господи. Слава Тебе Богу, Благодателю нашему, во веки веков. Аминь».

По окончании молебна и по возгласении многолетия Благочестивейшему Государю и всему Царствующему Дому, произнесены были протодиаконом следующие провозглашения: «Просветившим Россию христианскою православною верою Равноапостольным Великому Князю Владимиру и Великой Княгине Ольге, преемственне в течение веков созидавшим и укреплявшим единоедержавие России Благоверным Царем и Великим Князем, новосозидавшим Российское царство и расширившим и прославившим оное в Бозе почившим Благочестивейшим Императорам и Императрицам, вечная память».

«Всем избранным сынам России, в течение веков верноподвизавшимся за её единство, благо и славу, на поприщах благочестия, просвещения, управления и победоносной защиты Отечества, вечная память».

«Времена и лета, в руце своей положивший Господи, Твоим премудрым всеблагим Промыслом тысячелетие сохраняемому и возвращаемому царству Всероссийскому, пробави велию милость Твою и сохраняй оное в вере и правде, во богозаконии и благоустроении на лета и веки многие».

Возвратившись во временной дворец, Государь удостоил принять от почтенного старика, Кириловского предводителя дворянства А.А. Богдановича, 19 огромных живых стерлядей, плававших в ванне с водою; они были привезены из р. Шексны, за 600 с лишком вёрст от Новгорода. Покойный Богданович привёз 30 стерлядей, но одиннадцать из них дорогою притомились,

были приколоты и употреблены на другой день в матлоте за ужином дворянского бала.

Приглашенный к царскому обеду, который происходил в залах Новгородского Дворянского Собрания, я удостоился получить место за царским столом в большой средней зале; в других комнатах обедали Новгородские дворяне и другие лица, числом более 600. Первый тост был провозглашён самим Государем: «За благоденствие России».

В тот же вечер митрополит Исидор, пригласив меня к себе на чай, объявил мне, что Государыне Императрице угодно, чтобы при обозрении Новгородских древностей сопровождал Ея Величество кто либо с археологическими сведениями и знанием французского языка; потому что объяснения ризничных не всегда могут быть понятными для Августейшей Посетительницы. Владыка указал на меня и, разговаривая со мною, изволил заметить: «Я думаю, что Государыня Императрица вовсе не нуждается в объяснениях на французском языке, но не доверяет нашим ризничным, которые часто сами не знают того, что показывают посетителям». Мнение владыки оправдалось на деле. Во время этого разговора пришел к владыке обер-прокурор Св. Синода А.П. Ахматов; несмотря на моё присутствие, он уверял владыку, что достаточно было пригласить ректора семинарии архим. Макария, первого знатока всех древностей Новгорода. Митрополит возразил ему, что Государыня Императрица желает объяснений на французском языке, и Ахматов должен был замолчать.

Между тем как владыка беседовал со мною, Государь Император и Государыня Императрица, в сопровождении министра внутренних дел и Новгородского гражданского губернатора В.Я. Скарятина, ездили водою в село Рюриково Городище, в 3-х верстах к югу от Новгорода, по правому берегу реки Волхова⁶. Там был приготовлен праздник для крестьян, к которому собрались волостные старшины почти со всей губернии и сельские старосты из ближайших селений. Государю поднесена была хлеб-соль на дубовом блюде с дубовою же солонкою очень искусной работы одного известного резчика-крестьянина. Самый материал этих вещей замечателен; они вырезаны из старинного, крепкого, как чугун, совершенно чёрного дуба, вырытого из земли при закладке фундамента под памятник тысячелетию России. Когда Государь и Государыня подъехали на лодке к Городищу, собравшиеся крестьяне, видя, что выход на берег несколько сыр, разостлали свои кафтаны для прохода царственной четы. При возвращении Их Величеств в Новгород, в десять часов вечера, на обоих берегах Волхова горели смоляные бочки и незатейливые иллюминации, устроенные крестьянами по их вкусу и средствам.

На следующее утро Государыня Императрица изволила начать осмотр Новгородских древностей с древнейшего Софийского собора, где была встречена преосвященным викарием Феофилактом, в сопровождении знатока и тщательного исследователя местной старины, ректора Новгородской семинарии отца-архимандрита Макария и соборного духовенства. Тут же был и я, во все время при Её Величестве. Замечательнейшие ризничные вещи были перенесены из ризницы, находящейся на хорах («на полатах», по выражению летописи) и разложены на столе в Предтеченском пределе. Рассматривая эти остатки старины, Государыня пожелала видеть артосную панагию XV века, устроенную по распоряжению св. владыки Евфимия при великом князе Василии Тёмном. Старец-ключарь, не расслышав вопроса, подал панагию архиепископа Пимена XVI века с изображением Софии

Премудрости Божией. Тогда Государыня Императрица, обратясь ко мне, сказала по французски: «Может быть, я не так выразилась; лучше было бы сказать панагиар¹». Такое знание технических терминов церковной археологии в лице супруги Русского Самодержца удивило меня и о. Макария: много ли найдётся между нашими образованными дамами высшего круга таких, которые знали бы различие между артосною и наперсною панагиею? При дальнейшем осмотре святынь и древностей исторические познания Её Величества ещё более обнаружались. Так, ещё не выходя из собора, пожелала она видеть икону Соловецких чудотворцев, на которой в числе клейм с чудесами изображена два раза Марфа Борецкая, прозванная «посадницею», в беседе с преп. Зосимою и на обеде, где чудотворец видел обезглавленными Новгородских вельмож, которых ожидала казнь от Иоанна III. «К какому времени принадлежит эта икона?» — спросила Государыня кафедрального протоиерея. «Вероятно, к началу XVII века», — отвечал он. «Судя по пошибу, я думаю, что икона древнее», — отозвалась Императрица. Тогда от ректора доложил ей, что этот образ значится в соборной описи 1572 года и, вероятно, мог быть написан ранее этого времени, так что иконописец мог лично знать Марфу и в чертах миниатюрного изображения сохранить некоторые черты лица её². При входе в Грановитую палату, обращенную теперь в церковь, Государыня сказала мне

по-французски: «Вероятно, это та самая палата, в которой Грозный царь своим „ясаком“ (криком) подал знак к началу грабежа». В кельях святителя Иоанна она изволила весьма справедливо заметить, что древность приписываемого ему рукомоиника из жёлтой меди весьма сомнительна. Выходя оттуда, Августейшая Посетительница пожелала войти в небольшую крестовую церковь, устроенную в 1463 году святителем Ионою Отенским³ в честь преподобного Сергия Радонежского, за 40 лет перед тем (в 1422 году) прославленного нетлением мощей и чудесами. «Желаю приложиться к иконе преп. Сергия», — сказала Государыня, и я доложил потом, что эта малая церковь есть первая из всех посвящённых имени великого чудотворца, а потому и храмовая икона должна быть одною из древнейших, если не самую древнюю.

Вечером, 9 сентября, в воскресенье, Новгородское дворянство давало бал для Императорской Фамилии в доме своего собрания. На этом бале я имел счастье состоять дежурным при Государыне Императрице и удостоился продолжительного разговора Её Величества об осмотре Новгородских древностей и посещении Рюрикова Городища. «Усердие крестьян меня очень тронуло, — прибавила она, — но жаль, что за темнотою нам не удалось осмотреть старинную церковь в этом селе».

На другой день всё царское семейство отправилось в Петербург.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В книге Макария описание различных предметов составляет особый том, а биографических сведений об угодниках Божьих вовсе не имеется.

² В 1860 году я платил за комнату 1 руб. сер., а за обед 75 коп. В 1862 году та же комната стоила 3 рубля, а обед 4 рубля. На вопрос мой о причине такой дороговизны буфетчик отвечал: «Помилуйте, ведь теперь тысячелетие; до другого, пожалуй, не доживёшь!»

³ Принесены были иконы: Знамения Богородицы из Знаменского собора, Николая Чудотворца из Дворищенского, Симеона Богоприимца из Зверина монастыря и много других икон, издревле чтимых в Новгороде.

⁴ Термии, XVIII, 9.

⁵ Торжество происходило 8 сентября 1862 года, в самый разгар преобразований. П.Б.

⁶ Это село стоит близ Волховца-Малого и ручья Княжова, на красивом возвышенном холме, который выдаётся, подобно острову, из окружающей его местности. Отсюда виден весь Новгород со всеми его храмами и окрестными монастырями; здесь тянется серебристой лентой сановитый Волхов; за ним синее озеро Мячино, а на правой стороне грозный Ильмень заключает собою горизонт. Название Городища напоминает, что здесь был город или укрепление, построенное первым Варяго-Русским князем Рюриком, который, по свидетельству Нестора, будучи призван в 862 году «седе в Новеграде», а по изъяснению Ипатьевской

летописи, Рюрик, сделавшись единовластителем по смерти братьев, пришёл к озеру Ильмень и там срубил себе город над рекой Волховом. В этом городе жили князья Новгородские не только до Ярослава, устроившего себе двор («Дворнице») на Торговой стороне, но и после его до самого присоединения Новгорода к Московской державе. Пётр I подарил Городище любимцу своему Меньшикову. — Из пяти церквей, бывших некогда в Городище, сохранилась до нашего времени только одна Благовещенская, построенная в 1342 году.

⁷ В Николаевском Корельском монастыре сохранился портрет Марфы, старинной работы, довольно грубой. Но этот портрет другой Марфы, матери царя Михаила Фёдоровича.

⁸ Своеволие новгородцев и дружба их с неукротимым крамольником Шемякою заставляли великого князя Василия Тёмного помышлять об укрощении Новгорода. Новгородцы знали это и усердно просили своего владыку отправиться в Москву, чтобы утишить гнев государя. Несмотря на долготу пути и преклонную старость, святитель исполнил желание сограждан своих. Приближаясь к Москве, он вспомнил великого Сергия Радонежского, незадолго перед тем прославленного чудотворца, и положил обещание воздвигнуть в честь его храм на дворе своём, если достигнет исполнения своих намерений. В Москве приняли святителя с почётом и любовью. Однажды великий князь Василий,

при сыне своём Иоанне и св. митрополите Ионе, стал сильно жаловаться владыке Новгородскому на своеволие сограждан его и грозил наказать Новгород войною. Подвигнутый любовью к родине, св. архиепископ умолял Василия не поднимать оружия, от которого могут пострадать невинные. «Если ты презришь старческую мольбу мою, сказал он, и поднимешь руку на невинных, то помни, что между детьми твоими поднимутся раздоры зависти. Не твори неправды и не дерзай поработать людей свободных. Конец жизни твоей близок. Наследнику твоему предстоит обладание всеми пределами русскими. За счастье его я смиренный и паства моя будем усердно молить Бога, и я уповаю, что Господь пошлёт ему свободу от ига Ордынского, укрепит и распространит державу его, в награду за милость твою к родине моей». Этим пророчеством старца был тронут и обрадован великий князь и, при ходатайстве св. первосвятителя Ионы, отложил гнев на Новгород, и оба соименных святителя обещались молиться об исполнении предсказанного архиепископом. По возвращении в Новгород св. владыка Иона исполнил обет свой — устроить в своих палатах первую церковь в честь новоявленного чудотворца Сергия. В этом храме весьма замечательна храмовая икона: лик преподобного отличается необыкновенною выразительностью; правая рука его благословляет имянословно, а левая держит развернутый свиток.

Текст печатается по изданию:

Русский архив. 1862. № 4. С. 526—532.

Из воспоминаний очевидца об открытии в Новгороде памятника тысячелетию России

В журнале «С.-Петербург» (№ 46) за 1897 г. были напечатаны «Воспоминания певчего придворной капеллы Д. Рослякова»; между прочим, автору воспоминаний пришлось быть очевидцем и участником торжества открытия памятника тысячелетию России в Новгороде. Эта страничка из воспоминаний не может не интересовать читателя-новгородца, и мы воспроизводим её в Еп. Ведомостях, хотя, впрочем, нужно заметить, что собственно исторического материала в ней немного.

В начале сентября 1862 г., пишет автор, последовало Высочайшее повеление о поездке придворных певчих в Новгород по случаю открытия там памятника, сооружённого в память тысячелетия России. Получив из придворной конторы должное количество денег, как на уплату за проезд, так и за багаж, состоявший из парадного платья певчих и других вещей, при которых находились четыре служителя капеллы, я, Ник. Ив. Бахметев и мой помощник, один из певчих, отправились 6-го числа по Николаевской железной дороге до Волховской станции, где пересели на пароход и поехали по Волхову в Новгород. На пароход Николай Иванович Бахметев встретил своего товарища по пажескому корпусу, ныне умершего архимандрита Тихвинского монастыря отца Дмитрия Кобылина, в миру полковника л.-гв. егерского полка. После помещения всех нас в отдельную каюту, в которую явился и протодиакон архимандрита, начались продолжительные разговоры между товарищами по пажескому корпусу. Но когда мы подкрепились поданными нам яствами, то у нас пошло и пение догматиков. Таким образом, мы и не заметили семидесятивёрстного расстояния до Новгорода.

На другой день, в полдень, прибыли в Новгород на пароход же государь император, покойный наследник цесаревич Николай Александрович и великие князья при многочисленной свите. Государь и цесаревич поместились в митрополичьих комнатах, а высокопреосвященный Исидор — в здании своего vicaria. Придворные же певчие — в двухэтажном старинном каменном доме, рядом с Евфимиевскою башнею. Помещение было вообще

тесное, так

что и генерал-адъютанты занимали в гостиницах только по одной комнате.

В день открытия памятника, т. е. 8 сентября, рано утром начал стягиваться со всех приходских церквей и монастырей крестный ход и потом входил с чудотворными иконами в кремль к Софийскому собору.

Вставши, и мы рано разбрелись по кремлю для рассматривания древностей, начиная с собора, но вдруг увидели цесаревича, стоявшего у западных врат, называемых «Корсунскими», и рассматривавшего их. Малолетние певчие тотчас же заметили, что у его высочества надето пальто на красной подкладке, и сообразили, что цесаревич произведён в генерал-майоры. Подойдя поближе к дверям, они стали поздравлять его высочество с производством, на что покойный цесаревич Николай Александрович изволил сказать: «Спасибо, а вы уже и заметили?»

Наконец, начался звон к обедне. Пошло везде особенное движение. Начали входить в кремль войска и строиться на площади оною. По двум сторонам памятника, у стен кремля были устроены места для публики, которая с раннего утра их уже и заняла. С прибытием митрополита в собор придворные певчие уже находились в нём. Когда же съехалась свита и великие князья, тогда митрополит с духовенством стал поджидать у западных врат государя императора. По встрече его величества и цесаревича началась литургия. Вид такого древнего храма, как новгородский Софийский собор, в котором присутствовал сам царь с сыном-наследником и прочею царскою фамилией, с блестящею свитою, при торжественном служении архипастыря с многочисленным духовенством, а также дивное пение громадного придворного хора, раздававшееся под сводами святых, — всё это производило необыкновенно торжественное впечатление. После обедни началось из собора шествие к памятнику. Сначала несли кресты, хоругви и чудотворные иконы; шло многочисленное духовенство, придворные певчие и потом митрополит с архиереями. За ними следовали государь, наследник цесаревич и прочие члены царской фамилии с многочисленной свитою. Во время шествия придворные певчие пели «Спаси, Господи, люди Твоя», а в войсках музыканты играли «Коль славен наш Господь в Сионе». Погода была прекрасная, и солнце светило ярко; у памятника была устроена большая палатка, в которой и совершалось молебствие. «Тебе Бога хвалию», пели 2-хорное Бортнянского № 2-й, и с такою силою, что стоявший на паперти собора бывший регент митрополичьего хора г. Львовский уверял после нас, что эти басовые звуки походили на отдалённые пушечные выстрелы. Когда же с памятника было сдёрнуто покрывало, то пошла страшная стрельба из пушек и

ружей, при оглушительных криках «ура!». Сильный же звон многочисленных колоколов и одного почти двухтысячного с древней кремлёвской звонницы довершал торжество. Когда молебствие кончилось и памятник был окроплен св. водою, шествие направилось обратно в собор, а государь изволил смотреть войска, проходившие мимо памятника церемониальным маршем.

В этот день у его величества был парадный обед. Вечером же в городе, и в особенности в кремле у памятника, была блистательная иллюминация. Движение народа, езда экипажей были удивительные. Явились временные театры и другого рода увеселения, так что Новгород сделался как бы небольшой столицей, тем более, что в это время находился в нём сам царь и повсюду разъезжали шегольские придворные экипажи. Такое празднество продолжалось несколько дней.

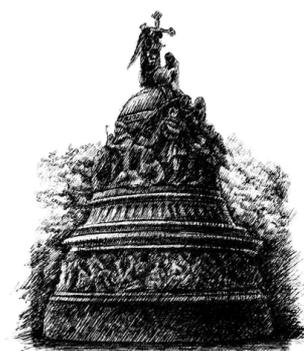
Дня через три или четыре придворные певчие, во всём своём составе, отправились на лодках в Юрьев монастырь. Хотя мы поехали до звона к обедне, но застали её уже на половине, так как монастырь отстоит

от кремля почти в 3-х верстах, по Волхову, а кругом, по шоссе, в 6-ти. Служба совершалась в соборе. Около правого клироса стоял настоятель обители, архимандрит Геронтий, и подпевал монахам, так как он имел хорошую октаву. Храм весьма древний, но от произведенной в нём реставрации и дорогих украшений в иконах выглядит величественным. Когда кончилась обедня, мы заявили архимандриту, что желаем отслужить великомученику Георгию молебен и, конечно, сами будем петь; он захотел служить сам, соборне. Мы поместились на 2-х клиросах, а монахи стояли в храме и слушали наше пение. Конечно, эффект вышел такой, что иноки были поражены. А когда после молебна всем хором было пропето большое многолетие Боршнянского, то монахи с настоятелем пришли даже в ужас от силы басовых звуков. При выходе из собора архимандрит пригласил нас к себе на чай и даже завтрак. Пробыв у него около двух часов, мы, при добрых пожеланиях настоятеля и собравшейся братии, отправились к кремлю тем же путём, коим и приехали, но только уже по течению.

**Текст печатается в современной редакции, по изданию:
Новгородские Епархиальные ведомости. 1901. № 5. С. 370—373.**

В. Кренке

К ИСТОРИИ ПАМЯТНИКА ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ РОССИИ

Мне принадлежит первая идея о сооружении в Новгороде памятника тысячелетию России. Самому говорить об этом не будет самохвальством, во-первых, потому, что говорю сущую правду, а во-вторых, заявление моё об устройстве памятника не оставляет какую-нибудь заслугу; не я, так несколько позже, десятки, сотни голосов, могли бы заявить то же самое.

Дело было так:

В начале февраля 1857 года Константин Петрович фон Кауфман (слышавший впоследствии под именем Туркестанского, для отличия от другого брата) был начальником штаба великого князя Николая Николаевича, генерал-инспектора по инженерной части, а я был полковником, командиром учебного сапёрного батальона (упразднённого в 1860 году). В то время Кауфман часто сходил со мной, мы беседовали о лучшем направлении сапёр для исполнения назначенной им роли в армии. В одной из таких бесед, именно 10 февраля 1857 г., когда речь шла о жизни и стоянке Гренадёрского сапёрного батальона в Новгороде, я

к слову о Новгороде заметил, что через 5 лет совершится тысячелетие России, что хорошо было бы соорудить монумент Рюрику и самое приличное для этого место есть Новгород как колыбель русского государства, что для исполнения этого предприятия 5-ти лет только что достаточно, надобно объявить всенародную подписку на сооружение памятника, составить проект и его соорудить, и прибавил, что в этом деле более всех может пособить нам великий князь, как Новгородский князь.

Кауфман живо сочувствовал этой идее, обещал при первом же докладе передать о ней великому князю и спросил, почему Николай Николаевич называется Новгородским князем. Я, как сам новгородец, объяснил, что новгородцы считают Николая Николаевича своим князем на том основании, что день рождения и именины его высочества 27-го июля, в день памяти новгородского угодника Николая Кочанова Блаженного, мощи которого почивают в Новгороде, в особой раке, сооружённой по велению императора Николая, последовавшему уже по рождении великого князя, и всякий год, к 27 июля, от Новгорода является депутация

с поздравлением великого князя. При продолжении разговора об осуществлении идеи памятника я говорил, что, вероятно, прежде всего придётся писать министру юстиции об объявлении сенатским указом всенародной подписки на памятник и обратиться к двум академиям Художеств и Наук, к первой об объявлении конкурса на составление проекта памятника, а ко второй — об указании места, где впервые поселился Рюрик на Новгородской земле.

15 февраля, вечером, я опять зашёл к Кауфману. Он радостно встретил меня, сказал, что я пришёл очень кстати, что успех с памятником превзошёл ожидания, великий князь не только принял в этом участие, но уже успел доложить и государю, и государь, как выразился великий князь, принял эту идею с восторгом и приказал великому князю самому написать об этом министру юстиции и в академии.

Тут Кауфман признался, что когда он говорил с великим князем о сооружении памятника, то в конце своего рассказа, желая сильнее подействовать на его высочество, прибавил, что это должно быть близко его сердцу, как новгородского... и тут вместо слова «князя» сорвалось с языка слово «помещика». Великий князь тотчас же возразил: «Нет, я не помещик новгородский, а покойный отец мой всегда называл меня новгородским князем». Затем Кауфман, отзвываясь, что в данную минуту у него много спешных дел, просил меня составить проекты писем от имени великого князя министру юстиции и в обе академии. На другой же день я прислал ему эти три проекта, вот они:

1) «Министру Юстиции. По случаю приближения тысячелетия историческому существованию России как отдельного государства я имел счастье представить на благоусмотрение Государя Императора идею о сооружении в Новгороде памятника первому русскому князю Рюрику.

Государь Император, благосклонно приняв моё предложение и вполне одобрав, Высочайше повелеть соизволил привести его в исполнение.

На этом основании покорно прошу Ваше Сиятельство испросить Высочайшее соизволение Государя Императора на повсеместное объявление, Указом Правительствующего Сената, об открытии всенародной подписки на сооружение памятника.

Как событие это весьма близко к сердцу каждого русского, то полагал бы дать подписке такое развитие, чтобы каждый русский подданный мог принять в ней участие. Если от всех сословий государства: дворян, служащих и неслужащих, духовенства, купечества, мещан и крестьян, обоих полов и всех возрастов, собрать по 1 к. с души, а желающие могут вносить и более, по собственному произволу, то при народонаселении России свыше 60 миллионов составит капитал свыше 600 000 р.»

2) «В Императорскую академию Художеств. После такого же начала — покорно прошу предложить конкурс на составление проекта памятника, на следующих основаниях:

а) Памятник должен очевидно изображать то событие, в ознаменование которого он сооружается.

б) Проект должен быть представлен на Высочайшее утверждение не позже 19-го февраля 1858 года.

в) Работы по сооружению памятника непременно должны быть окончены в четыре года.

г) Вся стоимость памятника не должна превышать 600 000 р.

д) Памятник должен быть сооружён в Новгороде или вблизи его, на том месте, где впервые поселился Рюрик; место это будет указано Археологическим Отделением Академии Наук».

3) «В Императорскую Академию Наук. После такого же начала, — покорнейше прошу:

а) Определить место, где именно Рюрик поселился в Новгороде, в самом ли городе, или в так называемом Городище, за городской чертою нынешнего Новгорода.

б) При составлении проекта памятника оказать содействие Академии Художеств определением некоторых исторических данных. Например: кто был первый Великий Князь? В договоре с греками, в 911 году, уже Олег называл себя Великим Князем. Иоанн IV короновался царём русским, но Иоанн III и ещё прежде русские государи, при сношениях с иностранными государями, — называли себя царями русскими».

Этим и ограничилась моя лепта на памятник тысячелетию России и я не знаю, в таком ли виде пошли эти письма по принадлежности или были изменены. В архиве главного инженерного управления, может быть, сохранились следы этой переписки.

Весною 1857 года состоялся указ правительствующего сената об открытии всенародной подписки на сооружение памятника.

В 1858 году великая княгиня Александра Петровна сообщила мне, что из множества проектов, предоставленных на сооружение памятника тысячелетию, государю более всех понравился проект молодого художника Микешина.

Затем, в 1862 году, когда я служил в Киеве, командиром сапёрной бригады, а К.П. Кауфман был директором канцелярии военного министерства, мы часто переписывались, и в одном из июльских писем, я между прочим говорил: «Настаёт время открытия памятника, а ведь мы, вы и я, первые виновники этого торжества; будем ли мы приглашены на праздник открытия памятника; для меня, из Киева, путешествие порядочное» (тогда ещё не было железных дорог). В августе месяце Кауфман отвечал мне и также между прочим сказал: «...а что касается праздника открытия памятника тысячелетию, то об этом я вам сообщу при первом личном свидании».

Первое личное свидание состоялось в мае 1864 года, и Кауфман передал мне, что мы не были приглашены в Новгород на праздник тысячелетия, потому что он, Кауфман, боялся и напомнить о том, что мы были первыми виновниками этого праздника, так как тогда ходили слухи, что к новгородскому празднику готовится какое-то злоумышленное предприятие. Государь очень неохотно ехал на праздник и громко говорил о том.

Н.Г. Тимон

НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Новгородского Общества Любителей Древности

Конец XIX — первая треть XX вв.

В начале XX в. в преддверии предстоявшего в Новгороде в 1911 г. XV Всероссийского археологического съезда редакция местной газеты «Новгородская жизнь» обратилась к выдающемуся реставратору, искусствоведу, публицисту, члену НОЛД А.И. Анисимову с просьбой ознакомить читателей с ходом подготовительных к Съезду работ, чтобы приобщить «местную читающую публику к интересам, до сих пор занимавшим только ограниченный круг людей, специально посвятивших себя изучению старины». Ведь, как заметил в своём «Археологическом фельетоне» А.И. Анисимов, «отсутствие любви и уважения к памятникам своего прошлого обнаруживает в народе не только сравнительно низкий уровень образованности, но и отсутствие любви и уважения к самому себе, сознания ценности своих собственных творческих сил и душевных богатств»¹. Однако, как справедливо было отмечено ранее автором статьи, вышедшей в газете «Волховский листок» в 1910 г. и также посвящённой предстоявшему Съезду, «чтобы любить, надо знать как любить и что любить»².

Понимая это, НОЛД не только занималось изучением и сохранением местных памятников старины, проведением археологических исследований, но также осуществляло научно-просветительскую деятельность в целях пробуждения среди местного населения интереса к прошлому Великого Новгорода.

В этих целях членами НОЛД в конце XIX — первой трети XX вв. были устроены лекции и экскурсии, организована «школа гидов», проведены две историко-археологические выставки, открыты музей и научная библиотека, а также осуществлена попытка создания художественной школы.

Для получения представления о прошлом Великого Новгорода и «для правильного понимания уцелевших памятников старины», как хранившихся в монастырях и церквях, так и «извлечённых из недр многочисленных курганов и сопок», в 1894—1895 гг. НОЛД провело для населения города 27 бесед на исторические темы «при открытых дверях», а в 1909—1910 гг. организовало два курса лекций, прочитанных сотрудниками Петербургского археологического института: профессором С.Ф. Платоновым («Великий Новгород до его подчинения Москве в 1478 г. и после подчинения до Ништадтского мира 1721 г.»); Н.В. Покровским («Конспективное изложение чтений по христианской археологии»), который по окончании лекции провёл экскурсию к церквям Спаса на Нередице и Николе на Липне; И.А. Шляпкиным («Современные задачи изучения древнерусской вещевой и книжной письменности»); А.А. Спицыным («Новгородские древности»). В чтении лекций приняли участие также профессора С.М. Середонин, В.В. Майков и библиотекарь института П.Л. Гусев. Конспективное изложение лекций, отредактированных самими авторами, было трижды издано в Новгороде, причём почти половина его была бесплатно направлена в народные библиотеки³.

Как отмечалось в местной печати (газета «Волховский листок» № 1837), «самыми многочисленными и ревностными слушателями лекций была молодёжь, которая по первому кличу устремилась на зов»⁴. Однако, по мнению автора, появление «полезных лекций» являлось лишь разрозненными этапами «на пути приобретения любви к своей старине». А для того, чтобы труды «археологов ... не остались бы безрезультативными», необходимы были «более верные и постоянные средства»: организация археологических кружков с привлечением к участию молодёжи, устройство курсов, издание книжек, посвящённых археологическим вопросам, по более доступной цене и т. д.⁵

В 1911 г., в преддверии XV Всероссийского археологического съезда, были прочитаны две лекции А.И. Анисимовым — в Доме народного творчества «О задачах зодчих XV археологического съезда» и у церкви Спаса на Нередице «Об основных принципах Новгородского храмостроительства и настенной живописи»⁶. Причём, как отмечалось в печати, лекции посетило «довольно много публики», что означало перемену в отношении новгородцев к своему прошлому, а также говорило о появлении у местного населения интереса к Съезду⁷.

В 1912—1913 гг. правление Общества устроило ещё ряд лекций по разным отраслям археологии и истории. Так, Н.В. Покровским были прочитаны лекции — «Византийское искусство, как общая первооснова для христианского искусства России», «Деревянное зодчество в Новгороде, хоромное и церковное и первые зачатки новгородской самобытности», «Каменное церковное зодчество в Новгороде (в исторической связи с Московским)», «Церковная стенопись в Новгороде», «Новгородская иконопись, ее прототипы и связь с Московской иконописью», «Выводы об исторической роли Новгорода в общей истории церковного искусства в России»; С.Ф. Платоновым — «Великий Новгород и Москва в пору их соединения при великом князе Иване Васильевиче (параллели и характеристика государственного и общественного быта Новгорода и Москвы); И.Е. Евсеевым — «Из истории русской библии XV и XVI веков»; А.И. Соболевским — «Обзор древнерусской литературы до конца XVI века»; С.М. Середониным — по исторической географии; В.В. Майковым по археографии; И.М. Каринским — по истории языка в Новгороде; Н.И. Репниковым — по первобытной археологии Новгорода⁸.

Лекции эти посещали от 50 до 400 слушателей, в основном — учащиеся⁹. И, как отмечал секретарь НОЛД И.В. Аничков, «несмотря на почтенные имена лекторов и весьма интересно составленную программу», этот курс лекций не имел успеха предыдущих лекций, что объяснялось отсутствием «той любознательности к изучению памятников новгородской старины, которая проявилась во время бывшего Съезда», а также непрерывностью в чтении лекций, что «значительно утомляло слушателей»¹⁰.

В 1914—1915 гг. Общество, как и в прежние годы, решая задачу поддержания в Новгороде интереса к изучению его древностей и истории, обратилось к столичным учёным с просьбой прочесть несколько лекций, правда, на этот раз, не задаваясь планами прочтения целого курса по археологии. На просьбу Общества «с большим сочувствием» отозвались его почётный член профессор С.Ф. Платонов, всегда относившийся с особым вниманием к деятельности НОЛД, новый действительный член, приват-доцент Б.Д. Греков, а также академик А.И. Соболевский и профессор Н.В. Покровский¹¹. Однако были прочитаны только три лекции: Б.Д. Грекова «Казна и земля Святой Софии», «Софийские дети боярские служилые люди Новгородских владок и их современное потомство» и С.Ф. Платонова «Как строилось Новгородское вече». И, как отмечает в отчёте И.В. Аничков, «все три лекции вызвали большой интерес среди лиц, преданных изучению новгородской старины»: лекция «высокодаровитого» русского историка С.Ф. Платонова «дала яркую картину государственного быта Великого Новгорода», а в лекциях Б.Д. Грекова, специально изучавшего историю Новгородской земли, «весьма интересно было освещено развитие, в ущерб княжеской, власти новгородских владок»¹².

Следующие публичные лекции и чтения по вопросам истории, археологии и исторического искусства прошли только в 1925 г. Обществом было намечено проведение ряда общедоступных чтений на историко-археологические темы и лекции почётными членами НОЛД — академиком С.Ф. Платоновым, проф. Ленинградского

университета Б.Д. Грековым и проф. Московского университета А.И. Анисимовым, а также по вопросам краеведческого характера — местными учёными¹³. Однако удалось осуществить лишь первое задание, да и то — отчасти: Обществом были устроены две публичные лекции Б.Д. Грекова («Хозяйство крупной Новгородской вотчины XVI—XVII вв. и возникновение крепостного права», «Хозяйство и общественные идеалы декабристов»), одобрительные отзывы о которых были помещены в местной печати¹⁴, и лекция-доклад А.И. Анисимова («Несколько новых мыслей по вопросу о характере Новгородской и Московской школ живописи»), сопровождавшийся демонстрацией диалитивов лучших образцов древнерусской живописи. Вторая задача осталась неосуществлённой вследствие перегруженности членов НОЛД их «прямыми служебными обязанностями»¹⁵.

В 1927—1928 гг. в целях популяризации среди местного населения краеведческих знаний Обществом были организованы публичные лекции для членов профсоюзов (Н.Г. Порфиридова «Древний Новгород и новгородцы», Е.В. Скородумова «О торговле древнего Новгорода», Н.А. Куреньгина «Торговый Новгород XVI века»)¹⁶, проведено несколько популярных лекций на историко-бытовые темы в красноармейских клубах (В.А. Квашенкиным)¹⁷, а также устроены собрания, посвящённые 450-й годовщине падения Новгорода (25 января 1928 г. в клубе совторгслужащих, с докладами А.И. Семёнова «Новгород и Москва во второй половине XV века», С.М. Смирнова «Литовская партия в Новгороде», Л.А. Квашенкина «Новгородский вечевой колокол»), 60-летию М.Н. Покровского (24 ноября 1928 г., с докладом о Покровском — Н.И. Ушакова)¹⁸ и пребыванию в Новгородском крае поэта Некрасова (2 декабря 1928 г. в Доме работников просвещения, с докладом члена Ленинградской секции научных работников А.В. Попова — «Некрасов и глушь новгородская»)¹⁹.

Кроме того, научные и научно-популярные статьи членов НОЛД часто помещались в местной газете «Звезда», где также постоянно печаталась информация о текущей деятельности Общества²⁰. Всё это способствовало приобщению местной читающей публики к интересам, до сих пор занимавшим только ограниченный круг людей, специально посвятивших себя изучению старины. И в местной печати стали появляться небольшие заметки-обращения к НОЛД. Так, 24 апреля 1911 г. в газете «Новгородская жизнь» за № 235 появилась небольшая заметка об отсутствии в Новгороде «лиц, которые могли бы объяснять экскурсантам памятники старины», вследствие чего многие «любопытные» экскурсанты вынуждены были покидать город, не узнав его²¹.

На необходимость руководства со стороны НОЛД «приезжающими в Новгород экскурсиями» член Общества П.И. Дворянский обратил внимание ещё 2 марта 1911 года²². Вопрос этот Общество поручило разработать правлению, которое, «учитывая потребность многочисленных прибывающих в Новгород экскурсий иметь руководителей, знакомых с историей Новгорода и его памятниками», а также ввиду увеличения числа экскурсантов во время предстоявшего XV Всероссийского археологического

съезда, решило организовать «школу гидов» из учащихся старших классов мужских и женских средних школ. За подготовку гидов взялись: А.И. Анисимов (по древней иконографии и отдельным памятникам: ц. Спаса на Нередице и ц. Фёдора Стратилата), Л.В. Вильконский (по памятникам Торговой стороны), А.И. Конкордин (по Софийскому и Знаменскому соборам), М.В. Муравьёв (по кремлю и подготовительной беседе)²³. Таким образом, в «школе гидов», куда записалось около 25 человек, проходили теоретические и практические занятия.

Члены-сотрудники и руководители «школы гидов» вошли в образованную по постановлению правления НОЛД Экскурсионную комиссию и во всё время XV Съезда несли довольно трудные обязанности руководителей²⁴.

Факт увеличения интереса к новгородской старине был отмечен в печати, где указывалось, что НОЛД «всё чаще и чаще получает запросы и просьбы о содействии той или другой экскурсии», прибывавшей в Новгород; причём председателю комиссии Л.В. Вильконскому, «усердно взявшемуся за это дело», приходилось руководить осмотром древностей и «объяснять топографию города былых времён» каждый праздник²⁵. Однако в 1914 г. со стороны членов комиссии стал наблюдаться упадок интереса к экскурсионной деятельности, что привело к снижению количества проводимых экскурсий. Ввиду этого было принято предложение А.И. Анисимова «войти в непосредственные сношения с отдельными лекторами», а также устроить курсы для учителей народных школ по подготовке их к самостоятельному руководству экскурсиями²⁶.

Необходимо отметить, что экскурсии под руководством и при участии членов НОЛД проходили и до образования «школы гидов», до учреждения Экскурсионной комиссии. Так, 13 июля 1908 г. под руководством члена НОЛД В.К. Мясоедова (оставленного при Санкт-Петербургском университете по кафедре истории искусств) членами Общества (новгородским губернатором П.П. Башиловым, А.Е. и Е.Н. Левебергами, И.В. Аничковым, В.А. Подобедовым, А.И. Анисимовым и О.А. Ваучским) была предпринята экскурсия в Спасо-Нередицкую церковь (изучением которой занимался В.К. Мясоедов)²⁷.

Целью осмотра этого древнего памятника XII в. являлось ознакомление с его фресковой живописью, при этом «с живым интересом» был прослушан доклад В.К. Мясоедова, в котором он на основе источников ознакомил экскурсантов с историей Нередицкого монастыря и его Спасо-Преображенской церкви; архитектурой и фресками Нередицкой церкви (содержанием росписи и распределением сюжетов в сравнении с обычной схемой XI–XII вв.); дал краткий иконографический разбор некоторых композиций и общую характеристику надписей и граффити, их языка и палеографического значения и указал на их ценность для датирования фресок, а также отметил бедность существующей литературы о Нередицкой церкви²⁸.

Вопрос об организации экскурсионного дела в Новгороде вновь был поднят только в 1920 г. на созданном при местной Музейной секции совещании, где членам НОЛД предложили после прохождения специальных курсов

принять участие в организации экскурсионного дела в качестве руководителей²⁹. В созданное в 1921 г. Губернское экскурсионное бюро в качестве представителя Общества был выбран И.В. Аничков (его заместителями — А.И. Капгер и М.В. Муравьёв)³⁰. В 1920-х гг. члены НОЛД продолжали принимать «деятельное участие» в проведении экскурсий по Новгороду³¹. И даже была организована Экскурсионно-экспедиционная комиссия НОЛД, занимавшаяся устройством и проведением научных экспедиций и экскурсий, как для членов Общества, так и для всех интересовавшихся памятниками Новгородской земли³²; а также — представлявшая Новгородскому экскурсионному бюро «руководителей экскурсий» — экскурсоводов.

Внимательное отношение членов НОЛД к экскурсиям неоднократно отмечалось экскурсантами на страницах местной газеты «Звезда»³³. Среди них хотелось бы отметить вышедшее в газете «Звезда» 28 июня 1928 г. сообщение экскурсанта, в котором автор отмечал, что при «неторопливо» лившейся речи «объяснявшего лектора» к нему пришло чувство, будто к «тёмным памятникам седой старины осторожно, но верно» прикоснулся «острый резец научного анализа»³⁴.

Примечательны в этом отношении статьи, осуждавшие беспорядок в проведении экскурсий, руководимых культотделом Губпросовета, а также отдельными «археологами-любителями». Так, в газете «Звезда» 1 августа 1924 г. выходит статья П. Юдина под названием «Об экскурсиях по древнему Новгороду, о владыках, о царях, любящих страну свою, о проф. Передольском и пр. вещах». Автор статьи, признавая верным только тягу к знанию «широких народных масс», направленную по «верному материалистическому руслу», выступал против «идеалистических лап» буржуазных историков, в частности экскурсий-лекций по Новгороду профессора В.В. Передольского (сына В.С. Передольского)³⁵. Последний, по мнению П. Юдина, слишком идеализировал Петра («сифилитика, пьяницу, солдафона, деспота»), Екатерину («маленькую немку — развратницу из развратниц, её величество проститутку, каких мало знала история») и других «творцов» истории, рисуя их фигуры в «розовых красках» так, что «теплой душевной веяло к России-матушке от этих неподвижных фигур»³⁶.

В том же месяце в газете «Звезда» выходят несколько заметок-отчётов об экскурсиях в Старую Руссу, организованных культотделом Губпросовета. Экскурсии, проходившие «при далеко неполном количестве участников», разделились в Старой Руссе на группы, одна из которых «отправилась бродить восвояси», другая — «перепилась допьяна, причём одного мертвецки пьяного взяли на дороге в милицию». И, как отмечал автор статьи, «подобные безобразия» происходили не впервые: так, проходившие в 1925 г. экскурсии «не обходились без того, чтобы несколько человек перепившихся не попадались в милицию»³⁷.

В деятельности Экскурсионно-экспедиционной комиссии НОЛД необходимо отметить также предпринятую в 1927 г. поездку по Кавказу с экскурсионной целью; организованную совместно с Новгородским историческим музеем в 1928 г. (с 19 по 30 июля) большую исследовательскую экспедицию по реке Ловати с целью обследования и изучения археологических,

архитектурных и бытовых памятников, расположенных в береговом районе р. Ловати (были описаны памятники, произведены обмеры, составлен план местности и сделаны фотографии)³⁸; проведённые летом 1929 и 1930 гг. совместно с Новгородским и Московским музеями экспедиций на р. Полу и в Демянский край с целью проведения разведок и раскопок Курского городища и курганов в п. Хрепле³⁹.

С результатами работы Ловатской экспедиции 1929 г. членов НОЛД ознакомил принимавший непосредственное участие в проведении разведок и раскопок В.С. Пономарёв — студент-археолог Московского государственного университета, члена Юношеской секции НОЛД.

Организованная в 1924 г. при НОЛД, Юношеская научная секция занималась подготовкой молодёжи (в основном, студентов) по вопросам истории, археологии, литературы Новгородской земли, помогала местным и приезжим молодым членам НОЛД заниматься разработкой этих вопросов в новгородских архивах и т. д.⁴⁰. Благодаря правильно организованной работе Юношеской секции молодые члены НОЛД могли участвовать в устраивавшихся Обществом экскурсиях, публичных лекциях, археологических экспедициях и пр., причём как в роли слушателей, так и участников.

Принимавший непосредственное участие в проведении разведок и раскопок в с. Хрепле В.С. Пономарёв представил собранию НОЛД 28 августа 1929 г. доклад «Раскопки в с. Хрепле, Черновского района»⁴¹, в котором подробно описал характер и ход раскопок, привёл количество находок и дал анализ их историко-археологического значения.

С результатами раскопок 1930 г. членов НОЛД ознакомил руководитель археологических работ — А.В. Арциховский, выступивший с докладом, сопровождавшимся фотографиями, на собрании НОЛД 11 августа 1930 г.⁴²

Вообще необходимо отметить, что во второй половине 1920-х гг. члены НОЛД старались как можно чаще выступать на собраниях Общества с докладами и сообщениями о результатах проведённых экскурсий, экспедиций; причём большинство докладов сопровождалось рисунками и фотографиями⁴³. Среди них можно отметить доклад члена НОЛД И.О. Езупова «К Ледовитому океану»: сопровождаемый серией фотографий, доклад «весьма красочно» знакомил слушателей с природой края, бытом населения и экономическими перспективами побережья Ледовитого океана — Мурманского края⁴⁴.

В целях ознакомления с прошлым Новгорода и Новгородской земли «всеми интересующимися стариной вообще и славным прошлым Великого Новгорода в частности» в 1911 г. к XV Всероссийскому археологическому съезду членами НОЛД была организована обширная и представительная историко-археологическая выставка⁴⁵.

Ещё в 1910 г., в преддверии XV Съезда, в целях ознакомления членов Общества с техникой организации выставок, а также чтобы выяснить наличность предметов старины, которыми располагал Новгород, в митрополичьих покоях в кремле НОЛД устроило временную выставку историко-археологических ценностей из церквей г. Новгорода и его окрестностей. Вся

организационная работа была проведена особой комиссией, в которую вошли А.И. Анисимов, И.В. Аничков, Л.П. Гусев, А.И. Конкордин и др. Выставочная комиссия, посетив 30 церквей и одну часовню, Юрьев монастырь, получила для выставки всё просимое, за исключением предметов Юрьева монастыря, архимандрит которого для выставки, вопреки указу Консistorии, ничего не дал⁴⁶. Впоследствии М.В. Муравьёв заявил, что опасения архимандрита относительно охраны выставленных предметов были напрасными, т. к. «ничего не пропало» и всё было возвращено «в полной сохранности»⁴⁷. Однако на 23-м заседании НОЛД 14 ноября 1911 г. председатель сам доложил об утере на устроенной в 1910 г. Обществом археологической выставке иконы «Премудрость созда дом свой», которая после разбора выставки «не была взята владельцем, а потому, для хранения, была перенесена в Музей, где и затерялась во время производившегося в нём ремонта»⁴⁸.

На выставке, которую посетили 981 человек, были представлены наиболее ценные экспонаты, собранные во время поездок. Особый интерес представляли предметы церковной старины и портретная галерея из усадьбы помещика С.Н. Дирина. И хотя в денежном отношении выставка оказалась убыточной, она вызвала интерес к старине в местном обществе и дала «цельное представление» о тех предметах старины, которые находились в Новгороде и его окрестностях⁴⁹.

В начале 1910 г. председатель новгородского Предварительного комитета XV Всероссийского археологического съезда губернатор П.П. Башилов обратился к населению Новгородской губернии «с приглашением принять участие в трудах по подготовке выставки и организации Съезда»: владельцам целых собраний и отдельных предметов древностей (документов, грамот, старопечатных книг, старинных картин, портретов, планов, икон древнего письма, складней, металлических и живописных крестов, монет, печатей, старинной утвари, одежды, головных уборов, серег, монист, запястий, оружия и т. д.) — дать их подробные описания; настоятелям церквей — сообщить истории приходских храмов, составленные на основании существующих в них рукописных «приходских летописей», и описание имеющихся в храмах древних предметов; народным учителям — памятники народной поэзии и эпоса и описания местонахождения курганов, сопок, городищ, жальников и других памятников древности⁵⁰. К проживавшим в Новгороде владельцам предметов старинного быта и искусства, преимущественно — новгородского, обратилось и НОЛД с просьбой предоставить древние иконы, кресты, церковную утварь и иные предметы церковной старины; старинные грамоты, синодики, свитки и рукописи, рукописные и старопечатные (до XVIII в.) книги; старинные предметы, миниатюры и картины, виды Новгорода и Новгородской земли, старинные планы, карты, монеты и печати, старинную домашнюю утварь, одежду, головные уборы, оружие, знамена и т. п.⁵¹ Кроме того, в 1910 г. для подготовки выставки членами НОЛД были осмотрены Череповецкий музей (М.В. Муравьёвым), ризницы Старорусского и Тихвинского монастырей (И.В. Аничковым). Ряд древних церковных и гражданских предметов (не позднее 1825 года)⁵² был взят для экспозиции на выставке, подготовленной к Съезду,

причём данные для выставки предметы принимались под расписку о возвращении их владельцам в полной сохранности после закрытия выставки.

Обширная историко-археологическая выставка была развернута в залах Дворянского собрания, музее и Владычном доме.

Собрание церковных древностей было выставлено в митрополичьих покоях Владычного дома. Как отмечал в своей статье А.И. Анисимов, выставки, устраивавшиеся к Съездам, должны были либо давать «полную картину современного состояния церковной старины» в той области России, где проходил Съезд, либо давать «представление о церковном искусстве, выработанном именно данной местностью, сложившемся в результате специфически местных условий и художественных изысканий»⁵³. И некоторые посетители церковного отдела историко-археологической выставки действительно надеялись найти в нём «разносторонний и богатый подбор памятников церковного искусства, который выяснил бы, наконец, заманчивое и до сих пор столь мало разгаданное в отдельных чертах лицо того сфинкса, который зовется новгородской художественной школой». Однако ещё за двадцать лет до выставки из церкви Новгородской губернии «понимающие» люди вынесли последние остатки наиболее древних иконостасов, утвари и шитья, по которым можно было бы ещё получить «истинное понятие о новгородском стиле в иконостасе и орнаменте»; единственно ценное и действительно новгородское, что ещё сохранилось в местных церквях, — храмовые иконы — не имели права вынимать из иконостасов; а наиболее значительные вещи, взятые из ризницы Св. Софии, были привезены в Новгород с Востока и Запада⁵⁴.

И всё же «центр» выставки церковных древностей составили наиболее интересные и древние церковные предметы (реликварии, иерусалимы, панагийар и др. предметы из ризницы Софийского собора, предметы из Тихвинского Большого монастыря, Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастырей, обширная коллекция икон, церковной утвари и резных изображений из дерева), которые в дальнейшем послужили «основанием» церковного музея, созданного новгородским владыкой Арсением. Как указывалось в печати, «выставка эта единственная не только в Новгороде, но и для всей России», поражала «обилием предметов (1006) и их ценностью», а потому было непонятно отношение новгородцев, которые «не особенно спешили её осмотреть»: со времени открытия выставки и по 27 июля её посетило всего 550 человек, не считая членов Съезда⁵⁵.

Собрание гражданских древностей разместилось в доме дворянского собрания и музее. Гражданский отдел выставки, как и церковный, отличался разнообразием и ценностью выставленных экспонатов — 545 предметов старины (сохранившиеся с 1611 г. старинное оружие и знамёна из Тихвинского Большого монастыря; коллекции медалей, крестов и жетонов, выбитых по поводу известных исторических событий; предметы бронзового века, добытые при раскопках в Елизаветпольской губернии (Кавказ) Л.С. Гогелем; редкая коллекция масонских изданий конца XVIII и начала XIX вв. Т.О. Соколовской; богатое собрание каменных и бронзовых орудий, найденных членом Воронежской и Костромской учёных архивных комиссий В.Р. Апухтиным в течение 15 лет при раскопках курганов и городищ

в Орловской, Калужской и Тульской губерниях)⁵⁶; более 100 фотографий с видами древних новгородских храмов и «церковными редкостями» всей Новгородской губернии из коллекции Московского археологического общества⁵⁷, а также подготовленная к Съезду Императорским военно-историческим обществом большая коллекция тщательно выполненных чертежей и фотографий Новгородского кремля и древней крепости Изборска⁵⁸. Наибольший интерес в этом отделе представляла портретная галерея деятелей дореформенной поры (до 1861 г.) и коллекция редкостных рукописей и грамот Л.Н. Целепи⁵⁹.

Церковный отдел археологической выставки был открыт с 10 до 12 для участников XV Съезда, с 14 до 17 — для публики. Гражданский отдел археологической выставки был открыт с 9 до 12 для участников Съезда и с 13 до 17 — для публики. Каталоги для участников выдавались бесплатно, для публики — 10 коп. за каталог церковного отдела и 20 коп. — за каталог гражданского отдела. Вход бесплатный. Музей с посетителями взимал свою обычную плату 15 коп.⁶⁰ Кроме того, специалистом по фотографии А.Ф. Глазачевым в своем доме на ул. Знаменской была открыта бесплатная выставка «выполненных безукоризненно» фотографических снимков церквей и различных церковных древностей, памятников Новгородской старины, а также видов Новгорода. Выставка работала с 10 до 19 для всех посетителей⁶¹.

В это время среди местного населения отмечается увеличение спроса на книги по истории искусства, что, по мнению А.И. Анисимова, говорит об изменении отношения общества к своему прошлому, о возникновении интереса к родной старине⁶². И, чтобы сделать доступным для всех, интересовавшихся местной стариной, прошлое Новгорода и Новгородской земли, НОЛД организовало музей и библиотеку.

Вначале коллекция музея была небогатой: как сообщает И.В. Аничков, музей НОЛД в 1910—1911 гг. находился «в зачаточном положении»⁶³. Однако, как отмечалось в печати, посетивший музей архиепископ новгородский и старорусский Арсений «восхищался собранием ценных, главным образом, церковных древностей, о чём оставил запись в книге для посетителей»⁶⁴.

Число экспонатов росло с каждым годом: в 1910 г. музею НОЛД были подарены несколько гравюр, изображающих древний Новгород; несколько вещей были приобретены на раскопках⁶⁵; в 1912 г. в музей Общества от М.А. Прокофьева поступило пять рукописей и 13 монет XVIII в. и начала XIX в.; в 1913—1914 гг. музей Общества насчитывал уже «48 пожертвованных разными лицами предметов»⁶⁶; в 1914—1918 гг. музей Общества продолжал пополняться предметами древности, пожертвованными разными лицами, среди них особо следует выделить предметы, пожертвованные в Общество Л.Н. Целепи — Ладожская историко-этнографическая коллекция фотографических снимков, собранная Н.И. Репниковым⁶⁷. В 1921 г. коллекции, которыми располагало Общество, постановлением общего собрания были переданы Губмузею и размещены в Историко-археологическом музее.

Библиотека Общества состояла из книг, полученных путём обмена изданиями с другими учёными

обществами (Императорское московское археологическое, Московское нумизматическое, Императорское русское археологическое, Псковское археологическое, Императорское общество истории и древностей российских, Архангельское общество изучения Севера, Общество истории и древностей Прибалтийского края); архивными комиссиями (Оренбургская учёная архивная комиссия, Витебская учёная архивная комиссия) и учёными организациями (Императорский Санкт-Петербургский археологический институт, Императорский русский исторический музей Александра III); а также купленных на пособие, выделенное НОЛД Министерством народного просвещения: согласно заключению Учёного комитета министерства от 28 июля 1912 г. НОЛД в течение четырёх лет выдавалось по 500 руб. на приобретение научных изданий⁶⁸.

К 1912 году библиотека Общества имела более 500 томов, с составленным к ним карточным каталогом⁶⁹. В последующие годы библиотека благодаря «энергии» К.П. Драницына, который «взял на себя труд по выписке книг и заведыванию ею», постоянно пополнялась книгами и изданиями по истории и археологии Новгорода, истории России и Византии, истории искусств⁷⁰. Так, библиотека Общества обогатилась, помимо текущих журналов, многими изданиями, представлявшими «для желающих полную возможность заниматься историей, археологией и искусством»⁷¹.

Кроме того, в 1914 г. Новгородский губернский статистический комитет благодаря постоянным хлопотам правления НОЛД предоставил Обществу для размещения его библиотеки помещение в здании Новгородского музея древностей. Это обстоятельство дало возможность организовать правильное пользование библиотекой: были выработаны и утверждены общим собранием 15 марта 1915 г. правила пользования книгами и журналами из библиотеки НОЛД⁷². Тем самым было положено «прочное основание библиотеки Общества», размещённой в двух комнатах губернского музея, где учёные и любители могли «заниматься с удобством» научными исследованиями; причём и коллекция Музея, находившиеся там же, могли быть «предметом их научных занятий»⁷³.

В 1915–1916 гг. Обществу на пополнение библиотеки, издание трудов и «другие научные нужды» Министерство народного просвещения выделило ещё 1000 руб., что позволило НОЛД в 1916–1920-х гг. выкупить библиотеки покойных членов Общества (И.С. Романцева, Л.Н. Целепи и др.)⁷⁴. Часть своей библиотеки передавали Обществу и некоторые уезжавшие из Новгорода члены ОЛД⁷⁵. Необходимо отметить тот факт, что и Общество старалось по мере сил помогать другим учреждениям в деле организации библиотек. Так, в ответ на письмо Совета Нижегородского городского народного университета об оказании содействия к образованию библиотеки было решено, «сочувствуя цели учреждения в Нижнем Новгороде народного университета», выслать ему бесплатно имевшиеся в продаже труды НОЛД⁷⁶.

Однако в 1918 г. НОЛД, в связи с устранением его от участия в заведовании музеем, вынуждено было оставить там своё помещение и переехать в небольшую комнатку при б. Консistorском архиве, где члены Общества были лишены возможности пользоваться библиотекой. Одновременно последняя перестала пополняться

книгами, журналами и другими изданиями. Только в начале 1918 г. было приобретено несколько книг по истории древней культуры эллинского мира и эпохи для предполагавшихся лекций по истории и искусству⁷⁷.

В 1920 г. НОЛД вновь было лишено своего помещения (уже в б. Епархиальном доме). Правда, отведённое Губмузеем для библиотеки Общества «более или менее постоянное и до известной степени удовлетворительное помещение» — бывший библиотечный читальный зал в Новгородском музее древности — позволило НОЛД в 1921 г. направить все усилия на упорядочение библиотеки. На средства Общества в этом музее были устроены полки и поставлены шкафы, в которых была размещена библиотека. В это же помещение были перевезены завещанная Обществу библиотека покойного В.П. Ласковского, находившаяся до сих пор в квартире члена Общества А.Н. Кутейниковой, библиотека скончавшегося почётного члена Общества И.В. Аничкова, а также приобретённая в своё время Обществом и хранившаяся в помещении Губархива библиотека покойного И.С. Романцева⁷⁸. Кроме того, были приняты меры к получению Обществом, завещанной ему покойным Л.Н. Целепи библиотеки, а также и коллекций, находившихся в это время в Петроградском археологическом институте⁷⁹. Следующим шагом в деле упорядочения библиотеки явилось распределение книг по отделам (1-й отдел — «Новгородика»; 2-й отдел — «История и археология» — 1165; 3-й и 4-й отделы — Журналы и разные книги), их нумерация и составление каталога. И к 1923 г. библиотека Общества, заключавшая в себе богатый материал по новгородике, была приведена в порядок. К этому году библиотека НОЛД пополнилась новыми изданиями научного характера, альбомами и пр.⁸⁰ И к концу 1924 г. в библиотеке Общества числилось по каталогу 1831 издание⁸¹. В 1925 г. библиотека Общества насчитывала 2023 названий разных книг и периодических изданий⁸²; в 1926 г. — 2145⁸³; а в 1928 г. — 2500 книг⁸⁴. И если ранее библиотека НОЛД пополнялась только путём обмена или покупки различных научных изданий (а потому в 1924–1926 гг. Общество при скудости средств и за отсутствием широкого обмена научными изданиями с другими научными обществами и учреждениями не смогло особенно пополнить библиотеку новыми книгами), то с 1927 г. в Общество стали бесплатно поступать издания Академии Наук.

В том же году библиотека Общества из помещения при историческом Музее была переведена в помещение библиотеки Музея древнего и нового искусства, где ей было отведено особое хранилище, а это создало наиболее удобные условия для пользования научной литературой: библиотеки дополняли пробелы в подборе книг, отсутствовавших в одной, но имевшихся в другой. В следующем, 1928 г., для заведования библиотекой в Обществе была создана Библиотечная комиссия, которая предприняла новую инвентаризацию библиотеки и составление карточного каталога⁸⁵.

Для развития среди местного населения, в том числе и рабочего класса, интереса к искусству, в 1917 г. Общество решило открыть в Новгороде художественную школу. Помещение для школы благодаря участию председателя НОЛД Н.В. Волкова и члена Общества

Н.Ф. Роота обещало предоставить Министерство торговли и промышленности. Средства на содержание её, по мысли И.В. Аничкова, могли бы быть предоставлены НОЛД, городом и губернским земством. Содействие в организации школы, при условии создания при ней иконописного отдела, по словам А.И. Конкордина, оказал бы и новгородский владыка Арсений, собиравшийся открыть в Новгороде иконописную школу⁸⁶.

Для разработки типа открываемой при НОЛД художественной школы, а также устройства классов рисования, черчения, живописи и лепки, была образована Особая комиссия (Н.В. Волков, Н.Ф. Роот, А.Е. Эренберг, Р.Р. Эргле, А.А. Митрофанов, А.И. Конкордин), которая, кроме того, должна была определить цель и задачи школы, сроки её открытия и необходимые средства. Однако к концу 1917 г. для членов Общества стало ясно, что попытка их открыть в Новгороде художественную школу не может быть осуществлена. Позднее, в 1919 г., в газете «Искусство Коммуны» (официальный орган Отдела изобразительных искусств при Комиссариате народного просвещения) промелькнуло известие о намерении Коллегии по делам искусства и художественной промышленности открыть в некоторых городах Северной области художественно-промышленные школы, и, в первую очередь, в Новгороде⁸⁷. Причём при обсуждении вопроса на заседании Коллегии делавший доклад О.М. Брик (комиссар государственных художественных мастерских) заявил, что «в Новгороде почва для создания художественно-промышленной школы» была «уже готова»⁸⁸. Как отмечалось в то время в местной

печати, «вопрос о художественной школе в Новгороде» поднимался неоднократно: в 1917 г. об открытии художественного училища «поговаривало» НЦАО, увлечённым примером псковичей, работавших в то лето в новгородском древлехрамиле, затем «та же идея существовала в кругах, близких к НОЛД»; в 1918 г. «с этой мыслью настойчиво носился Губернский отдел народного образования». Действительно, были уже подготовлены проекты, докладные записки, разрабатывались программы; однако далее этого «дело не пошло»⁸⁹. И, по мнению автора заметки, начало открытию в Новгороде художественно-промышленной школы должен был положить новый почин, исходивший в 1919 г. уже от центральной власти⁹⁰.

Таким образом, не все работы, намеченные НОЛД в плане просвещения местного населения, были выполнены. Однако основная задача была решена: проводившаяся членами Общества в конце XIX — первой трети XX вв. научно-просветительная деятельность действительно способствовала пробуждению и поддержанию среди новгородцев интереса к прошлому своего «Великого» города, к изучению его древностей и истории, и, как следствие, — более бережному отношению к памятникам культуры.

И для ознакомления широкой публики со своей деятельностью НОЛД решилось в 1908 г., несмотря на «крайнюю ограниченность» своих средств, издавать свои труды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анисимов А.И. Археологический фельетон // Новгородская жизнь. № 213. 2 февраля 1911. С. 2.

² Новгород // Волховский листок. № 1837. 28 апреля 1910 г. С. 1.

³ ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 16. Л. 1918; Лекция профессора Платонова в г. Новгороде // НЕВ. 1909. № 16. С. 455—459; Отчёт секретаря Общества И.В. Аничкова о деятельности НОЛД за 1909—1910 года // Сборник НОЛД. Вып. IV. Новгород. 1911. С. 180; Сборник НОЛД. Вып. III. Новгород. 1910. С. 8—11; Вып. V. С. 179—180, 186—190; Конспекты лекций по истории и древностям Новгорода, читанных в 1909 году в Новгородском обществе любителей древности. Новгород. 1910. Вып. I; Конспективное изложение чтений по христианской археологии (2—6 сентября 1909 года) // Издание НОЛД, Новгород. 1910. Вып. II; Конспекты лекций по истории и древностям Великого Новгорода, читанных в 1909 г. в НОЛД, Новгород. 1911. Вып. III; Платонов С.Ф. Великий Новгород, Спицын А.А. Новгородские древности; Конспекты лекций, читанных в 1909 г. в НОЛД гг. лекторами Императорского археологического института. Новгород. 1916. Покровский Н.В. Конспективное изложение чтений по христианской археологии.

⁴ Новгород // Волховский листок. № 1837. 28 апреля 1910. С. 2.

⁵ Там же. С. 1.

⁶ К предстоящей выставке // Новгородская жизнь. № 260. 20 июля 1911. С. 5.

⁷ Там же.

⁸ Отчёт за деятельность Общества любителей древности с 7-го апреля 1912 года по 7-ое апреля 1913 года // Сборник НОЛД. Вып. VII. Новгород. 1914. С. 162.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 163.

¹¹ ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1959. Л. 30б.

¹² Отчёт о деятельности Общества любителей древности с 7-го апреля 1914 г. по 7-ое апреля 1915 г. Новгород. 1916. С. 7.

¹³ Отчёт НОЛД за 1925 год. Новгород. 1926 год. С. 9.

¹⁴ Звезда. № 103. 9 мая 1925. С. 4; № 130. 12 июня 1925. С. 4.

¹⁵ Отчёт НОЛД за 1925 год. Новгород. 1926 год. С. 9.

¹⁶ Отчёт НОЛД за 1927 год. Новгород. 1928. С. 10.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Отчёт НОЛД за 1928 год. Новгород. 1929. С. 7.

¹⁹ Там же.

²⁰ Звезда. 1925 г.: № 94. 26 апреля; № 98. 1 мая; № 103. 9 мая; № 130. 12 июня; № 148. 3 июля; № 168. 26 июля; № 181. 11 августа; № 188. 20 августа; № 198. 1 сентября; № 214. 19 сентября.

²¹ Новгородская жизнь. № 235. 24 апреля 1911. С. 6.

²² Сборник НОЛД. Вып. V. Новгород. 1912. С. 3.

²³ Новгородская жизнь. № 242. 18 мая 1911. С. 6; Сборник НОЛД. Вып. VI. Новгород. 1912. С. 2.

²⁴ Анисимов А.И. К деятельности новгородского Предварительного комитета // Новгородская жизнь. № 261. 24 июля. 1911. С. 7—8; Сборник НОЛД. Вып. VI. Новгород. 1912. С. 13, 54.

²⁵ Новгородская жизнь. № 288. 26 октября 1911. С. 6.

²⁶ Сборник НОЛД. Вып. VII. Новгород. 1914. С. 182.

²⁷ Сборник НОЛД. Вып. I. Новгород. 1908. С. 15.

²⁸ Там же.

²⁹ ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1982. Л. 1.

³⁰ Там же. Д. 1989. Л. 10б.

- ³¹ Отчёт о деятельности НОЛД за 1923 год. Новгород. 1924. С. 2–3; Отчёт НОЛД за 1925 год. Новгород. 1926. С. 10.
- ³² ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2006. Л. 1–10б.
- ³³ Новгород // Звезда. № 188. 20 августа 1925. С. 4; Коротко обо всём // Звезда. № 215. 15 сентября 1928. С. 4; Новгородские ценности (Из впечатлений экскурсанта) // Звезда. № 148. 28 июня 1928. С. 4.
- ³⁴ Новгородские ценности (Из впечатлений экскурсанта) // Звезда. № 148. 28 июня 1928. С. 4.
- ³⁵ Об экскурсиях по древнему Новгороду, о владыках, о царях, любящих страну свою, о проф. Передольском и пр. вещах // Звезда. № 173. 1 августа 1924. С. 2.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Экскурсия в Старую Руссу // Звезда. № 181. 13 августа 1926. С. 4.
- ³⁸ ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2016. Л. 2об.; Отчёт НОЛД за 1927 год. Новгород. 1928. С. 10; Отчёт НОЛД за 1928 год. Новгород. 1929. С. 4.
- ³⁹ ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2006. Л. 1–10б.; Д. 2015. Л. 10б.; Д. 2016. Л. 1–60б.; Арциховский А.В. Археологическое изучение Новгорода. С. 9; А.В. Арциховский. Раскопки 1929 г в Новгородском округе. Материалы и исследования Новгородского музея, Вып. 1. М. 1939.
- ⁴⁰ ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3470-1. Л. 1.; Д. 3492. Л. 1.
- ⁴¹ Там же. Д. 2011. Л. 1.
- ⁴² Там же. Д. 2016. Л. 1–50б.
- ⁴³ Отчёт НОЛД за 1926 год. Новгород. 1927. С. 16.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ От новгородского Предварительного комитета XV Археологического съезда в городе Новгороде в 1911 году // Новгородские Епархиальные ведомости (НЕВ). 1910. № 1–2. С. 12.
- ⁴⁶ Сборник НОЛД. Вып. III. Новгород. 1910. С. 15.
- ⁴⁷ Сборник НОЛД. Вып. IV. Новгород. 1911. С. 172.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Сборник НОЛД. Вып. VI. Новгород. 1912. С. 51.
- ⁵⁰ От новгородского Предварительного комитета XV Археологического съезда в городе Новгороде в 1911 году // НЕВ. 1910. № 1–2. С. 12.
- ⁵¹ НЕВ. 1910. № 13. С. 367.
- ⁵² Анисимов А.И. К деятельности новгородского Предварительного комитета XV Всероссийского археологического съезда // Новгородская жизнь. № 256. 6 июля 1911. С. 6.
- ⁵³ Анисимов А.И. Церковная старина на выставке XV Археологического съезда в Новгороде. С. 1.
- ⁵⁴ Там же. С. 1–2.
- ⁵⁵ Анисимов А.И. К деятельности новгородского Предварительного комитета // Новгородская жизнь. № 262. 27 июля 1911. С. 8.
- ⁵⁶ Там же. С. 3.
- ⁵⁷ XV Археологический съезд в Новгороде // Вестник Европы. Сентябрь. 1911. СПб. С. 415; Новгородский археологический съезд XV (1911, 22 июля – 5 августа) // Труды Рязанской учёной архивной комиссии. Том XXV. Вып. I. Рязань. 1912. С. 117.
- ⁵⁸ Пятнадцатый археологический съезд в Новгороде // Известия ИАК. Прибавление к выпуску 44-му. СПб., 1912. С. 191.
- ⁵⁹ К предстоящей выставке // Новгородская жизнь. № 260. 20 июля 1911. С. 2.
- ⁶⁰ Анисимов А.И. К деятельности новгородского Предварительного комитета // Новгородская жизнь. № 261. 24 июля 1911. С. 8.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Новгородская жизнь. № 213. 2 февраля 1911. С. 2.
- ⁶³ Сборник НОЛД. Вып. VI. Новгород. 1912. С. 50.
- ⁶⁴ Новгородская жизнь. № 208. 16 января 1911. С. 6.
- ⁶⁵ Сборник НОЛД. Вып. VI. Новгород. 1912. С. 51.
- ⁶⁶ Отчёт о деятельности Общества любителей древности с 7-го апреля 1913 г. по 7-ое апреля 1914 г. // Сборник НОЛД. Вып. VII. Новгород. 1914. С. 185; Сборник НОЛД. Вып. VI. Новгород. 1912. С. 51.
- ⁶⁷ ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1974. Л. 2.; Д. 3423-1. Л. 1.
- ⁶⁸ Сборник НОЛД. Вып. VII. Новгород. 1914. С. 124.
- ⁶⁹ Сборник НОЛД. Вып. VI. Новгород. 1912. С. 50.
- ⁷⁰ ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1961. Л. 10б.
- ⁷¹ Отчёт за деятельность Общества любителей древности с 7-го апреля 1915 года по 7-ое апреля 1916 года // Сборник НОЛД. Вып. VIII. Новгород. 1916. С. 3.
- ⁷² Там же. С. 2; ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1959. Л. 1.
- ⁷³ Отчёт за деятельность Общества любителей древности с 7-го апреля 1915 года по 7-ое апреля 1916 года // Сборник НОЛД. Вып. VIII. Новгород. 1916. С. 2.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1961. Л. 2об.; Д. 1989. Л. 1.
- ⁷⁶ Там же. Д. 1961. Л. 2об.
- ⁷⁷ Там же. Д. 3425. Л. 10б.
- ⁷⁸ Там же. Д. 3427-1. Л. 3об.
- ⁷⁹ Там же. Л. 4.
- ⁸⁰ Отчёт о деятельности НОЛД за 1923 год. Новгород. 1924. С. 4.
- ⁸¹ Отчёт о деятельности НОЛД за 1924 год. Новгород. 1925. С. 4–5.
- ⁸² Отчёт НОЛД за 1925 год. Новгород. 1926. С. 12.
- ⁸³ Там же. С. 22.
- ⁸⁴ Отчёт НОЛД за 1927 год. Новгород. 1928. С. 8.
- ⁸⁵ Отчёт НОЛД за 1928 год. Новгород. 1929. С. 8.
- ⁸⁶ ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1969. Л. 2–20б.
- ⁸⁷ Художественные заметки // Звезда. № 39. 4 февраля 1919. С. 4.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Художественные заметки // Звезда. № 40. 5 февраля 1919. С. 4.

Г.М. Коваленко

НОВГОРОДСКИЕ КУПЦЫ В СТОКГОЛЬМЕ

Столбовский договор 1617 г., лишивший Русское государство Балтийского побережья, затормозил развитие русской внешней торговли, вместе с тем он оказал положительное влияние на развитие прямой русско-шведской торговли. Швеция была единственной западноевропейской страной, куда русские торговые люди могли совершать торговые поездки по Балтийскому морю, и они активно пользовались этим.

Ведущую роль в этой торговле играли новгородские торговые люди, которые «плавали на судах в Стокгольм и от того получали себе прокормление». О заинтересованности новгородского купечества в торговле со Швецией свидетельствует тот факт, что в его среде уже в начале 1620-х гг. стали распространяться рукописные

построило на Торговой стороне в Новгороде шведский двор, который стал самым крупным иноземным гостиным двором в России XVII в. В 1631 г. шведский торговый двор был открыт в Москве. Однако шведское правительство не спешило выполнять свои обязательства в отношении русских купцов, поэтому приезжавшие в Стокгольм русские торговые люди вынуждены были нанимать дома и склады. В этой связи в 1635 г. Михаил Фёдорович писал королеве Кристине: *«Торговым вашим людям в нашем царствующем граде Москве для приезду отведен двор и с полатою в каменном же в большом городе, а в Новгороде двор им доброй дан же, а нашего царского величества торговым людям на приезд двор и в Стекольные еще по сю пору не отведен»*. Только

❖ *Русский двор в начале XVIII в. Современная гравюра*

копии Столбовского договора, определявшего общие условия русской балтийской торговли. Новгородцы посещали Ревель, Нарву, Выборг, Ниеншанц, но главным торговым партнёром Новгорода был Стокгольм (Стекольно).

Считается, что первым из новгородцев летом 1622 г. в шведской столице побывал Макар Загорский. Его примеру последовали Богдан Шорин и Андрей Харламов, специализировавшиеся на вывозе в Швецию пеньки и персидского шёлка-сырца. В середине столетия в шведские владения выезжают Пётр Микляев, Константин Харламов, Максим Воскобойников, Семён Стоянов; во второй половине XVII в. со шведами активно торгуют Гавриловы, Шпилькины, Кошкины. Многие из них были гостями, то есть входили в состав элиты русского купечества.

В соответствии с условиями Столбовского договора в 1627 г. русское правительство предоставило шведам земельный участок и своими силами на свои средства

в 1637 г. в Стокгольме был построен Русский торговый двор, и русские купцы получили в шведской столице постоянное помещение для проживания и склады для хранения товаров. Этот двор стал первой торговой факторией Московского государства на Западе.

Первый Русский торговый двор, который шведы называли «Русские весы», был расположен в северном предместье Стокгольма Норрмальм около Шеппсбру. Он состоял из двух десятков дощатых лавок и амбаров. Двор был построен городскими властями, которые взимали с русских купцов довольно высокую арендную плату — далер в неделю за лавку. Уже в первый год доход городской казны от этого составил 174 далера.

Одновременно начались работы по строительству нового Русского двора в южном предместье города Сёдермальм. Место для двора было выбрано довольно удобное, на берегу пролива, так что суда могли швартоваться в непосредственной близости от двора и товары можно было перегружать с судов прямо в амбары. Новый двор,

строительство которого обошлось городским властям в 2000 далеров, начал функционировать в 1641 г. На его территории, обнесённой высоким забором, было три десятка бревенчатых и дощатых лавок, важня, трапезная, сортировочная, баня, причал. Поскольку русские купцы могли вести только оптовую торговлю и только на территории двора, лавки были одновременно и складами. Их аренда стоила 4 далера в месяц летом и 2 далера зимой.

Новгородцы приезжали в шведскую столицу чаще всего летом через Тёсово или по Мшаге, затем по Луге до Нарвы и уже оттуда в Стокгольм, где находились, как правило, до поздней осени. В это время Русский двор становился не только центром торговли, но и настоящим русским поселением в шведской столице.

Новгородские торговые люди везли в Швецию пушнину, мясо, сало, хлеб, рыбу, хмель, сермягу, лён, пеньку, смолу, селитру, воск, поташ, кожи. Из шведских владений они вывозили металлы и металлоизделия, посуду, пряности, вина, краски, сукно. Их экономическая активность приносила пользу не только своему государству, но и шведской казне. Только в 1645 г. они заплатили 10 000 далеров таможенных пошлин.

Источники фиксируют имена новгородцев, регулярно совершающих торговые поездки в Швецию. К 1648 г. их насчитывалось 15 человек, в 1663 г. — 24, в 1666 г. — 15. Всего с 1639 по 1699 год более 70 новгородцев лично или через приказчиков вели торговлю в Стокгольме. Они старались завести связи в шведском обществе и в какой-то мере могли говорить («толмачить») на шведском языке. Некоторые из них при заключении торговых сделок не только обходились без помощи шведских переводчиков, но и оказывали помощь в этом своим соотечественникам, что позволяло им не прибегать к услугам работавших на гостинном дворе официальных толмачей. Это приносило весьма ощутимую экономию, поскольку плата за услуги толмача составляла до 3% от стоимости сделки.

Одним из таких новгородцев был Максим Воскобойников, который имел широкие связи в среде шведских купцов, знал местные условия и шведский язык так, что мог без переводчика вести торговые сношения со шведскими купцами: *«Ездит он для своего промыслу в Стекольну по всея годы и языку по-свейски умеет и многие ему торговые люди свеяне знакомы»*.

Примером активного усвоения шведского языка является русско-шведский словарь-разговорник, составленный в конце столетия новгородскими купцами Кошкиными, торговавшими в Стокгольме кожами, льном, мехами. Лексика разговорника не только позволяет составить общее представление об основных сферах повседневного общения новгородских купцов в Швеции, но и фиксирует обыденную разговорную речь новгородцев. Начинается разговорник с финских числительных, затем следуют названия времён года и суток (*лето, зима, весна, осень, год, день, ночь*), явлений природы (*дождь, снег, тепло*), отдельные глаголы (*я сплю, я гуляю, я скачу, я пляшу, я кричу, я нишкнү, я шучу*) и целые разговорные фразы (*я целую красную девку в губы, девица, дай мне рубаху, хочешь ли ты париться?, куды бежишь?, Бог дай тебе счастье в твоей торговле... счастье с твоей женой, как я тебя в щечку тресну*). Кроме бытовой лексики и лексики, связанной с покупкой товаров и заключением торговых сделок, в нём встречаются такие слова, как

смерть, грех, дьявол, геенский огонь, ад. Очевидно, новгородским купцам в Стокгольме приходилось вести не только торговые переговоры, но и религиозные дискуссии. По возвращении в Новгород они сообщали властям экономическую и политическую информацию, а с знакомыми и домочадцами делились своим впечатлениями о пребывании в шведской столице.

Ценный источник по истории русской торговли в Швеции представляют записные книжки торгового человека Никиты Кошкина, в которых содержатся описания поездок в Стокгольм и торговых сделок со шведскими купцами. Характерно, что в них он отмечает даты, как от сотворения мира, так и на западноевропейский манер. Поэтому петровскому указу о новом летоисчислении он подчинился без затруднений. Торговые поездки новгородцев в Швецию делали их более восприимчивыми к европейской культуре, способствовали культурному сближению двух народов.

Важным событием в жизни Русского двора стала русско-шведская война 1656—1658 гг. Война началась в мае, до начала массового приезда русских купцов в Стокгольм. Среди тех, кто остался здесь с прошлого торгового сезона, были новгородцы Василий Кисельников, Семён Соколов, Иван Никитин, Евтихей Пастухов. Вместе с другими русскими купцами они были арестованы и посажены в тюрьму, а их товары и деньги были конфискованы в пользу магистрата. Пленных русских использовали на земляных работах: *«...сковав, на работы выводили, приковав к телешкам, земляную работу работать заставляли»*. *«От тое великой нужды и голуду»* в шведской тюрьме скончались Евтихей Пастухов и Василий Кисельников. Оставшаяся в Швеции деловая переписка Кисельникова хранится ныне в библиотеке Упсальского университета.

После заключения Валиесарского перемирия в 1659 г. поездки новгородцев в Стокгольм возобновились, но восстановление торговли было непростым процессом. В 1663 г. новгородский купец Тихон Якимов жаловался на то, что *«свитцкие торговые люди на том русском гостинном дворе сажат за своими товары своих сидельцов... а нам государевым русским людем на том русском гостине дворе отводят лавки в самом плохом месте, назади, где лошадей ставят»*. Он жаловался и на обязательное посредничество толмачей в торговле, которое он считал дополнительной тяготой. На навязываемое шведскими властями посредничество толмачей в торговле новгородцы жаловались и в 1672 г.

Новгородцы были недовольны также строгими предписаниями и правилами торговли, регулируемыми порядком продажи (только на территории двора и только оптовая: купцов с купцами, только жителями Стокгольма), а главное высокой арендной платой (*«полуполтина с анбара на неделю»*). Они хотели *«анбарщину платит по тому ж, по чему свейские торговые люди платят в Великом Новгороде — по два алтына за неделю»*. Шведские власти оправдывали высокую арендную плату тем, что *«гостин двор построен королевского величества казною, для того де в Стеколне и пошлина положена такова»*.

Столбовский договор гарантировал русским торговым людям право проводить богослужение по своей вере на территории двора, но запрещал устройство постоянных церквей: *«По своей вере пение и веры своей строенье вольно им по тем же дворам в своих хоромах»*

имети... а церквей по своей воле не ставити». Поэтому службы по воскресным и праздничным дням проходили в одном из амбаров. Священниками Русского двора, ездившими на летний сезон в Стокгольм, ведала Новгородская епархия. Среди них были священник церкви Жён-мироносиц Василий Андреев и Пётр Сафонов. Первое упоминание о богослужении относится к июлю 1646 г. Перерыв в богослужениях наступил в 1655 г. и продолжался до 1670 г. В 1672 г. церковь получила специальное помещение в Верхнем дворе. В 1694 г. она переехала в южный флигель Большого двора, где оставалась до 1748 г., когда её помещение было передано муниципалитету.

➤ В.К. Шебуев. Подвиг купца Иголкина. 1830-е гг.

Русский двор в Стокгольме обеспечивал нормальные условия для проживания и успешной торговой деятельности русских торговых людей в шведской столице. Однако они были недовольны тем, что двор был расположен не в центре, «на низком и недобром месте вне города», и были готовы построить новый двор на свои средства в удобном для них месте. В этом им было отказано: «русской гостин двор в Стеколне построен, и другово гостина русково двора строити не для чего». Тем не менее, со временем старый двор перестал соответствовать возросшему товарообороту, и в 1664—1674 гг. рядом с ним был построен новый каменный (Верхний или Малый) двор. Русский двор сильно пострадал во время пожаров 1680 и 1694 гг. По решению магистрата при возобновлении Нижнего двора деревянные лавки были заменены каменными или полукирпичными. Теперь двор стал безопасным, но вскоре началась Северная война, надолго прервавшая его функционирование.

В октябре 1700 г. обитатели двора, не успевшие покинуть его, были арестованы и много лет находились в шведском плену, их имущество было конфисковано, двор поступил в пользование обывателей и иностранных купцов.

С Северной войной связано предание о героическом поступке новгородского купца Иголкина. Оказавшись в Швеции по торговым делам, этот купец в начале Северной войны был вместе с другими русскими заключён в крепость. Новгородец понимал шведский язык и однажды услышал от стоявших на карауле солдат бранные слова о царе Петре I. Иголкин пытался увещевать их, просил, чтобы они прекратили оскорблять помазанника Божьего, но те продолжали свой дерзкий

разговор, называя Петра жалким трусом. Купец обратился к начальнику караула и попросил его унять часовых, но тот лишь рассмеялся. Тогда Иголкин выхватил у одного из солдат ружьё и заколол штыком обоих. На допросе Иголкин заявил, что он не злодей, поскольку вступился за честь своего государя и тем самым исполнил свой долг. Когда об этом узнал Карл XII, он воскликнул: «В столь грубом народе столь великий человек!» Тронутый поступком Иголкина, он приказал освободить его и отправить домой, препроводив с ним к Петру письмо, в котором поздравлял царя с таким подданным, каких у него самого нет или очень мало. Пётр наградил купца золотым кафтаном и устроил в его честь званый пир.

Подвиг новгородского купца был запечатлен в картинах В.К. Шебуева и В.А. Табурина, а также народной драме Н.А. Полевого «Иголкин, купец новгородский».

Трудно сказать, что в этой истории достоверно, а что следует отнести к жанру патриотической легенды. Вполне вероятно, что в основу предания лёг какой-то реальный эпизод времён Северной войны. Фамилия купцов Иголкиных известна в Новгороде, в источниках XVII века упоминаются пятиконецкий староста Елисей Иголкин и его сын Иван. Однако нет никаких данных о том, что кто-то из них совершал торговые поездки в Швецию.

По Ништадскому мирному договору 1721 г. Русский торговый двор вернули прежним владельцам. В 1874 г. Россия и Швеция приняли решение передать друг другу гостинный двор в Стокгольме и шведское подворье в Москве и подписали декларацию о взаимной переуступке городских земель.

Шведский торговый двор в Новгороде с началом Северной войны был закрыт навсегда, поскольку Новгород перестал быть центром Балтийской торговли (его роль перешла к Петербургу), торговля с иностранными купцами здесь прекратилась, и отпала потребность в существовании гостинного двора для иноземных купцов.

Благодаря участию новгородского купечества в балтийской торговле, прежде всего, в Стокгольме, в XVII в. Новгород сохранял значение центра международной торговли. Торговля со Швецией была стабильной и способствовала вовлечению Русского государства в систему европейских экономических, политических и культурных связей.

ЛИТЕРАТУРА

Русско-шведские экономические отношения в XVII в. М.—Л., 1960; Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. М.—Стокгольм, 1978; Давидссон К.К. Новгородские документы. Из русских рукописей XVII в., хранящихся в университетской библиотеке г. Упсалы (Швеция) // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982; Румянцев П.П. Из прошлого Русской Православной церкви в Стокгольме. Берлин, 1910; Бахрушин С.В. Торги новгородцев Кошкиных // Избранные труды. Т. II. М., 1954; Шаскольский И.П. О деятельности шведского гостинного двора в Новгороде в XVII в. // НИС. 2 (12). Л., 1984; Шаскольский И.П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. СПб., 1994; Варенцов В.А. Торговля и таможенное управление Новгорода в XVI—XVII вв. Новгород, 1996; Коваленко Г.М. Новгородские переводчики XVII в. // НИС. 7 (17). СПб., 1999; Arne T. J. Rysstolkarna och Ryssgården // Det Stora Svitjod. Stockholm, 1917; Nerman T. Svensk och russ. Ett umgänge i krig och handel. Stockholm, 1946.

КОЛЬ Иоганн Георг (1808—1878) — немецкий путешественник и географ, учился в университетах Гёттингена, Гейдельберга и Мюнхена. В 1836—1838 гг. он совершил путешествия по Курляндии и Эстляндии и России, которые подробно описал в сочинениях «Немецкие и русские балтийские провинции», «Петербург в рисунках и набросках», «Путешествия в глубь России и Польши». Их успех способствовал, тому, что Коль решил посвятить свою жизнь литературе путешествий. За 30 лет он объездил почти всю Европу и четыре года жил в Соединённых Штатах Америки, где опубликовал «Историю Восточного побережья Северной Америки, в особенности побережья штата Мэн». В 1858 году он вернулся в Германию и поселился в Бремене, где работал хранителем городской библиотеки.

Иоганн Коль

Великий Новгород

Новгород по-немецки называется «Нейштадт». Однако город получил это имя уже тысячу лет назад и, кроме того, вероятно, является одним из древнейших ныне существующих новых городов. Этот город, в отличие от Нижнего Новгорода на Волге, называют Великим. Название Новый город указывает на то, что Новгород был не первым городом в этой местности, но здесь — что делает его ещё более интересным в наших глазах — раньше был Старый город. Вся история этого Старого города, так же, как и детство Нового города, скрыты во тьме веков, которую учёные до сих пор не смогли полностью рассеять. Достоверно известно лишь, что норманнские варяги, которым приписывают основание русского государства, поселились здесь при Рюрике в середине IX века и отсюда распространили своё владычество над большей частью русского царства. История этой нормано-русской колонии, из которой мы здесь освещаем только важнейшие моменты, без сомнения является одной из интереснейших страниц в истории России.

В 880 году новгородский князь Олег переносит свою столицу в Киев, и с тех пор город управляется наместником, часто братом, кузеном или дядей правящего в Киеве Великого Князя. Около 1000 года город начал процветать, особенно в правление Великого князя Ярослава, который сам некоторое время властвовал в Новгороде и чей замок, называемый «Ярославов двор», простоял ещё несколько столетий и стал Ратушей и Судебной палатой.

Около 1050 года сын Ярослава построил Софийский собор и кремль¹. В этом и в следующем столетии могущество города значительно возросло. Он

¹ Не только в Москве, но и в каждом достаточно значительном русском городе есть свой кремль, как в каждом греческом был свой Акрополь.

расширил свои владения на севере вплоть до Финского залива и подчинил себе все тамошние финские племена. В это же время всё более смягчалось бремя зависимости от Киева, и Новгород состоял в таких же отношениях с Великим Киевским князем, в каких были и наши свободные имперские города с немецким кайзером. Посланные Киевом правители-князя

❖ *Андре ДЮРАН. Вид на Новгородский кремль*

имели не больше власти в общине, чем в наших городах наши имперские фохты и, наконец, стали зависимыми от городского правительства настолько, что новгородский люд рассматривал их только как военачальников, которых он мог выбрать, снять и выслать из города. Посадники, которые назначались по усмотрению князя, стали аристократией, чья власть превышала могущество князей. Сначала посадники назначались на пожизненный срок, но позднее стали избираться, как римские консулы, раз в год. Под руководством посадников на рыночной площади вблизи Софийского собора проходили беспокойные и часто кровопролитные собрания жителей Новгорода. Такое

народное собрание называлось «вече»². Горожане сходились вместе на звук большого колокола, повешенного у Софийского собора, который назывался «вечевой колокол» («колокол веча»). На стороне посадников был Совет бояр, который избирался из местных аристократов. Посадник же в то время был только один. В качестве контролёра или же оппонента ему противостоял тысяцкий (командующий тысячей), который, подобно римскому народному трибуну, должен был отстаивать права народа от возможных злоупотреблений властью посадников и бояр. «Житыи люди» во главе с избранным из них боярином были патрициями города и вели своё происхождение как из купеческого сословия, так и из аристократии. На второй ступени общества стояли купцы и, наконец, «черной народ».

Когда в XII и XIII веках новгородцы расширили свои владения до Балтийского моря, и на этом море появились их корабли, то они вступили, конечно, в соприкосновение с Висбю, где тогда размещалась

❖ Дом Марфы Посадницы

резиденция балтийских торговцев. Так же, как у немецких городов, у них там была своя фактория и своя церковь, и они позволили взамен устроить немецкое поселение в стенах города. Сначала только Висбю, Рига и Любек были единственными городами, которые имели связи с Новгородом и свои представительства здесь. Позднее из них был создан общий великий Ганзейский союз.

В борьбе против монголов, которые заполонили в XIII веке всю Россию, Новгород также был удачлив. Ни один монгол не вторгся в город и область, но благодаря успешной политике по отношению к Великому хану Золотой Орды город сохранил хорошие отношения с ними и посылал им ежегодно подарки и потому не был ограничен в своей торговле.

Как новгородцы расширили на западе до берегов Балтийского моря, так и на севере и востоке они дошли до Белого моря, где в устье Двины основали Холмогоры (теперь Архангельск), и до Урала, так и на юго-западе добрались до Волги и её притоков, где они построили Вятку и другие города. Они подчинили своему вече все удаленные территории этих земель и,

² Не имеет ли это слово, которое, кажется, звучит совсем не по-русски, родства с немецким «Wittheit» — «остроумие»?

без сомнения, обладали самой большой областью, которой когда-либо — за исключением Рима — обладала какая-либо республика Европы, так что в те времена цветущего счастья города про него была такая гордая посылка: «„Kto proti w Boga i wielikago Novgoroda?“ — «Кто осмелится против Бога и Великого Новгорода?» Войска Новгорода успешно боролись с монголами на Волге, на Нарве — с меченосцами, на Неве — со шведами и на Двине и Печоре — с финнами.

Очень жаль, что мы имеем нечёткое представление о новгородской торговле, об устройстве магазинов и лавок, маршрутах торговых путей, о собраниях купцов и торговых сделках и т. д. и что не существует источников, которые дали бы удовлетворительные сведения по этому поводу. Особенно неясно все писатели выражаются о путях, которыми ганзейские корабли шли в Новгород и о местах разгрузки. Они, говорят, заходили в Неву и дальше шли до Новгорода. Кажется невероятным, что морские корабли доходили по Неве, Ладоге и Волхову, который в одном месте прерывается даже порогами, до самого Новгорода. Где же было место разгрузки этих судов? И какого рода корабли для этой цели использовались? Большая часть товаров, предназначенных для Новгорода, должна была разгружаться в Нарве. Если события даже в этой западной части Новгородской земли скрыты во тьме веков, то можно представить, какой мглой покрыто то, что происходило на севере, востоке и юге.

Торговля в основном должна была быть меновой. Поэтому новгородцы сначала поставляли для обмена мех куниц и других зверей и, в конце концов, только в XV веке стали отливать свои деньги. Фактория ганзейцев здесь, как и везде, была сооружена в виде монастыря.

В XV и XVI веке в сердце России между тем поднялась новая сила, которая стала опасна для свободы и независимости Новгорода, а именно — Великое княжество Московское. Сначала республика привыкла к тому, чтобы принимать отсюда правителей или же княжеских управляющих и им платить ежегодную дань. Затем в конце XV века они вынуждены были подчиниться формально Ивану Васильевичу I, который уже упорно работал над тем, чтобы объединить всю Россию под властью одного скипетра. Он вступил в сражение с республиканцами и выиграл его, несмотря на деятельность, мужество и патриотизм героической посадницы Марфы и её сыновей. Он запретил народные собрания, увёз народный колокол, переселил многие новгородские семьи во внутреннюю Россию, а москвитов, напротив, поселил в Новгороде, но все же оставил городу некоторые права, и в 1508 году он был ещё так привлекателен и населён, что чума, унесшая 20 000 жителей, не причинила особого ущерба.

Волхов — это глубокая река с прекрасной чистой водой, которая вытекает в нескольких верстах выше по течению из озера Ильмень. Окрестности чрезвычайно пустынные, представляют собой совершенно плоскую поверхность без холмов и лесов. Несколько монастырей, которые находятся недалеко от Новгорода, являют единственное украшение среди этого

запустения. Издалека город ещё выглядит достаточно впечатляюще благодаря многим башням и их куполам...

Он расположен на обоих берегах Волхова, на северной стороне — «Софийской части» — и на южной — «Торговой части». Обе части когда-то соединялись деревянным, в разное время уничтожаемым пожарами мостом и теперь построенным Александром величественным каменным мостом. Обе части города застроены так же, как и все новые русские города. От древнего города сохранились в основном незначительные остатки, потому что все постройки были деревянными. Сохранились следующие:

- 1) на Софийской стороне:
 - а) кремль;
 - б) Софийский собор;
 - в) дворец архиепископов.
- 2) на Торговой стороне:
 - а) руины двора Ярослава;
 - б) руины дома посадницы Марфы.

Сейчас кремль окружает достаточно хорошо сохранившаяся высокая стена с несчётным множеством башен. Укрепления сходны с теми, которые можно видеть в кремлях всех русских городов. Стены огораживают большую площадь, на которой раньше собирались шумные вече древних республиканцев.

Говорят, что Софийский собор построен по плану священного собора в Константинополе и к тому же в 1050 году. Он, вместе с Киевской, относится к старейшим церквям России и старше, чем даже сама Москва.

Вся настенная живопись внутри собора написана по позолоченной основе, которая полностью покрывает стены. Иконостас (стена с иконами перед алтарём) богато украшен и выглядит так, как если бы сверху донизу был инкрустирован золотом и серебром. «Царские врата» (средние центральные двери иконостаса) превосходной работы и сделаны из металла. Все в церкви выглядит так узко, мрачно и древне, как если бы сам попал во тьму тех древних серых времен. Напротив царских врат у одной колонны стоит кресло царя, у другой — патриарха. Оба сделаны из металла и покрыты небольшой крышей как две клетки для птиц. Некоторые своды и колонны сверху донизу покрыты сплошной позолотой. Посетителям непостижимо и непонятно, что такому городу, как Новгород, с почти половиной миллиона жителей — так много, говорят, насчитывалось жителей во времена его расцвета — не требуется более вместительного собора, чем Софийский собор, колонны которого такие толстые, что едва ли остаётся много свободного пространства, как в средней по величине деревенской церкви. Я полагаю, что в нём одновременно могут слушать службу не более 300–400 человек. В церкви и до сих пор читают мессу, и, кажется, так и будет ещё продолжаться несколько столетий, так как ещё нигде не видно следов разрушений.

Наибольшую славу и хвалу учёных вызывают церковные врата главного входа. Со времен барона Герберштейна — а он путешествовал по России около 300

лет назад — и до наших дней написано много страниц бумаги об этих вратах, квинтэссенция которых состоит в следующем — в гипотезах о происхождении и о представленных объяснениях ещё не пришли к единому мнению. Многие считают, согласно древней легенде, что они ведут своё происхождение со времён Владимира Великого, который захватил в Крыму город Корсунь (Херсон), этим способствовал выбору христианской религии, выдав за него греческую принцессу Анну Комнин и доставив её в Новгород из того же Херсона. Именно потому врата и зовутся «Корсунскими». Но сами врата свидетельствуют против этого. Они сделаны из дуба, который покрыт толстыми листами из бронзы. Покрытие поделено на несколько пластин, и в каждом поле помещено множество мелких фигур, и в каждом поле помещено множество мелких фигур, также изготовленных из бронзы. Эти фигуры представляют библейские и мифологические сюжеты. Но есть также портреты и лики латинских святых и епископов с латинскими надписями, а это говорит против гипотезы происхождения врат из Греции. Другие

❖ Мост через Волхов

считают, что врата имеют немецкое происхождение, возможно, они являются подарком ганзейцев. Странно, что новгородцы доставили врата для Софийского собора из таких далёких земель.

Как главные врата доставлены, вероятно, из Корсуни, так вторые, должно быть, из Стокгольма и называются «шведские врата». Как утверждают, новгородцы вывезли их во время похода против Швеции. Ещё в церкви показывают захоронения древнейших русских князей и даже уже упоминавшейся выше греческой принцессы Анны³.

Также на территории кремля можно увидеть дворец новгородских архиепископов, которые, естественно, играли в истории республики почти такую же значительную роль, как и управляющие князей, посадники и народные трибуны, что, кажется, как если бы Новгород был не республикой, а резиденцией суверенного княжеского епископа. Кроме того, показывают в том дворце — название звучит по-моему слишком пышно для столь удивительного здания — зал Грановитой палаты, где епископы присягали перед гражданами после

³ Гробницы русских царей поделены между несколькими местами: в Новгороде и Киеве — великокняжеские, в Московском кремле — царские, а в Петербурге — императорские.

своего назначения и раздавали хлеб-соль, подобно царям в Москве, и даже в похожем зале своего дворца, который имел то же название «грановитая палата».

Кроме кремля на «Софийской стороне» находится ещё много церквей, некоторые из которых, возможно, относятся к античности.

Двор Ярослава на Торговой стороне, известное здание городской ратуши и суда, почти не сохранилось, а те руины, которые видишь, настолько незначительны, что им нельзя дать никакого вразумительного описания.

Дом посадницы (жены бургомистра) Марфы, которая для Новгорода была почти тем же, что и Брут для Рима, и Костюшко для Польши, находится неподалеку от почтовой станции и напоминает — по крайней мере по малому размеру — о помещениях древних республиканцев. Он расположен в глубине двора мелкого лавочника, двухэтажный, с четырьмя маленькими сводчатыми комнатами на каждом этаже; оконные и дверные проемы с каменными арочными завершениями. Во всяком случае, дом производит впечатление очень древнего, даже если путешественник и не узнает, с каким напором он приписывается Марфе-посаднице. К сожалению, мужественная и патриотическая республиканка покинула свой дом ещё при жизни, так как победивший царь Иван Васильевич I отправил её в Москву, где она умерла под арестом.

Монастыри, которые окружают Новгород, Юрьевский монастырь (святого Георгия) и монастырь Святого Антония, римлянина, также интересны. Во времена республики монастыри представляли собой значительную политическую силу в государстве и имели в своём владении много земли и рабов. Всё это теперь

от них забрано. И всё-таки они в последнее время вновь обогатились заботами и подарками двух богатых частных лиц, некоей графини Орловой, которая долгое время жила в Юрьевском монастыре и отдала в монастырь огромные суммы денег и драгоценности, и того известного и всемогущего фаворита Александра, графа Аракчеева, который, как говорят, для успокоения души искал дружбы духовных лиц и святых.

Ещё одно выдающееся событие мы увидели благодаря счастливому случаю незадолго до нашего отъезда, а именно: кающегося русского факира с цепями. Этот тип покаяния, который ещё здесь и там встречается, является пережитком былых времён. Странствующие нищие, которые ходят от монастыря к монастырю и кормятся подаянием. Обычно эти люди не совсем в уме и бредят, что повышает их авторитет в народе. Они подвергают себя различным лишениям и наказаниям, никогда не спят иначе как на голой земле, используют камни и куски дерева вместо подушки и обматывают своё тело для того, чтобы не было слишком удобно спать, цепью по голому телу, из-за чего мы, собственно, и могли назвать их «факирами с цепями». Русские же называют их по-другому. Мы убедили нашего нищего показать цепи под рубахой. Это была действительно крепкая, прочная цепь, из тех, которыми в России привязывают коней. У него она была один раз обернута вокруг горла, раз вокруг торса и накрест закручена по спине и груди. Она туго обёрнута и глубоко вросла в тело. Он говорил нам много фантастических вещей о прекрасном сыне царя, наследнике Александре, который был в городе за день до этого. Создавалось впечатление, как будто он говорит о чудесном ангеле, который явился ему во сне.

Текст печатается по изданию:

Kobl. J. G. Reisen im Inneren von Rußland und Polen. Dresden, 1841. S. 20–35.

Перевод с немецкого Т.В. ВАСИЛЬЕВОЙ.

Подготовил к печати Г.М. КОВАЛЕНКО.

РЫБЫ И ПТИЦЫ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

По материалам Новгородского оккупационного архива

30 000 страниц документов Новгородского оккупационного архива дают разностороннюю и подробную картину жизни новгородцев в годы шведской оккупации. Они, в частности, свидетельствуют о том, какую важную роль в рационе питания новгородцев играли рыба и птица.

Рыба и рыболовство. Новгород расположен на реке Волхов вблизи большого озера Ильмень. Кроме того, в ближайшей округе много мелких рек и ручьёв. Поэтому рыба традиционно имела большое значение для экономики региона. Об этом свидетельствуют и документы Оккупационного архива. Сведения о рыбной ловле и видах рыбы есть в таможенных, кормовых, расходных, дзорных, отдельных, писцовых и мельничных книгах, челобитных, памятях и отписках.

В XVII в., когда всё общество жило по церковным канонам, почти 200 дней в году были постными, т. е. в эти дни мясо было запрещенной пищей. Рыбу, как правило, не запрещали. Её варили и жарили, из неё делали суп, её запекали в тесте. Для длительного хранения её солили, вялили и коптили. Зимой её можно было заморозить, залив водой или засыпав снегом.

В «Домострое» упоминается множество рыбных блюд, подходящих для подачи в постные дни в зажиточном доме: «...к столу еду подают: сельдь на пару, щуку на пару, леща на пару, сушёную рыбу — лососину, белорыбицу, осетрину, стерляжьи спинки, вязигу белужью, спинку белорыбицу на пару, уху щучью с шафраном, запечённых окуней, уху из пескарей, из лещей, из карасей».

Другие свидетельства о русских традициях в еде мы находим в записках иностранных дипломатов. Иностранцы зачастую критически относились к русской кухне, но уху и икру они, как правило, хвалили. Адам Олеарий, побывавший в России в 1630-х гг., рассказывает, что солёная рыба была одним из самых распространённых продуктов питания. Он жалуется, что

запах с рыбных площадей чувствуется на большом расстоянии вокруг. Олеарий пишет, что русские из-за большого количества постных дней привыкли к грубой и плохой еде, но замечает при этом, что по этой причине они изобрели множество различных блюд из рыбы, муки и овощей.

Среди документов Оккупационного архива есть таможенные книги, в которых перечислены прошедшие через таможенную товары. Среди продуктов питания очень часто упоминается рыба, свежая или «вялая». Самыми распространёнными видами рыбы были сиг и «лудога» (ладожский сиг), «рипуски» (ряпушка), сельдь. Упоминаются также щуки и лещи, лосось, угри. Так, например, 28 ноября 1610 г. «явил новгородец Савка Иванов сын с Никитины улицы на трёх возех тысяча семьсот лудоги вялой пашонки, сто щук свежих пятьдесят лещов десять лососей». Довольно часто в грузе присутствует икра: «...того ж дня явил новгородец Степан Сидоров сын Хамталин двадцать бочек сегов полторы бочки икры». Примечательно, что судак, который сегодня довольно распространён на Новгородчине, вообще не упоминается в до-

✂ Ловля рыбы. Миниатюра Евангелия первой пол. XVI в.

кументах этого типа.

Количество рыбы измеряли штуками, бочками или возами. Реже использовалась такая единица, как «ласт». Согласно словарю русского языка XI—XVII вв., это слово означает 12 бочек или садков (с вопросительным знаком о количестве). Даль и Фасмер объясняют его как «меру корабельного груза в 120 пудов».

Иногда указывали место лова: «двенадцать бочек сегов волховских привёз снизу реки Волхов», «семнадцать бочек лудоги птиновской», «четыреста двадцать

сигов свежих и просолённых привёз со Мсты», «тысяча лудоги вороненой да две тысячи лудоги пашонки». Птинов — это полуостров в Ладоге около устья Волхова, а Мста впадает в Ильмень. В последней цитате рыба поймана в реках Воронега и Паша, вытекающих из Ладоги рядом с устьем Волхова. Озеро Ильмень не упоминается в таможенных книгах. Значит, рыба, проходившая через таможню, привозилась с севера. Таким образом, новгородцы питались преимущественно пресноводной рыбой, исключение составляла балтийская сельдь.

Продукты питания для военных нужд реквизировались у местного населения, нищавшего из года в год. Записи в кормовых книгах свидетельствуют о том, что распространённой едой для солдат была солёная или вяленая рыба.

Рыба занимала важное место также в рационе знати. 30 декабря 1613 г. подьячий Фёдор Харламов получил память, где было сказано, что ему следует отправиться во все рыбные места вокруг озера Ильмень, чтобы реквизировать «щук и судаков и лещей и всякой рыбы рублей на 30 или 40... про боярской обиход», то есть для личных нужд Деллагарди и высокопоставленных шведских военных.

Свиток № 71 содержит сведения о доставке рыбы для хозяйства шведского секретаря Монса Мортенссона Пальма: «...да у Фёдора Кулеха взяли двадцать сеилов и сыртей (рыба семейства карповых — Э.Л.)».

Шведские оккупационные власти использовали традиционные формы контроля над населением, аналогов которым не было в Швеции. Одним из способов гарантировать регулярную поставку свежей рыбы в боярские хозяйства было получение поручных записей с рыбаков. «Се яз Нечай Григорьев сын Большаков живу в Славне своим двором да яз Лука Онанын сын живу в Славне своим двором. Оба мы свежие рыбники поручились есмь Ивану Григорьевичу Баранову по рыбных ловцах по посадских людей по Грише Ивановне сыне Кривошеине да по Оксентее Фофанове сыне да по Сидоре Микитине сыне в том, что им ловити за нашу порукою неводом свежую рыбу в Поозерье на мориных про обиход боярина большого ратного воеводу Якова Пунтосовича Делегарда и про немецких ратных людей беспрестанно и привозить в Великий Новгород и с ловли им из Новгорода не сбежати». Если рыбаки пытались уклониться от своих обязанностей или бежали из Новгорода, поручители платили компенсацию властям.

Записи о ловле рыбы на территории города мы находим, в первую очередь, в четырёх мельничных книгах. Мельница находилась на Волхове, к югу от моста, соединявшего Софийскую и Торговую стороны. В книгах представлен отчёт о доходах и расходах в 1611—1612 гг. Доходы включали сборы за помол зерна, а также аренду мест для рыбной ловли у мельничной плотины. Среди статей расходов находим починку

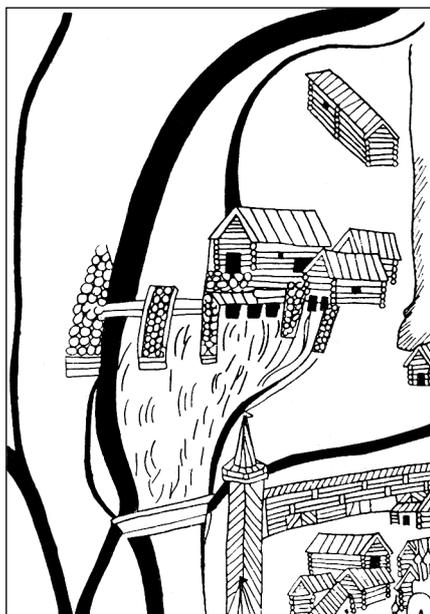
лодок и сетей, которые были собственностью мельницы, т. е. государственной.

Свиток № 186 содержит челобитную Якову Деллагарди и Ивану Никитичу Большому Одоевскому от управляющих мельницей Омелянко Иванова и Ефимко Омелянова, отца и сына. Они «живут и работают на мельнице денно и ночью». За 1611 г. они получили лишь часть своей зарплаты (её выплачивали зерном и деньгами), а за 1612 г. они вообще не получили платы. Поэтому теперь они просят о разрешении беспоплино рыбачить у мельничной плотины. Бояре потребовали отчёт о более ранних доходах с аренды. С 1604 по 1609 гг. место для рыбной ловли у мельничных ворот было арендовано кучером Кондрашко Сидоровым, который заплатил за это пошлину в 30 рублей за год. Челобитная управляющих мельницей была удовлетворена. Затем следует ещё одна челобитная, где они указывают, что им необходимо получить деньги, чтобы выкупить лодку и сеть у ранее рыбачивших у плотины людей. Эту просьбу выполнили: «...122 (1613) года сентября в 27 день бояре и воеводы Яков Пунтосович Делегард да князь Иван Никитич Большой Одоевский челобиття мельничных мастеров Омеляна да Ефима и выписки из приходных книг и из сметного списка слушали и приговорили на мельничном запоре рыбную ловлю и от мельницы по реке по Волхову до большого моста и да Жилотка на нынешнем на 122 (1613) год за денежное за годовое жалование да за хлебное за половину, а те сети и всякие лодецкие запасы, которыми преже сего ловили отдати им в цену оцена Омеляну да Ефиму, а по цене в казну деньги взять».

Шведские оккупанты превратили Новгород в закрытый город, и жители города были вынуждены письменно просить разрешения на выезд за городские ворота. Так, например, монах Филарет, «старец Филаретиче рыбной ловец» из Арсеньевского монастыря, просит всё лето, «пока не ударит мороз», разрешить выезжать и въезжать в ворота, чтобы рыбачить в водах, расположенных рядом с Антониевым монастырем: «...вельможный государь король и великий князь Густав Адольф Карлусович пожалуй меня вели государь пропустить меня на отнюновскую на монастырскую тоню рыба ловити у Борисоглебской заставе».

Рыба была распространённым приработком как для крестьян, так и для горожан. Другие ловили рыбу в первую очередь для собственного пропитания. В обоих случаях государство требовало получения части выручки. Налог выплачивался в денежной форме, в форме определённой части улова или выполнения определённых работ.

В книгах № 77 и № 84 мы находим отчёт о так называемой «рыбной побережной пошлине», выплачиваемой рыбаками, ведущими ловлю в Ильмене. Городские целовальники Федот Мыльник, Иван Гаврилов сын Гудок

✂ Водяная мельница. Фрагмент плана Тихвинского посада, 1678 г. Прорисовка

и Тимофей Игнатьев сын, прозвище Тетерки, собрали «8 денег» с указанных в книгах рыбаков, из которых одни живут в деревнях вокруг озера, а другие — на различных улицах Новгорода. Рыбаки приведены группами по восемь человек, что, таким образом, составляло рабочую команду.

В значении «рыбак» здесь выступает слово «вежник». В Словаре русского языка XI—XVII вв. этого слова нет, но есть то, от которого оно образовалось, — «вежа», объясняемое как «рыбное угодье с постройками, тоня». «Тоня» значит вода, где ведётся ловля рыбы.

В самой памяти целовальникам используется более общепотребительное понятие «рыбный ловец». Производное «рыбник» часто встречающееся в архиве, обозначает торговца рыбой. Торговец свежей рыбой — «свежей рыбник» — обозначение профессии, где прилагательное определяет только корень производного слова «рыбник».

В свитке № 358 представлен отчёт о сборах со Старой Руссы и уезда. Здесь также указаны налоги, взятые с людей, ловивших рыбу в озёрах и водном пространстве за пределами арендованных мест для ловли в 1607/08 г.: «*Никольского Косина монастыря служка Дмитрейко Левонтьев ловит рыбу по реке по Ловати и по Полисти в челне сетью не по оброчным местам оброку пять алтын да пошлин полторы деньги*», «*Рамышевского погоста деревни Рудного волока Лаишук Фофанов да Петровского погоста деревни Колотушина Иванко Тимофеев ловят рыбу в лотке по Ловати и по Полисти и по Редье и по глухим речкам и по болотам и по вешне воде сетями оброку и пошлин четыре алтына две деньги*».

В свитке № 362 мы находим челобитную от крестьян Чертицкого погоста, в которой они жалуются на то, что с них требуют тройную пошлину за ловлю в Ильмене и угрожают перестать работать. Они выплачивают налог Старой Руссе, помимо налога в денежной форме они выполняют различные работы: строят новые солеварни, чинят старые сооружения, обшивают тёсом берега озера, из которого добывается соль, доставляют дрова для солеварен и чинят амбары. А теперь пришло новое требование из Новгорода о каждой двадцатой пойманной рыбе. Крестьяне жалуются на то, что управляющие не делают различий между рыбаками Старорусского и Новгородского уездов. С последних не требуют подённой работы. Ответ местных властей заключался в том, что больше ни один налог не будет введён, пока о решении не сообщат соответствующим указом.

Разумеется, случалось, что население пыталось избежать государственного контроля и налогов. Свиток № 253 содержит память, которая предписывала Ондрию Неелову в апреле 1615 г. отправиться вниз по течению Волхова, чтобы выяснить, ведётся ли незаконная ловля в рыбных водах Николо-Бельского монастыря. Необходимо записать имена всех, кто там рыбачит сейчас или рыбачил ранее. С них должен взиматься налог, который отправлялся в Дворцовый приказ в Новгороде. Память предусматривает и тот случай, что и сам Неелов может быть нечестен — чётко указано, что наместники Эверт Горн и Иван Одоевский велят колесовать его, если он попытается что-то скрыть или взять взятку: «*...да будет Ондрий начнет сыскивать неправду по посулам и которых на те рыбных ловлях ловцов захав списать*

по посулам и учет укрывать и в список писать не всех а после про то сыщется Ондрию за такое воровство от бояр и воевод от Иверт Карлусовича Горна к Канкасу да от князя Ивана Никитича Большого Одоевского быти кажнени».

В отличие от остальных групп населения, служилое дворянство имело право пользоваться рыбными угодьями, не выплачивая за это налога. Это следует из отдельных книг. Большую часть Новгородской земли составляли поместья для служилых людей, т. е. собственность, которой наделялось дворянство за государственную службу, гражданскую или военную. Когда срок службы заканчивался, собственность вновь переходила к государству. Каждый дворянин должен был сам найти освободившуюся земельную собственность, чтобы получить тот надел, который давался ему в 15-летнем возрасте, когда он призывался на службу. После надлежащего обращения (заявления дворянина, расследования местных властей и их решения) на место отправлялся подьячий, чтобы в присутствии свидетелей произвести официальное деление пахотных земель и лугов для сенокоса, лесов и рыбных вод, деревень и крестьянских дворов, в том числе и с безземельными крестьянами. Так, Христофор Канарской в марте 1615 г. был наделён в Никольском Ижорском погосте санными покосами и рыбными ловлями, и лесом, и всякими угодьями.

Птицы в документах архива. В архиве упоминаются только домашние птицы, да и то лишь куры и лебеди. Гуси и утки не встречаются. Мы находим данные в кормовых расходных книгах, в книгах раздачи кормов и расходных книгах, в приходных и расходных книгах канцелярии, а во второй серии — в челобитных и памятях.

Многие кормовые расходные книги показывают, что куры реквизировались как для нужд шведских войск, так и для трапезы господ. В книге № 128 представлен список продуктов, изъятых в августе 1615 г. во многих погостах Водской пятины для Якоба Делгарди и его свиты во время их пребывания в пути: «*...взято про его боярский обиход с погостов в кормы, с Судецкого погоста взято 3 чети без полуосьмины овса 3 куров, с Зарецкого погоста взято 150 хлебов, 4 чети овса, 6 куров с Китинского погоста взято 7 хлебов, четь с соминою овса, 2 куров*».

Кроме кормовых расходных книг, куры упоминаются лишь в единичных случаях. В свитке № 31 сказано, помимо прочего, о краже кур, совершённой тремя шведскими солдатами и шведской женщиной майской ночью 1615 г. Эти шведы жили на дворе Жданко Курбатова на Козьмодемьянской улице в Новгороде. Жданко не работает, а, как правило, проводит время в кабаках. Он покупает украденных кур. Всё это рассказано служанкой, которая очень хочет, чтобы подозрения пали на Жданко за более серьёзное преступление — кражу двух евангелий и иконы, которые она нашла под яблоней рядом с его домом.

Ещё одну наглядную картину жизни в городе мы видим в свитке № 300. В декабре 1613 г. служилый человек и подьячий прибыли для описи и конфискации имущества на дворе беглого Ивана Баранова. Конфискация движимого имущества и опечатывание жилища были распространёнными репрессивными мерами,

когда кто-то «изменял великому князю Карлу Филиппу», т. е. покидал Новгород и территорию, находившуюся под шведским контролем. Для описи на дворе не осталось никакой собственности. Однако жена Ивана Баранова рассказала, что в доме была рожь, овёс и зерно, 12 кур и два одеяла, накидка, бочка огурцов и бочка яблочного кваса, но тётка Ивана Варвара присвоила всё это имущество себе, что категорически отрицалось последней.

Если куры довольно часто встречаются в документах архива, то лебеди упоминаются значительно реже. В средние века и последующие столетия лебеди пользовались большим почётом, в Англии их называли «королевскими птицами». На праздниках и пирах знати их подавали к столу. Выносившиеся на обозрение как роскошное блюдо, эти птицы пробуждали уважение и зависть. Было строго оговорено, кто имел право охотиться на лебедей и кто мог держать их. В Швеции с 1621 г. за убийство лебедя грозила смертная казнь.

Трудно определить, какой из двух видов лебедей — шипун или кликун — чаще оказывался на обеденном столе. В русских поместьях держали лебедей-кликун за их звучные голоса. Лебедь-шипун тихий, но зато он больше и роскошнее, поэтому ему отдавалось предпочтение в геральдике.

Дикие лебеди ловились и держались на лебединых дворах. Лебединый двор в Новгороде располагался к югу от детинца. Плотина существует до сих пор, но теперь она густо заросла ивами. Лебедчик охранял дорогостоящих птиц. В Новгороде этим многие годы занимался Тренька Васильев сын Якольцов. В качестве лебедчика он упоминался ещё в 1601 г., когда его назвали поручником в одном документе Тайного приказа.

Расходная книга № 98 за 1612—1613 гг. свидетельствует о том, что количество обитателей лебединого двора не превышало 17 птиц. Часть птиц исчезала, ловили новых. Так, 12 октября Тренька поймал трёх лебедей в деревне Голино у Ильмена, ловили лебедей также в Заонежье. Часто птицы на лебедином дворе умирали. 26 мая один лебедь улетел, так как шведские солдаты при оборонительных работах случайно сделали дыру в плотине. В течение шести месяцев три лебеда были изъятые для хозяйства Якоба Делгарди.

В книге № 45 говорится о выделении овса из казённого зернохранилища Треньке Якольцову. 12 числа каждого месяца он получает определённое количество овса для кормления тех 10 птиц, которые тогда находились на лебедином дворе. 22 марта 1612 г. один лебедь был послан в хозяйство Якоба Делгарди, и последующая доставка овса — 12 апреля — предназначена для 9 лебедей. Из неё, к тому же, вычтен овёс, который «изъятый» лебедь съел бы между 22 марта и 12 апреля, если бы был жив: «...апреля в 12 день велено дати лебедчику Треньке Якольцову на десять лебедей апреля со 12 числа мая на месяц три чети с осминою и с четвериком овса,

а прочей, одиннадцатой лебеди, что взята на Яковлев обиход Пунтосовича марта в 22 день, а что у той лебеди осталось четверик овса и то зачтено вперед годово у лебедчика на те ж десять лебедей».

Кажется, что экономическая жизнь региона была под строгим контролем властей. Подобные скрупулёзные отчёты необязательно отражали действительность. Однако они показывали, что в Новгороде владели искусством обращаться с цифрами так, чтобы в книгах они выглядели верными. Среди свитков архива много документов, подтверждающих, что при составлении расходных документов нечестность была довольно распространённым явлением.

Годовое жалование Треньки составляло один рубль, а остальная его часть выплачивалась в натуральной форме, например зерном и дровами. Он мог увеличить свой доход, работая извозчиком. Ежегодно ему выдавалось 12 четвертей ржи и столько же овса. Он был обязан каждый год ловить 11 новых лебедей для лебединого двора. Если он не выполнял этого, то его жалование в форме зерна пропорционально уменьшалось. Перед охотой Тренька должен был получить разрешение. Известно, что в сентябре 1614 г. ему была разрешена охота на лебедей на определённой территории.

Жизнь Треньки была нелёгкой, и в сентябре 1614 г. ему дополнительно было выдано зерно «по причине бедности». В последний раз он упоминается 12 марта 1615 г., после чего записи о нём в архиве отсутствуют. 12 апреля 1615 г. корм для лебедей получила его жена Мария. Но уже 12 мая её сменил новый лебедчик, Собинка Аристов.

Нам неизвестно, что произошло с Тренькой. Возможно, он умер от голода или болезней, как и многие другие новгородцы, той тяжелой зимой 1615 г. Сменивший его Собинка был безземельным крестьянином Аркажского монастыря недалеко от Новгорода, и лебедчиком он был назначен против собственной воли. В сентябре 1616 г. монах Иона просил освободить его от этой должности. От городских властей поступило требование о том, чтобы Собинка платил налоги, но Иона подчеркнул, что он до сих пор платил монастырю. Челобитная была удовлетворена, и не последнюю роль в этом сыграл тот факт, что все лебеди были мертвы. Обстановка на небольшом лебедином дворе отражает катастрофическую ситуацию в городе, особенно на Софийской стороне, почти пустовавшей в то время.

В Оккупационном архиве не упоминаются люди, животные или вещи сами по себе. Все они являлись общественными ресурсами, пунктами отчётов бюрократического аппарата. Несмотря на сухость изложения, документы Оккупационного архива во всем многообразии воспроизводят перед нами обстановку, людей и природу той далекой эпохи.

Данная публикация продолжает серию публикаций шведского слависта Элизабет Лёфstrand, в основу которых положены документы хранящегося в Государственном архиве Швеции Новгородского оккупационного архива — материалов делопроизводства Новгородской приказной избы начала XVII в. (См.: Чело. 2003/1; 2005/1).

Перевод с шведского А. ГАЛИНОВОЙ

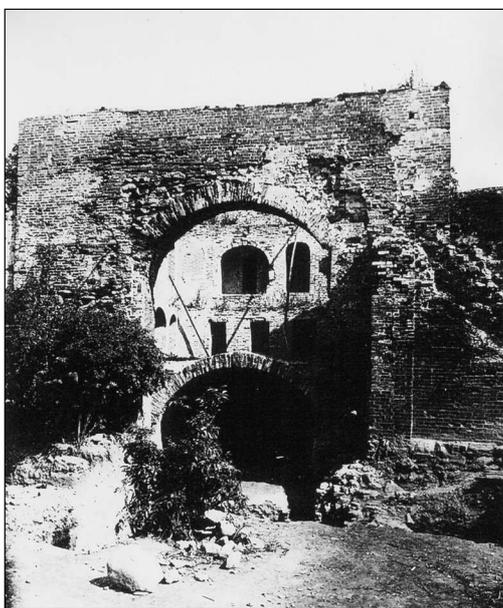

Л.А. Филиппова

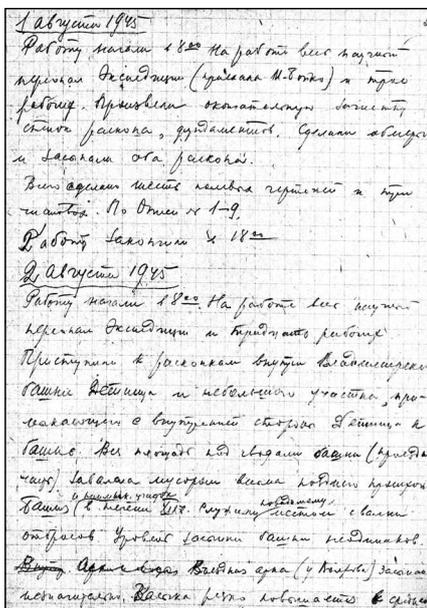
История одной фотографии

В архиве Новгородского научно-реставрационного управления хранятся два очень интересных документа 1945 г. Первый из них — фотография, на которой изображена группа людей, позирующих на фоне развалин здания. Что это за люди, какое это здание и какое событие запечатлел фотограф? Об этом мы узнаем из второго документа — «Дневника археологических раскопок в Новгороде», которые велись с 25 июля по 15 августа 1945 г. Его автор — М.К. Каргер. Имя Михаила Константиновича Каргера — выдающегося учёного, доктора исторических наук — хорошо известно

стоит весь в развалинах, а уже в июле 1945 г. из Ленинграда направляется с научными целями в Новгород экспедиция во главе с молодым 42-летним профессором, тогда ещё кандидатом исторических наук М.К. Каргером. Правда, это не первый приезд учёного в Новгород после его освобождения. Он уже побывал с группой студентов в разрушенном городе летом 1944 г., где проводил пробные раскопки церкви Спаса на Нередице с целью определения состояний архитектурных конструкций и возможности спасения полуразрушенного всемирно известного памятника, его

❖ Владимирская башня. Изнутри кремля. 1945 г.

❖ Страница из «Дневника археологических раскопок в Новгороде» М.К. Каргера. 1945 г.

❖ Владимирская башня. Внешний фасад. В процессе разборки Никольской часовни. 1960 г.

новгородцам. Вся свою научную деятельность он посвятил изучению древнерусского зодчества, в том числе и памятников архитектуры Новгорода. Интересно отметить, что Дневник раскопок 1945 г. — самый первый письменный документ, с которого началось создание архива Новгородской реставрационной мастерской, приступившей к работе в 1945 г.

Документ представляет собой обычную школьную тетрадь в клеточку, исписанную мелким изящным почерком. В конце даны «Опись полевых чертежей» и «Предварительный отчёт о раскопках у Владимирской башни Новгородского Детинца и разведках у ц. Входа в Иерусалим». Первые страницы Дневника заполнены карандашом, а дальше — чернилами. Перечитывая скупые строчки документа, представляешь события того далёкого времени. Совсем недавно отгремели залпы в честь нашей Победы над фашистской Германией, Новгород

уцелевших фресок. Надо думать, как особенно горько было видеть Михаилу Константиновичу, прекрасно знавшему довоенный Новгород, в руинах его первоклассные памятники.

А летом 1945 г. М.К. Каргер руководит раскопками в кремле у Владимирской башни и церкви Входа в Иерусалим. В составе археологической экспедиции Г. Глаголева — заместитель руководителя, Н. Лапина, М. Соколова, Н. Райлян, А. Сережникова, Л. Куликова, В. Томберг, М. Бойко. В Дневнике М.К. Каргер скрупулёзно фиксирует работу экспедиции за каждый день. Прибыв из Ленинграда 25 июля в 8.20 утра (поезд в те времена отправлялся вечером и шёл всю ночь), экспедиция разместилась в комнате Лихудова корпуса, предоставленной Реставрационной мастерской, и уже в 10 часов приступила к работе. А в дальнейшие дни трудились с 8 утра до 18 часов. В воскресенье Михаил Констан-

тинович проводил для сотрудников экскурсии по Новгороду. Первые несколько дней были посвящены архитектурным обзорам церкви Входа в Иерусалим 1759 г. и раскопкам древней 1336 г. предшествующей этого храма, расписанной мастером Исасей Гречином. И ещё были сделаны обмеры Спасской проезжей башни, которая представляла собой ближайшую аналогию Владимирской башни, поэтому обмер её был необходим в связи с задачами исследования последней. Но к главной своей задаче — изучению состояния

Видимо, тогда башня при ремонте, утратив верхние этажи, стала намного ниже. А в конце XVIII в. с внешней стороны к башне пристроили двухэтажную каменную Никольскую часовню, в которой устроили проезд. Через него был выход из Архиерейского сада к Волхову. Позднее проезжую часть превратили в свалочное место. Во время Великой Отечественной войны Владимирская башня, как и весь кремль, очень пострадала. В Акте комиссии по установлению ущерба, причинённого немецко-фашистскими захватчиками историческим зданиям-памятникам, составленном в начале 1944 г., по Владимирской башне отмечено следующее: разрушена крыша и деревянные перекрытия, свод над проездом пробит и над этим местом устроена уборная, проезжая часть обращена в выгреб.

Прежде чем приступить к раскопкам, пришлось снимать образовавшийся грунт в проезде башни. Фундаменты расчищенной части башни после исследования были вновь засыпаны до уровня древнего горизонта. При раскопках были обнаружены остатки двух параллельных каменных стен надвратной Владимирской церкви 1311 г., примыкавшей к башне.

На интересующей нас фотографии и запечатлён один из моментов раскопок у Владимирской башни. На снимке мы видим на фоне проезда башни в центре рабочих — военнопленных, в стороне справа — М.К. Каргер, а слева женщины — сотрудники экспедиции. Не все участники событий оказа-

лись в кадре. Видимо, остальная часть трудилась в это время у церкви Входа в Иерусалим. Если внимательно рассмотреть фотографию, то среди пленных можно увидеть и взрослых немцев, воевавших, может быть, с 1941 г., и юнцов, которых в конце войны немецкое командование вынуждено было отправлять на фронт со школьной скамьи.

Эта редкая фотография зафиксировала один из эпизодов, характерных для первых послевоенных лет, когда на стройках Новгорода работало много военнопленных. Она уже публиковалась в книге Н.Н. Кузьмина и Л.А. Филипповой «Крепостные сооружения Новгорода Великого», изданной в 1997 г. Но там фотография затерялась среди множества иллюстраций. Поэтому мы сочли нужным, ещё раз опубликовав её, сопроводить более подробными комментариями.

ИСТОЧНИКИ

Архив ННРУ. № Р-1. Дневник археологических раскопок в Новгороде (М.К. Каргер). 1945 г.
Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А. Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб., 1997. С. 33—34.
Ядрьшиников В.А. Каргер и его город-музей // Чело. 2003. № 2(27). С. 3—6.

❖ Работы у Владимирской башни Новгородского кремля. 1945 г.

Владимирской башни по поводу предстоящей её реставрации, а также изучению развалин примыкавшей к ней надвратной Владимирской церкви — не могли приступить из-за отсутствия рабочих. Но вот 2 августа в Дневнике появилась запись: «На работе весь научный персонал и тридцать рабочих». Рабочие — это военнопленные, которых удалось заполучить для ведения археологических раскопок. Для того времени это было чудом, случившимся только благодаря огромному авторитету профессора М.К. Каргера, так как все рабочие руки направлялись тогда на восстановление жилья и выведение из аварийного состояния памятников архитектуры.

Чтобы понять ситуацию с раскопками, напомним кратко историю Владимирской башни, которая была сооружена в конце XV в. на месте древних проезжих ворот, ведущих в Неревский конец.

Своё название башня получила от надвратной каменной церкви св. Владимира, поставленной архиепископом Давидом в 1311 г. Церковь примыкала к воротам с внутренней стороны детинца.

В конце XV в. при сооружении башни церковь была перестроена. В середине XVIII в., когда башня и церковь обветшали, церковь разобрали, в результате чего на месте её примыкания образовалась огромная арка.

Фотографии предоставлены архивом «ННРУ».

Фото раскопок у Владимирской башни 1945 г. подготовил к публикации А.И. Орлов.

М.А. Цветков

Жизнь и деятельность архиепископа Геннадия Новгородского

В 1478 г. великий московский князь Иван III окончательно присоединил Новгородскую землю к Москве. Вече прекратило своё существование, вечевой колокол увезли в Москву, а волю великого князя стали вершить его наместники. В течение 1480—1500 гг. московское правительство полностью ликвидировало старую новгородскую боярскую и церковную вотчину и установило поместную систему землевладения, по которой землёй владели дворяне, находившиеся на службе у великого князя¹. Произошли изменения и в церковной организации Новгорода. Последнего новгородского владыку периода независимости, архиепископа Феофила, в 1480 г. обвинили в измене великому князю и отправили в московский Чудов монастырь в заточение. Здесь он подписал отречение от сана² и вскоре умер³.

Выборы нового архиепископа производились в Москве по старой новгородской традиции жребием. Из трёх кандидатов, среди которых были архимандрит Чудова монастыря Геннадий Гонзов и старец Троице-Сергиева монастыря Сергей, был избран последний. Вновь назначенный владыка по дороге в Новгород, в Михайловском монастыре на Сковородке, приказал вскрыть гроб основателя монастыря святителя Моисея и, получив отказ, сказал: «...кого сего смерудовича и смотри», — вызвав естественное недовольство новгородцев своим поступком. В то время новгородская софийская казна находилась в Москве, и, видимо, поэтому Сергей обложил новгородское духовенство большими налогами, ещё больше усилив оппозицию, и, получив психическое расстройство, покинул новгородскую владычную кафедру. Новым новгородским владыкой,

вновь избранным в Москве, но теперь без жеребьёвки, стал чудовский архимандрит Геннадий Гонзов⁴.

К сожалению, многое в жизни и деятельности Геннадия остаётся неизвестным. Житие сообщает, что он был из рода бояр Гонзовых, принял монашество в Валаамском монастыре, имел наставником преподобного Савватия Соловецкого. Более обстоятельные сведения начинаются с того времени, когда в феврале 1477 г.

Геннадий был поставлен архимандритом Чудова монастыря в Москве. Как настоятель Геннадий оставил о себе память в его истории постройкой каменного храма во имя основателя монастыря митрополита Алексия с трапезой, которая имела «многие палаты горняя и дольняя, удобны на всяку потребу монастырскую и живущим ту братиям на преупокоение». В новом храме после освящения были поставлены «многочудесные мощи святого Алексия митрополита». В это же время Геннадий оказался замешанным в конфликте великого князя Ивана III и митрополита Геронтия.

Русская митрополичья кафедра, по мнению А.С. Хорошева, начиная со второй половины XIII века, обладала «самым полным на Руси имунитетом: правовое положение митрополита определялось ханским ярлыком и константинопольскими инструкциями⁵. В отличие от митрополита великие владимирские князья имели только ханский ярлык и нуждались в поддержке Церкви. Особенно ярко это проявилось в отношениях светской власти и Церкви в период феодальной раздробленности. Тогда спектр власти русских князей был значительно уже спектра духовной власти митрополитов: имея полную власть на территории своего княжества и подвластных ему

❖ Святитель Геннадий, архиеп. Новгородский.
Икона XX в., Москва

удельных, великий князь не мог влиять на не принадлежащие ему земли, в то время как митрополит имел духовную власть на территории всей Руси. Поэтому великие князья часто использовали Церковь для налаживания контактов с другими княжествами и землями. В то же время поддержка Церкви усиливала позиции великих московских князей в борьбе за великое владимирское княжение, дополняя ханский ярлык авторитетом константинопольского патриарха.

Со временем ситуация изменилась: по мере присоединения к Москве новых земель влияние великого князя увеличивалось и, следовательно, уменьшалось политическое влияние митрополита. Теперь появляется тенденция к подчинению Церкви великим князем через поставление во главе её митрополита из числа преданных великому князю людей. Такую попытку сделал Дмитрий Донской, попытавшись поставить во главе церкви Митяя — Михаила⁶. После Флорентийского собора и разрыва отношений с Константинопольским патриархом в Москве была отработана специальная система поставления московских митрополитов из числа иерархов, чьи епархии располагались на землях, зависимых от Москвы. Такая же система прослеживается в отношении поставления епископов. Кроме новгородского и тверского архиереи избирались собором епископов, и все поставлялись митрополитом из числа архимандритов элитарных московских монастырей. Будущие иерархи воспитывались в Москве и ставились в епархии как возможные кандидаты на митрополичью кафедру. Благодаря такой системе митрополиты не могли быть избраны епископами из территории, не подвластной московскому князю, например из Новгорода или Твери.

Попытки светской власти усилить влияние на власть церковную вызвали сопротивление московских митрополитов. Первое крупное столкновение произошло в 1478 г. Часть монахов Кирилло-Белозерского монастыря во главе с игуменом Нифонтом, тяготясь зависимостью от ростовского архиепископа Вассиана Рыло, получили благословение митрополита Геронтия на переход в ведение удельного князя Михаила Верейского. В то же время другие старцы хотели остаться в ведении ростовского владыки. Вассиан обратился к Ивану III, который принял сторону архиепископа. Митрополит сначала попытался ослушаться, но всё-таки на этот раз уступил великому князю.

Следующее столкновение произошло в 1479 г. при освящении нового Успенского собора в Москве. Митрополит ходил вокруг церкви против солнца, от запада к востоку, а великий князь заявил, что следует ходить крестным ходом от востока к западу, как тогда называлось «посолонь», (т. е. по солнцу). Ивана III поддержали ростовский архиепископ Вассиан и чудовский архимандрит Геннадий. Освящение было отложено. Вновь этот вопрос возник в 1482 году. И теперь Ивана Васильевича поддержали преемник Вассиана архиепископ Иоасаф (князь Оболенский) и Геннадий. Тогда Геронтий, оставив в Успенском соборе свой посох, забрав, однако, с собой ризницу, уехал в Симонов монастырь. Иван Васильевич сообразил, что невозможно идти против всего тогдашнего церковного мира. Сначала он послал своего сына просить митрополита возвратиться, а после отказа вынужден был сам ехать к Геронтию с согласием совершать крестные ходы по воле

митрополита. Состязание между духовной и светской властями на этот раз окончилось торжеством первой. Митрополит, однако, не забыл того, что Геннадий осмелился выступить против него. В канун Богоявления, случившийся в воскресный день, за то, что Геннадий разрешил своей братии пить богоявленскую воду после трапезы, митрополит приказал заковать архимандрита и посадить в ледник. Только благодаря просьбам великого князя и бояр, напомнившим митрополиту, как архиепископ ростовский Феодосий Бывальцев позволил также в навечерие Крещения Господня, случившегося в субботу, вкушать мирянам мясо, а митрополит Иона, теперь чудотворец, хотя и обличил владыку, но всё-таки простил, видя его раскаяние, Геронтий освободил Геннадия.

12 декабря 1484 года Геннадий был избран Новгородским архиепископом «на престол святых великих Софии» и зимой 1485 года прибыл в Новгород. Здесь в 1487 г. новый архиепископ обнаружил среди новгородского духовенства вольномыслие, названное им ересью «жидовская мудрствующих».

Архиепископ Геннадий связывал начало этого религиозного движения с приездом в 1471 г. в Новгород князя Михаила Олельковича. По словам владыки, с князем побывал в Новгороде некий еврей-еретик, ставший первым распространителем ереси⁷. Иоисиф Волоцкий называет имя «еретика» — Схария и сообщает о совращении им в иудаизм нескольких новгородских священников: попа Дениса, попа Алексея Михайловского, протопопа Гавриила Софийского, попа Григория и сына его Самсонку, дьяка Гридю Борисоглебского, попа Фёдора, попа Василия Покровского, попа Якова Апостольского, попа Ивана Воскресенского, дьякона Макара, дьяка Самуху, попа Наума и, кроме них, Гридю Клоча, Григория Тучина, Лаврешу, Мишука Собаку, Васюка Сухого, Авдея и Степана клириков, Овдокима Люлиша.

Упоминание среди ересиархов Схарии породило много споров среди исследователей, до сих пор не пришедших к единому мнению по этому вопросу. Так, Н.А. Руднев, архиепископ Филарет (Гумилевский), митрополит Макарий, А.В. Алексеев⁸ считали Схарию реальной фигурой. И. Попов высказал мысль о сходстве имени ересиарха Схарии с таманским князем Захарией Гуил Гурсисом, именовавшимся в некоторых грамотах Сахарьей Скаррой, с которым вёл переговоры Иван III. Я.С. Лурье подверг сомнению мнение Попова, высказав другое — Гуил Гурсис принадлежал старинному генуэзскому роду Guixulfis и был католиком⁹. Г.М. Прохоров предложил другое мнение: Схария был караймом и прибыл в Новгород с Михаилом Олельковичем¹⁰.

Новгородские вольнодумцы тайно исповедовали своё учение, оставаясь служителями православной церкви, и раскрылись случайно в нетрезвом виде. Первым свидетелем по этому делу стал один из еретиков, поп Наум.

Новгородский владыка Геннадий немедленно сообщил о своём открытии великому князю Ивану III и, получив от князя разрешение, начал расследование ереси. Обнаруженных еретиков Геннадий выдал на поруки, но еретики сбежали в Москву. Несмотря на старания Геннадия как можно быстрее покончить с ересью, московские власти не торопились с преследованием новгородских еретиков. Поэтому Геннадий обращается за помощью к иерархам Русской Православной Церкви.

Первое послание он отправил епископу Прохору Сарскому, проживающему постоянно в Москве.

По словам новгородского владыки, новгородские вольнодумцы виновны в «хуле» Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы. Он видит причину «хулы» в уклонении еретиков в иудаизм («*жидовская мудр̄ствующице*») и сообщает об обнаружении у еретиков иудейской псалтири и тетрадей с иудейскими молитвами.

Здесь же Геннадий сравнивает воззрения новгородских вольнодумцев с идеологией маркиан — последователей Маркела Анкирского и его ученика Фотина, отвергавших троичность лиц в Боге, и с идеологией мессалиан, подчиняющих все внутренней молитве и внутреннему деланию, отвергающих таинства Церкви, христианские обряды, установления и всю христианскую внешность. Опасаясь, как бы еретики не отказались от своих признаний, новгородский архиепископ пишет епископу Прохору Сарскому: «*И толко бы поп Наум не положил покаания, да и в христианство опять не захотел, ино бы как мощно уведати по их клятве, как они отменяются своих велений?*».

Для подтверждения своих слов Геннадий указывает Прохору место в кормчей (свод церковных и светских постановлений), где находятся правила, соответствующие деяниям еретиков: «*Да что они недостойно служат божественную литургию, то явлено в 12 главе...*», «*...а что кленуться без страха, а то в 19 главе тех же ересей явлено*», имея в виду XII и XIX главы сочинения Тимофея пресвитера Константинопольского «Как принимать еретиков» (еретики «*глаголють святое Тело и Кровь Христову*, — пишет Тимофей пресвитер, — *истиннаго Бога нашего святому причащению никакже не успети, ни вредити достойно или недостойно сих причащающихся яко Богу въплъщьюся сущем же и верою емлющем*»). Здесь же Геннадий пишет о мнимом благочестии обвиняемых им новгородцев: «*Да что есть ересей месалианских, то все они мудр̄ствуют, толко то жидовским десятословием людей прильщуют, яко благочестующие мнятся*». По словам новгородского владыки, «*та ересь здесе распростерлася не токмо в градех, но и по селом*»¹¹.

Такая картина ереси в Новгороде должна была возбудить в Прохоре Сарском ревность в деле очищения церкви от еретиков и побудить его ходатайствовать по этому делу перед великим князем и митрополитом.

Между тем, несмотря на настойчивость новгородского архиепископа, московские власти не торопились с расследованием этого дела. Такое отношение Москвы к его расследованию побудило Геннадия в январе 1488 г. обратиться с посланием к другому иерарху Русской Православной Церкви, епископу Нифонту Судальскому, пользовавшемуся благосклонностью митрополита Геронтия. Геннадий просил Нифонта напомнить великому князю и митрополиту о необходимости продолжения расследования дела о новгородской ереси: «*Ино познают* (великий князь и митрополит — **М.Ц.**): *еретикам ослаба пришла, уже ныне наругаютца христианству — вяжут кресты на вороны и вороны. Многие ведел: ворон, Деи, летает, а крест на нем вязан деревян, а ворона, Деи, летает, а на ней крест медян. Ино таково поругание: ворон и ворона садятца на стерве и калу, а крестом по тому волочат!*».

«Надругание» над предметами христианского культа свидетельствовало об антихристианской направленности

новгородской ереси. В этом случае архиепископ Геннадий как новгородский архиерей, обязанный следить за соблюдением определённых правовых норм среди новгородских клириков, должен был принять меры для наведения порядка в епархии. Но из Новгорода трудно влиять на мнение московских властей. Поэтому епископ Нифонт, часто бывавший по делам в столице, должен был помочь Геннадию сдвинуть дело с мёртвой точки.

Старания архиепископа Геннадия не пропали даром. В 1488 г. в Москве состоялся собор, признавший троих беглых новгородских попов виновными в хуле Христа, Богородицы, святых, православной веры, а также в иконоборчестве, уклонении в иудаизм, ересях. Собор приговорил их к извержению из сана, отлучению от церкви и проклятию¹². Обращает на себя внимание факт непризнания собором вины четвёртого беглеца дьяка Гриди Борисоглебского из-за недостаточности улик, представленных новгородским архиепископом в *подлинниках* свидетельствами только попа Наума. Принимая это решение, собор, видимо, исходил из второго правила I Вселенского собора, признающего человека виновным только на основании показаний не менее двух свидетелей. Очевидно, в отношении вины других еретиков архиепископ Геннадий собрал достаточное количество доказательств, на основании которых собор и великий князь осудили новгородских еретиков.

Нужно признать, что собор 1488 г. выполнил требования новгородского архиепископа Геннадия в отношении еретиков: владыка добился соборного осуждения ереси, признания великим князем и собором всех выдвинутых Геннадием обвинений против новгородских попов, возвращения в Новгород бежавших еретиков, наказание их градской казнью и приказание великого князя расследовать ересь совместно с его новгородскими наместниками. В то же время главным достижением архиепископа стало оповещение через собор московского духовенства о существовании ереси в Новгороде.

Возвращённые из Москвы еретики снова попали в руки архиепископа Геннадия, который, следуя указаниям великого князя и митрополита, собрал собор из числа новгородского духовенства и, обличив их ересь, наказал духовно: которые покаялись, своими руками написав покаяние, владыка приказал держать епитимью: «*...велел есми им приходити к церкви да стоять перед церковью, а в церковь есми ходити не велел*».

Для того чтобы понять действия архиепископа, необходимо обратиться к правилам кормчей, которой он пользовался при определении наказания еретикам. Первое правило II Вселенского собора призывает маркелиан предавать анафеме: «*...да предается анафеме всякая ересь, а именно: ересь евномиан, аномеев, ариан или евдоксиан, полуариан или духоборцев, савелиан, маркелиан* (выделено мной — **М.Ц.**), *фотиан и аполинариев*». Седьмое правило того же собора приказывает с покаявшихся ариан брать рукописание и вводить в церковь через миропомазание, а к маркелианам (как выходцам из галатских стран) относиться как к язычникам, применяя полностью весь обряд крещения. Непонятно, почему архиепископ и у них взял рукописание. Возможно, из-за клятвопреступления, ими совершаемого, о чём он писал в посланиях Прохору и

Нифонту. За это преступление 64 правило Василия Великого рекомендует следующее наказание: «...клятвопреступник десять лет да не приобщается: два лета находясь между плачущими, три между слушающими писания, четыре между припадающими, едино стоя с верными, и тогда сподобится причастия». К «плачущим» относятся лица, не входящие в церковь, а стоявшие вне её.

В то же время непокаявшихся еретиков архиепископ Геннадий отправлял к представителям светской власти великокняжеским наместникам Якову и Юрию Захарьевичам для наказания градской казнью. Как и прежде, копии следственного дела («подлинники») архиепископ Геннадий отправлял к великому князю Ивану III и митрополиту Геронтию, но митрополит «о том великому князю не докучил, да тем еретиком конца не учинили». Причину невнимания митрополита Геронтия к просьбам архиепископа Геннадия по делу ереси исследователи видят в нерасположенности его к Геннадию (Н. Руднев, А.И. Никитский, Я.С. Лурье, архиепископ Филарет (Гумилевский))¹³. Сам же Геннадий винит в покровительстве еретикам дьяка Ф.И. Курицына («Курицын начал тем всем злодеем»), вернувшегося в 1489 г. в Москву и имевшего большое влияние на великого князя. Об этом архиепископ узнал во время пытки еретика Самсонки, и рассказал в послании собору епископов: «Спросили мы Самсонку, Юрь Захарич да аз: „были есте на Москве, с ним ся есте вьдворяли? Ведаешь ли, что говорят на Москве?“. И Самсонко молвил: „Ведаю, деи, господине, как ми, деи, не ведати? Ходили, деи, есмь завсе к Федору к Курицину, диаку великого князя, а приходит, деи, к нему Олексей протопоп, да Истома, да Сверчек, да Ивашко Чрьной, что книги пишет, да поучаются, деи, на православных“. Чтобы отвести от себя обвинение в самооговоре еретиков под пыткой, Геннадий приводит следующий очень веский аргумент: «...и коли бы тот смерд того действовал, да к Курицину не ходил: почему было то ему ведати, что ся у Курицына чинит, кто ли к нему приходит?».

Узнав о покровительстве в Москве одного из высших чинов государства, новгородцы, уже покаявшиеся в ереси и несшие епитимью, тоже бежали из Новгорода в Москву и там даже служили в московских храмах («Гаврилко поп с Михайловы улице, тот, деи, служил на Москве, а Денис поп — тот в Архаггеле служил, да на литургии, деи, за престолом плясал, да и кресту ся наругал») вместе с московским духовенством («Да с теми то попы служили архимандриты, и игумены, и протопопы и священники многие»).

Несмотря на нежелание Москвы заниматься ересью новгородский архиепископ не прерывает своей борьбы. Он ищет новых союзников. С этой целью в 1489 г. Геннадий пишет послание бывшему архиепископу Ростовскому Иоасафу, князю Оболенскому, пользовавшемуся авторитетом у духовенства Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей.

Видимо, архиепископ Геннадий пытался использовать авторитет Иоасафа для привлечения к борьбе монастырских старцев Паисия Ярославова и Нила Полева. Таким образом, Геннадий распространял информацию о ереси не только среди различных социальных слоёв (раньше были епископы и московское придворное духовенство), но и географически: о ереси теперь знали и были призваны к действию вместе с московским

духовенством и почти опальным Иосифом Волоцким и авторитетные старцы северо-восточной и заволжской Руси.

В источниках нет информации, как отреагировали старцы на предложение новгородского архиепископа. Но если учесть, что в 1490 г. Нил и Паисий присутствовали на соборе против еретиков, а Нил Сорский помогал Иосифу Волоцкому переписывать «Просветитель», можно высказать предположение, что старцы приняли предложение Геннадия и помогли собрать собор на еретиков в 1490 г.

В 1489 г. умер митрополит Геронтий. На избранного в 1490 г. нового митрополита Зосиму новгородский архиепископ возлагал большие надежды. Но Зосима немедленно потребовал от Геннадия новое исповедание веры и обвинил в связях с Литвой.

Требование нового исповедания — это своего рода клятва в следовании правилам Православной Церкви, которую давал каждый епископ на хиротонии¹⁴. Поэтому этим требованием митрополит Зосима поставил под сомнение чистоту веры, исповедуемой Геннадием. В то же время, если вспомнить, что новгородцы пытались заключить договор с Казимиром IV и принимали князя Михаила Олельковича из литовского Киева, что архиепископ Феофил отчасти был сведён с кафедры за контакты с Литвой, то обвинение архиепископа Геннадия в связях с литовцами носило характер обвинения в государственной измене. И это в то время, когда новгородские еретики спокойно жили в Москве. Поэтому Геннадий написал обстоятельное послание новому митрополиту, излагая историю своей борьбы с ересью. Он сообщает, что новгородские еретики-беглецы служили в московских храмах — в епархии, находящейся в юрисдикции московского архиепископа, митрополита всея Руси Зосимы, давая понять, что митрополит совершает преступление, наказуемое отлучением от Церкви (12 и 13 Ап. правила). Но если раньше, по мнению архиепископа Геннадия, митрополит Зосима об этом мог не знать, то теперь обязан прекратить такое нарушение церковных правил и содействовать отправке нарушителей-попов к своему архиерею в Новгород. В то же время, по мнению Геннадия, Зосима не знает, что священник княжеской усыпальницы Архангельского собора в Московском кремле поп Денис (до 1480 г. служивший в Новгороде) надругался над крестом и богослужением, а ведь «ино о том в божественных правилех писано: „Аще кто смутит церковью в время божественныя литургия, главной казни повинен ест“». Вместе с еретиками в Москве служили и причащались многие московские священнослужители, нарушая тем 10, 11, 45, 70 Ап. правила и «правило святого апостола Павла 12: „Еллинским баснем последующее, или жидовским обычаем, аще не отступят от того, да извергнутся“¹⁵. Ино те еретице все то действовали, да не токмо то, но и хулу на самого Христа говорили; а пространно о них, господин отец наш, в подлинники узришь».

Архиепископ Геннадий показал митрополиту Зосиме всю опасность распространения ереси, подчёркивая, что она проникла в великокняжеские круги и слою белого духовенства. Ересь не затронула только епископов, избранных до бегства новгородских попов в Москву, и, возможно, не успевших впитать в себя еретическую идеологию. Но после смерти епископа

Герасима Коломенского появилась опасность проникновения ереси и в архиерейскую среду: вскоре после избрания Зосимы митрополитом великий князь и новый митрополит потребовали от Геннадия «повольную грамоту» на поставление нового коломенского епископа. Само по себе требование «повольной грамоты» было обосновано 4 правилом I Вселенского собора: «...епископа поставляти наиболее прилично всем той области епископам. Аще же неудобно, или по надлежащей нужде, или по дальности пути: по крайней мере три едино место да соберутся, а отсутствующие да изъявят согласие посредством грамот (выделено мной — М.Ц.): и тогда совершати рукоположение. Утверждати же таковыя действия в каждой области подобает ея митрополиту». Но Иван III и Зосима требовали от Геннадия согласие без указания имени кандидатов. Во избежание поставления в коломенские епископы еретика или священника, совершавшего с еретиками служение, новгородский архиепископ отказался дать такое согласие до проведения «обыска» еретиков.

В посланиях Зосиме и епископам Геннадий упоминает о некоем «Захаре чернеце»: «Да жалуюсь тебе, своему отцу, на Захара на черныца на стригольника, лает ми, господине, безпрестани уже третий год, на четвертой год настало, а посылает грамоты в мою архиепископию: и к черныцом и к попом семи-соборским, а что по московской земли, то числа нет; а пишет в своих грамотах: „Послал, деи, есми по всем городом на еретика грамоты“; ино, господине, все велено терпети, опрочи еретика, а яз не еретик; ныне пакы моему старцу Ионе прислал на мене с лайбою с великою, и яз с тое грамоты список тебе, своему господину отцу, послал, и ты бы меня пожаловал оборонил от того Захара стригольника».

Не отрицая мнения Н.И. Костомарова, что «люди, принадлежавшие к ереси и приближённые к государю, представляли Геннадия вздорным, беспокойным человеком», нужно уточнить, что против новгородского архиепископа была организована настоящая травля с целью дискредитации его как человека, как архиерея, соответственно, поставить под сомнение все результаты его расследования по делу еретиков, снимая, таким образом, все подозрения с них. В то же время во всех действиях высших светских и церковных властей чувствуется направляющая рука еретиков. Обвинения новгородского владыки в использовании пыток с целью вытянуть признание в ереси из новгородского духовенства делало недействительными «рукописания» и обесценивало собранное Геннадием следственное дело по ереси. Имея на руках обвинение в связях с Литвой, отказ владыки дать новое исповедание веры, а также слухи о еретичестве Геннадия, собранные из посланий Захара Стригольника, великий князь и митрополит имели возможность выйти на собор епископов с предложением снятия епископского сана с Геннадия. Здесь можно согласиться с А.Д. Седельниковым, считающим, что «жидовствующие направили его (Захара — М.Ц.) против своего главного врага, а в то же время умело тормозили ход следствия встречным обвинением, которое вполне согласовывалось с идейными нападками на симонию» и с мнением Н.И. Костомарова: «Геннадий ясно видел, что к нему придираются, что враги составляют против него козни; враги эти — еретики».

Геннадию нужно было предпринять ответные меры. Ситуация благоприятствовала: для поставления коломенского епископа все русские архиереи собрались в Москве. Поэтому он обратился к собору епископов с посланием, в котором объясняет своим «сослужбникам» всю несостоятельность обвинений против себя, подробно излагает всю историю своей борьбы с ересью, рассказывает об отказе Москвы помогать в этом святом деле и просит архиереев на соборе обсудить этот вопрос. Ситуация была благоприятной ещё и потому, что следователи ереси в Новгороде — новгородские наместники Яков и Юрий Захарыны — были в то время в Москве и могли перед великим князем и собором подтвердить слова Геннадия. В то же время архиереям нужно было подтолкнуть обратиться к митрополиту и великому князю с просьбой рассмотреть вопрос о ереси и архиепископе Геннадии. Нужно было показать им в действиях еретиков что-то порочащее не только новгородского архиепископа, но и их самих. Таким аргументом Геннадия стал случай с игуменом Захаром.

До бегства в Москву Захар считал всех русских церковных иерархов поставленными в сан «по мзде», и первым из них был новгородский архиепископ Геннадий. В свою очередь новгородский архиепископ видел в Захаре своего личного обидчика и в посланиях, касающихся еретиков, о Захаре не упоминал. Необходимость в защите от Захара появилась тогда, когда еретик стал посылать из Москвы грамоты в Новгород и по всей Руси, в которых обвинял Геннадия в ереси. Обвинение новгородского и других архиереев в поставлении «по мзде» подрывало авторитет всей церковной иерархии. Такое серьёзное обвинение должно было заострить внимание владык на том, что теперь и их обвиняют во взяточничестве. Это обвинение и факт служения в московских храмах новгородских еретиков архиереи не могли оставить без внимания. Архиереи не подвели Геннадия. Осенью 1490 г. состоялся новый собор на новгородских еретиков.

Слушание дела проходило в палатах митрополита. Здесь присутствовали все соборные старцы. Сам великий князь на собор не пришёл, но прислал «своих бояр — князя Ивана Юрьевича, Юрья Захарыча, Бориса Васильевича, диака своего Андрея Майка». Самого Новгородского архипастыря снова не пригласили на собор.

Перед соборными старцами поставили схваченных новгородских еретиков: «Захарью черныца, ересем началника, да попа Василья, да Макара диакона, да Гридю диака, да Васюка дьяка, да Самуху диака и их светников ерестных и единомыслеников». Перед ними зачитали следственные материалы, собранные архиепископом Геннадием и посланные ещё митрополиту Геронтию. Еретики отказались признавать свою вину. Но отказ еретиков от признания за собой вины в ереси и других преступлениях, выдвинутых новгородским владыкой, не остановил собор. Митрополит Зосима обратился непосредственно к еретикам Захару, видимо, как к начальнику еретиков: «Захарие, что ради сицевая твориши, преступаеши Закон Божий и не велиши ся кланяти иконам святым?». На этот вопрос, на фоне общего отказа еретиков от всех обвинений, Захар «отвещав изрече хулу на Господа нашего Иисуса Христа и на его пречистую Богоматерь, да и на великих святителей Петра и Алексия и Леонтия чудотворцев, и на иных

многих святых преподобных отец хулные речи изнесе, да и на всю семь соборов святых отец похули». Услышав эти речи, митрополит Зосима приказал выйти перед собой московским свидетелям, слышавшим или видевшим «поругание иконам и речи хулные на святых», которые дали показания против новгородских еретиков, приводя примеры преступлений в Москве, идентичные преступлениям в Новгороде.

По-видимому, такой оборот дела был неожиданным для митрополита и соборных старцев. Великий князь потребовал поставить перед собой еретиков и зачитать грамоты и списки, присланные Геннадием. Возможно, он верил словам новгородских еретиков о нечистоплотности методов дознания, применявшихся новгородским архиепископом, и не придавал большого значения докладом Геннадия. Теперь же, услышав подтверждение слов архиепископа из уст московских свидетелей, великий князь был вынужден обратиться к ересь более пристальное внимание. Эти показания не только доказали виновность всех новгородских еретиков и их несправимость, но и восстанавливали доброе имя владыки Геннадия.

Заслушав дело о новгородских еретиках, митрополит Зосима с собором «по правилу святых апостол и святых отец тех ересников Захара черныя, да Гавриила протопопа, да попа Дениса, да попа Максима, да попа Василья, Макара диакона, да Гридю, да Васюка, да Самуху дяков и их единомыслеников, с ними мудрствующих злую их ересь, из сана извергоша и от святых Божия церкви отлучиша».

Соборный приговор перечисляет установленные следствием преступления еретиков, совершённые в Новгороде: «...мнози от вас ругались образу Христову и Пречистые образу, написанным на иконах, а инии от вас ругались кресту Христову, а инии от вас святые иконы щепляли и огнем сжигали, а инии от вас крест силолен зубы искусаши, а инии от вас святыми иконами и кресты о землю били и грязь на них метали, а инии от вас святые иконы в лоханю метали, да иного поругания есте много чинили над святыми образы написанных на иконах. А инии от вас на самого Господа нашего Иисуса Христа сына Божья и на пречистую Его Богоматерь многиа хулы изрекли, а инии от вас на великих святителей и чудотворцев да и на многих преподобных святых отец похулиши, а инии от вас во вся говения ели мясо и сыр и яица и млеко, и меж говения в среду и в пятницу також ели мясо и сыр и яица и млеко. А вси есте чли субботу паче възскресения Христова. А инии от вас възскресенью Христову и его святому Възнесенью не веруют. Ино то все чинили есте по обычаю жидовскому, противясь божественному закону и вере христианстей».

Для церковного наказания великий князь некоторых еретиков отправил в Новгород к архиепископу Геннадию. Тот встретил их за сорок поприщ от города. Он велел посадить еретиков на их коней, на вычюные

сёдла, спиной к голове коня, чтобы смотрели на Запад. Одежду велел надеть задом наперёд, а на головы повелел надеть им заострённые берестяные шлемы, будто бесовские. «Еловицы» на шлемах были из мочала, венцы — из соломы вперемешку с сеном, на шлеме была надпись чернилами: «Се есть сатанино воинство». Их водили по городу и всем встречным приказывали плевать на них и говорить: «Это враги Божии и хулители христиан». После Геннадий повелел сжечь шлемы на головах еретиков. По мнению архимандрита Макария (Веретенникова), «в церемонии» казни еретиков не было ни заимствования, ни личной изобретательности, а была в значительной мере традиция древнерусского изнаночного мира (ср. вполне русские, а не испанские «материалы» одежды: овчина, мочало, береста)¹⁶.

Кроме того, по сообщению Новгородской второй (Архивской) летописи, осуждённых на соборе еретиков архиепископ Геннадий «изыска и обличи в Великом Новгороде. И повелением великого князя Ивана Васильевича всея Руси и по благословению преосвященнаго митрополита Зосимы Геннадеи владыка от них велел жечи на Духовском поле, иных торговые казни предали, а иных в заточение посла, а иные в Литву збежали, а иные в Немцы»¹⁷. Церковной власти в этом летописном сообщении касается только сжигание на Духовском поле. Другие наказания (торговые казни и заточение) относились к обязанностям светских властей.

Остальным еретикам после собора суждено было испытать другие лишения. Чернец Захар был отправлен к епископу Нифонту Суздальскому. Попа Дениса заточили в Галиче. Как сообщает Иосиф Волоцкий, «поп Денис после проклятия и ссылки предался вселившемуся в него хульному бесу: в течение месяца он бесчинно кричал голосами зверей, скотов, птиц и гадов, и в ужасных мучениях испустил свой гнусный еретический дух. Так же ужасно умер и Захар чернец».

Собор 1490 г. наказал новгородских еретиков, но ересь в Москве и Новгороде существовала ещё 15 лет. Только собор 1504 г. приговорил четверых еретиков к сожжению в клетках.

Кроме борьбы с ересью в Новгороде архиепископ Геннадий занимался публицистической деятельностью и, несмотря на затворничество в Новгороде по воле великого князя, он пытался активно участвовать в церковной жизни. 1 декабря 1492 г. он написал послание, посвящённое одному из важнейших вопросов, затронутых еретиками, — вопросу о Конце света, который согласно учению Ефрема Сирина должен был наступить по истечении седьмой тысячи лет от Сотворения мира. В декабре того же года Геннадий по поручению митрополита Зосимы составил пасхалию на 70 лет и разослал её по епархии с грамотой соборному духовенству, в которой объявил, что пасхалия не вновь составлена, а выведена из прежней и что время Второго пришествия Христа не указано в Писании. Здесь же

❖ Зосима и Савватий Соловецкие

владыка дал понятие о великом миротворном круге, объяснив, как с его помощью можно выводить пасхалу на сколько угодно лет вперёд.

В период с 1490 по 1494 гг. Геннадий написал послание митрополиту Зосиме о причетнике двоженце, где доказывалась недопустимость служения в алтаре женатого второй раз или вдового дьяка.

После сведения с кафедры Зосимы в 1494 г. и избрания митрополита Симона архиепископ Геннадий пишет повольную грамоту с согласием на избрание нового митрополита. Тогда же он отправляет послание митрополиту о необходимости заведения училищ для обучения грамоте кандидатов в духовный сан.

Борьба с ересью побудила архиепископа Геннадия к созданию в Новгороде литературного кружка.

Священные книги Ветхого Завета особенно часто подвергались случайной и намеренной порче. Собрав вокруг себя учёных-книжников, святитель благословил вновь перевести с греческого, латинского и еврейского языков те из Священных книг, которые не были им обретыны в рукописном предании славянской Библии, и в 1499 году на Руси вышел первый полный свод Священного Писания на славянском языке. Наряду с подготовкой Библии круг церковных книжников при архиепископе Геннадии вёл большую литературную работу: была составлена «Четвёртая Новгородская летопись», переведены, исправлены и переписаны многочисленные рукописные книги.

Игумен Соловецкого монастыря Досифей несколько лет (1491—1494 гг.) трудился у святителя Геннадия, составляя библиотеку для Соловецкого монастыря. Досифей написал Житие преподобных Зосимы и Савватия, его экслибрис имеется на кормчих конца XV — начала XVI вв. Доминиканский монах Вениамин в 1497 г. или после диспута на соборе 1503 г. о праве монастырей на владение землёй создал «Слово кратко» (первоначальное название «Събрание на лихоимцев»). Поводом для

создания Слова явилась проводимая Иваном III секуляризация новгородских земель. Автор, доказывая исполнимость права Церкви на владение имуществом, порицает покушающихся на него светских правителей, угрожая им анафемой и наказанием на Страшном суде. На примерах из древней истории он показывает, как все цари, нарушавшие церковное право, потерпели многие беды, о чём должны помнить и современные государи и соблюдать установленные Богом законы. Содержание «Слова кратко» обнаруживает резкую оппозицию земельной политике, проводимой великим князем

➤ Выходная запись Геннадиевской библии. 1499 г.

в конце XV — начале XVI вв.

О высокой духовной жизни и молитвенном вдохновении святителя свидетельствует составленная им в 1497 г. молитва к Пресвятой Богородице. Оставив архипастырское служение, с 1504 г. святитель жил на покое в Чудовом монастыре, где умер 4 декабря 1505 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 2—3, 7—9.
² Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. М., 1987. Вып. 2. С. 252.
³ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 326.
⁴ Там же. М., 1965. Т. 30. С. 200.
⁵ Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации. М., 1986. С. 93.
⁶ ПСРЛ. М., 2000. Т. 24. С. 137—141.
⁷ Послание Геннадия митрополиту Зосиме // Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М., Л. 1955. С. 375 (далее — АЕД).
⁸ Руднев Н.А. Рассуждения о ересь и расколах бывших в русской церкви со времен Владимира Великого до Ивана Грозного. М., 1838. С. 93; Архиепископ Филарет (Гумилевский). История Русской церкви. М., 1888. С. 110; Митрополит Макарий. История русской церкви. СПб., 1870. Т. II. Кн. 1. С. 81; Алексеев В.И. Роль церкви в создании Русского государства: Период централизации: Иван III, 1462—1505 гг. СПб., 2003. С. 163.

⁹ Подробнее см.: АЕД. С. 109—110.
¹⁰ Прохоров Г.М. Прение Григория Паламы «с хионы и турки» и проблема «жидовская мудрствующих» // ТОДРЛ, 1972. Л., Т. XXVII. С. 353—354.
¹¹ Послание Геннадия Прохору Сарскому // АЕД. С. 310.
¹² Грамоты Ивана III и митрополита Геронтия Геннадия // Там же. С. 313—314.
¹³ Руднев Н.А. Рассуждения о ересь и расколах... С. 98; Никитский А.И. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879. С. 173; АЕД. С. 112; Филарет (Гумилевский), архиеп. История Русской церкви. С. 111.
¹⁴ Чин избрания и поставления в епископы // РИБ. СПб., 1881. Т. 6. № 52.
¹⁵ Правила апостола Павла отсутствуют в современной книге правил, но имеется в кормчих, как и цитируемое выше сочинение Тимофея Константинопольского «Как принимать еретиков».
¹⁶ Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырков Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 16. Прим. 8.
¹⁷ ПСРЛ. Т. 30. С. 175.

РУИНЫ ПРЕХОДЯЩИ, А МАСТЕРСТВО ВЕЧНО

Памяти
Натальи Михайловны
КРАСНОРЕЧЬЕВОЙ

Туман ранней осени накрыл город непроглядной завесой и скрыл от Леонида развалины и первые послевоенные постройки. Для начала он решил обзавестись ночлегом и занялся поисками «Дома крестьянина» — единственного во всём Новгороде приюта для приезжих. Путь от вокзала оказался недолгим: двухэтажный каменный домик стоял с правой стороны большой и пустой площади. На полуразрушенном здании Дворца труда (бывшего дворянского собрания) висел уличный репродуктор. Удивительное дело: из него слышались не речи, а неслись звуки первой симфонии Василия Калинникова. Эта прекрасная русская музыка словно приветствовала молодого специалиста в древнем городе. С тех пор она стала для Красноretchева олицетворением Новгорода и его зодчества.

Леонид Егорович приехал в Новгород в 1951 году девятнадцатилетним юношей, только что закончившим Ленинградский архитектурно-строительный техникум. В областном отделе по делам строительства и архитектуры встретили его приветливо, но... направили инспектором по охране памятников. А он-то рассчитывал немедля заняться реставрацией древних строений, так пострадавших в закончившейся недавно войне. В секторе охраны памятников (Леонид Егорович даже помнит его начальника — Нину Андреевну Чиннову) ему пришлось заняться перепиской с арендаторами, составлением «процентовок», переговорами с людьми, проживавшими в памятниках, с просьбой не крушить дальше доставшиеся им развалины и дожидаться переезда.

С инспекторской должностью Красноretchев не смирился и постоянно одолевал руководство отдела уговорами отпустить его на творческую работу, написал даже письмо в Комитет по делам архитектуры. В апреле 1952 года он всё же получил желанный перевод в реставрационную мастерскую.

Молодой техник-архитектор оказался в бригаде известного мастера реставрационных дел Любови Митрофановны Шуляк. Первыми объектами в его творческой биографии стали церкви Фёдора Стратилата на Ручью и Иоанна Богослова на Витке (обе XIV века). Здесь он получил начальные уроки архитектурно-археологических обмеров.

В декабре того же года армейская труба призвала Леонида Красноretchева в солдатский строй. Два года мужской выучки закаляли характер и тело, научили

не только наматывать портянки, стрелять по целям, но и умению уживаться с людьми.

Осенью 1954 года Красноretchев вернулся в полюбившийся Новгород, где дождалась его Наташа: канцелярская работа инспектором хоть и оказалась недолгой, но именно она и познакомила его с будущей женой.

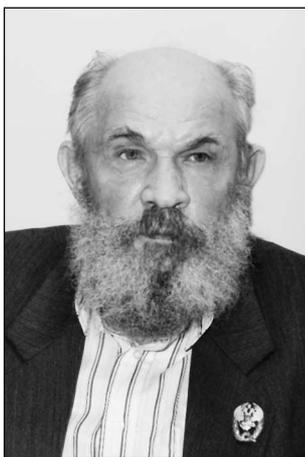
Главной задачей реставраторов в первые послевоенные годы было выведение памятников из аварийного состояния, в которое повергли их время и война. Надлежало сохранить уцелевшее и спасти его от дальнейшего

разрушения. После спасательных операций начались научно-исследовательские работы. Стали применяться зондажи, шурфы, но средств выделялось недостаточно, поэтому полученные данные не давали подлинного представления о состоянии памятника.

Демобилизованный реставратор получил направление в бригаду Д.М. Фёдорова, которая в это время приводила в порядок церковь Власия XV в. (напротив здания администрации города). Улучшение финансирования восстановительных работ позволило проводить более глубокое исследование памятника, воссоздать утраченные части храма. Пришлось соотнести приёмы древних зодчих при построении двух- и трёхцентровых кривых. На старой обмозке искали следы старинных расчётов: углубления от деревянных колышков. Им удалось восстановить трёхлопастное завершение стен, оконные и дверные проёмы, выполнить декор фасадов и барабана.

После успешной реставрации ц. Власия Леониду Красноretchеву предоставили самостоятельную творческую работу: составить проекты реставрации двух памятников...

В списке проектных и исследовательских работ, выполненных Красноretchевым за всю его творческую жизнь, значится свыше 70 объектов древнерусской архитектуры. Среди них — Вяжицкий монастырь, архитектурный ансамбль XVII—XVIII вв., ц. Спаса на Ковалёве XIV в., архангела Михаила и Благовещенья на Торгу XVI—XVII вв., Иверский монастырь и множество других древнерусских построек. Можно назвать не менее сотни старинных сооружений, которые он попутно выявил на территории области, десятки научных статей, отчётов, книг. Но есть в этом необозримом перечне два объекта, которые воистину стали «звездой пленительного счастья».

❖ Л.Е. КРАСНОРЕЧЬЕВ.
Фото А.И. Орлова

Сразу за Синим мостом, налево, лежит небольшое пригородное село Волотово. Древние строители соорудили здесь в XIV веке небольшой храм во имя Успения Богородицы. Славился он изящной архитектурой и выразительными сочными фресками. В XIX веке любители новгородских древностей распознали ценность этого храма. Известный академик архитектуры В.В. Сулов предпринял попытки реставрировать средневековый храм. Были сделаны обмеры, рисунки и даже фотографии. Интерес к памятнику не пропал и после революции. В начале 20-х годов архитекторы Громыны заново произвели замеры, сделали зарисовки и чертежи, наметили восстановление первоначального трёхлопастного завершения стен, которое в течение минувших веков было заложено под прямоугольный скат крыши.

❖ Церковь Успения на Волотове в процессе консервации. Вид с юго-востока. 1955 г.

Когда в 1955 году Леонид Красноречьев добрался до ц. Успения в Волотове, то увидел невысокий заросший холм, в который превратились руины церкви. Из всего этого предстояло воссоздать памятник древней архитектуры. Прежде всего начались раскопки — вернее, «откопки» наружных стен. Работами руководил научный сотрудник мастерской Н.А. Чернышев. Уже летом того же года все наружные завалы удалось устранить. Внутреннее «содержание» решили пока не трогать — из них предстояло выбрать несколько тонн осколков от обвалившихся фресок, чтобы потом, в течение многих лет, собирать художественные композиции.

После наружной расчистки Леониду Егоровичу предстояло тщательно провести археологические обмеры всех уцелевших частей церкви, зафиксировать все детали, кирпичи и камни кладки, изготовить чертежи. Вот где пригодились чертежи и рисунки предшественников. Затем уже был разработан проект консервации руин. К концу лета его удалось осуществить. Уцелевшие стены и притворы были закреплены в сохранившихся приделах, новую временную кладку отделили от древней бороздкой. Над образовавшимися стенами возвели покатые крыши из оцинкованного железа. Несколько десятилетий предстояло просуществовать памятнику под этим временным покрытием.

В 1956 г. Леонид Егорович уже с женой Натальей Михайловной отправился в «свадебное путешествие», которым стала длительная командировка в Старую Руссу и Валдай, где им предписывалось выполнить проектную документацию по Воскресенскому собору с колокольной, провести самые необходимые ремонтно-реставрационные работы. Такие же занятия ожидали их и в валдайской церкви Екатерины.

Жена Красноречьева оказалась не только любящим другом, но и верным соратником в их общем деле — восстановлении и сохранении памятников древнерусского зодчества. Они были так увлечены своей работой, что в шутку называли её модным в то время словом «хобби».

Истинный реставратор никогда не ограничивается изучением только «своего» памятника — он жаждет видеть, изучать, сравнивать десятки

памятников, его интересует мнение коллег, поэтому с огромным удовольствием Красноречьевы участвовали в различных семинарах по обмену опытом, которые в 60-е годы регулярно проводились в древнерусских городах, на базах крупных реставрационных мастерских.

Но и дома, в Новгороде, они стремились найти что-то новое из забытого старого. В выходные дни молодёжная компания, к которой присоединялась их наставник Любовь Митрофановна Шуляк, отправлялась на прогулку то пешком — в Хутынский монастырь, то на пароходе — в Клопский монастырь. На баркасе «Реставратор» по Мсте добирались до д. Русско, которая в те годы была живым музеем народной архитектуры. Зимой компания вставала на лыжи и отправлялась в недоступные летом места.

...Соборы, часовни, монастырские ансамбли. Весьма часто строительно-реставрационные работы велись сразу на нескольких объектах, и

Леониду Егоровичу доводилось бывать не только архитектором, но и нормировщиком, и мастером, и третейским судьёй в конфликтных ситуациях. Рабочие дни оказывались короткими, поэтому приходилось продолжать их ночами: чертежи, расчёты, новые варианты вследствие новых данных, полученных при углублённом изучении сооружения или выявлении неизвестных ещё документов.

Казалось бы, достигнуты неплохие результаты, создана своя школа реставрации, выросли молодые специалисты. Чего ещё душе угодно? А душе было угодно заняться спасением деревянных построек, которых находилось множество в лесисто-болотистой Новгородчине, ведь дерево было первичным материалом для наших предков.

В послевоенные годы ещё сохранялись десятки рубленых церквей, мельниц, жилых домов, но они как-то не привлекали внимания историков. В планах мастерской о дереве не было и речи, однако проницательный взгляд мастера разглядел в потемневших брёвнах и красоту строения, и талант создателей. Сперва обследования проводились от отпуска к отпуску, но уже по первым находкам были сделаны утешительные выводы — есть, что искать, есть, что спасать, есть, чему поучиться.

В 1959 году при поддержке начальника областной инспекции по охране памятников Л.Я. Тынtareвой Леонид Егорович начал целенаправленное выявление деревянных сооружений. Вскоре и высшие инстанции культурной сферы осознали недолговечное состояние этих памятников — стали поступать сведения об их гибели в разных областях страны. Решено было использовать «музеи под открытым небом», где можно было бы сохранять сооружения разом и в большом собрании. Тем более в Европе, особенно в скандинавских странах, подобные музеи уже приобрели всеобщую популярность.

В 1964 году министерство культуры РСФСР подписало приказ о создании в нескольких городах музеев деревянного зодчества, в том числе и в Новгороде, а 5 июня того же года Новгородисполком своим решением отвёл для музея территорию бывшей Орловской мызы. Этот день стал официальным днём рождения музея с названием «Витославицы» — в память о древнем селе, существовавшем здесь с XII века.

Началась разборка и перевоз памятников на новые места обитания. Конечно, нашлись и противники музея, которые полагали, что постройки должны стоять на изначальных местах в первобытном окружении. Но кто мог гарантировать их сохранность в глухих лесах, покинутых деревнях? Разве мало уже потерь?

Первым экспонатом необычного музея стала ц. Успеня из д. Курицко, где она стояла на крутом берегу Ильменя и, кроме прямого предназначения, служила для рыбаков родным надёжным маяком. И на новом месте храм поставили на краю «деревни», на берегу озера Мячино, недалеко от Волхова.

За Курицкой церковью появились и другие из разных районов области, к ним присоединились старинные избы с сараями. В одних избах можно узнать, как они топились «по-чёрному», в других — увидеть большое крестьянское хозяйство под одной крышей. Огромный, уже потерянный мир бытования русских селян оживает перед вами в «Витославицах».

Занимаясь перевозкой и расстановкой новых объектов, Красноречьев одновременно продумывал и разрабатывал концепцию организации музея деревянного зодчества. В 1967 году он создал эскизный проект такого хранилища: схематический генплан, положение о музее, принципы организации музея. Проект получил одобрение в министерстве культуры республики.

Дальнейшая работа в «Витославицах» позволяла корректировать проект, вносить дополнения. Появились новые методы доставки и монтирования памятников, совершенствовались прежние. Масштабный проект

музея деревянного зодчества Л.Е. Красноречьев разработал в последующие 1989—1991 годы. Он подвёл итоги многолетних исследований и выявления памятников деревянного зодчества Новгородской области, обосновал методы реставрационных работ, существенно дополнил инфраструктуру музея: ввёл бани, амбары, колодцы, мостки, приусадебные участки. Проект предусматривает на территории заповедника более 80 построек различного назначения.

В наши дни «Витославлицы» стали одним из любимых мест отдыха и новгородцев, и гостей города. Здесь регулярно проводятся фольклорные праздники и

фестивали, ярмарки народного творчества и ремёсел. Число памятников постоянно увеличивается и приближается к 30 объектам. В 1991 году вышла небольшая книга Л.Е. Красноречьева «Исследование и реставрация памятников деревянного зодчества. По опыту работы в Новгородской области». В ней автор обобщил обширные сведения по методике и практике проведения натурных исследований, принципы создания проектов реставрации. Приведены способы врубок, соединений элементов, развития форм, имеются материалы по обработке и заготовке материала. Книгу можно считать практическим пособием по реставрации и ремонтным работам на памятниках деревянной

архитектуры. Все эти работы познал Леонид Егорович своими руками — он словно воскресил опыт своего далёкого прадеда — тверского мастерового, строителя плотин и мельниц.

Как быстро летят наши годы! Вот уже сын и дочь растят своих детей, вот уже миновали неизбежные юбилеи и даты, появилось звание заслуженного работника культуры РСФСР, потом — почётного гражданина Великого Новгорода. Звезда мастера взошла неожиданно, когда о ней не думали — не гадали: в 1996 году Леониду Егоровичу Красноречьеву, архитектору-реставратору, присуждается Государственная премия — за огромный вклад в сохранение древнерусского архитектурного наследия, за создание музея деревянного зодчества.

Эта же звезда, словно верная комета, через несколько лет снова взошла над его судьбой: в 2004 году Леониду Красноречьеву вместе с соратником — Ницелью Кузьминой

присуждается Государственная премия в области литературы и искусства.

Помните первую самостоятельную разработку Красноречьева в 1955 году — о консервации и дальнейшем воссоздании памятника? Через сорок шесть лет пробил её час: 5 июня 2001 года в Великом Новгороде было подписано соглашение между Россией и Германией об оказании последней безвозмездной помощи в восстановлении церкви Успения и реставрации её фресок. Финансировать эти работы взялась немецкая фирма «Винтерс халл А.Г.» и выделила на эти работы 1,5 млн. марок. Вот когда пригодились разработки Л.Е. Красноречьева по спасению памятника, которые в дальнейшем использовала Н.Н. Кузьмина. В августе 2003 года состоялось торжественное открытие поднявшейся из руин церкви Успения, которую стали считать символом примирения России и Германии. (Работа над фресками XIV века ещё продолжается в мастерской художника-реставратора Т.И. Анисимовой.)

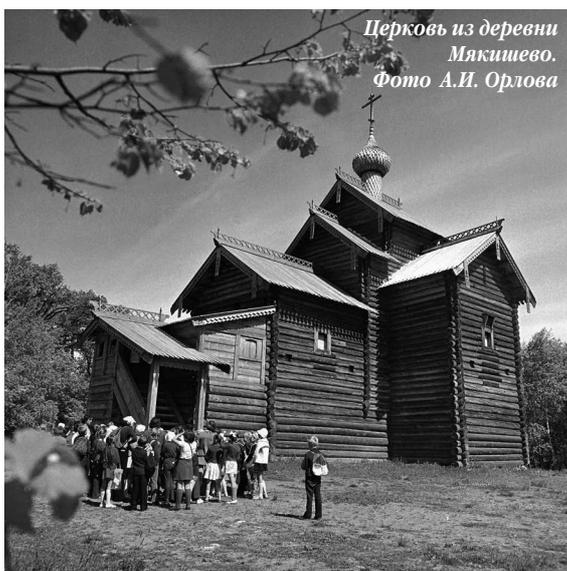
В октябре 2007 года Леониду Егоровичу исполнилось 75 лет. Годовщину отметили скромно — без научной конференции по проблемам реставрации древнерусских памятников, без художественной выставки акварелей и рисунков мастера. Но суетные заботы переходящи, а новгородская история всегда будет хранить имя и деяния заслуженного мастера реставрационных дел Леонида КРАСНОРЕЧЬЕВА.

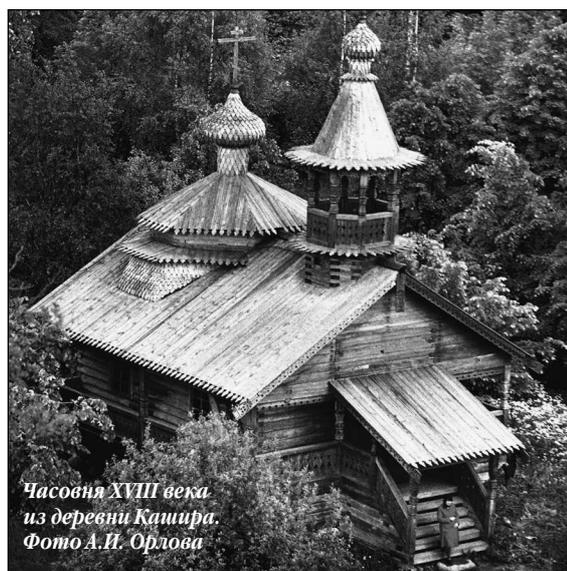
Н.М. Красноречьева

СПИСОК ПРОЕКТНЫХ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ, ВЫПОЛНЕННЫХ
Л.Е. КРАСНОРЕЧЬЕВЫМ ПО ПАМЯТНИКАМ АРХИТЕКТУРЫ В 1952—1998 гг.

1. Церковь Рождества в с. Сопины. XVIII в. Реконструкция. Боровичский р-н. 1950.
2. Церковь Фёдора Стратилата на Ручью. XIV в. Участие в работах совместно с Л.М. Шуляк. Новгород. 1952.
3. Церковь Ивана Богослова на Витке. XIV в. Участие в работах совместно с Л.М. Шуляк. Новгород. 1952—1957.
4. Церковь Успения на Волотове. XIV в. Исследования, обмеры, проект реставрации и консервации. Новгород. 1954.
5. Церковь Власия. XV в. Проект реставрации и реконструкции на первоначальную дату. Проекты работ совместно с Д.М. Фёдоровым. Новгород. 1954—1955.
6. Церковь Рождества Богородицы на Молоткове. XIV—XVII вв. Проект реставрации и реконструкции на первоначальную дату. Новгород. 1955—1956.
7. Воскресенский собор и колокольня. XVII—XIX вв. Обмеры, исследования, проект реставрации. Старая Русса. 1956—1957.
8. Церковь Екатерины XVIII в. и часовня XIX в. Обмеры, исследования. Проект реставрации. Валдай. 1956—1957.
9. Церковь Двенадцати апостолов «на пропасть». XV в. Обмеры, исследования, проект реставрации. Новгород. 1957.
10. Иверский монастырь XVII—XIX вв. (стены и башни, Успенский собор, трапезная, колокольня, церковь Михаила Архангела, корпуса — настоятельский, братский, нарышкинский, хозяйственные постройки). Обмеры, исследования, проект реставрации. Валдай. 1957—1985.
11. Церковь Казанской Богоматери в д. Илемно. XVII в. Обмеры, исследования, проект реставрации. Солецкий р-н. 1959.
12. Церковь Благовещения на Мячине. XII—XVII вв. Проект реставрации. Новгород. 1959.
13. Вал Окольного города XII, XIV, XVII вв. Исследование и обмеры отдельных участков совместно с М.Х. Алешковским. Новгород. 1959.
14. Церковь Троицы в пос. Турны (приписана к Иверскому монастырю, современная Тверская обл.) XVII в. Обмеры, реконструкция. Валдай. 1959—1961.
15. Церковь Воскресения на Мячине. XII—XV вв. Исследования, обмеры, проект реставрации и консервации. Новгород. 1959—1961.
16. Церковь Ивана Милостивого на Мячине. XV—XVII вв. Проект реставрации и реконструкции на первоначальную дату. Новгород. 1959—1961.
17. Покровская башня XIV, XVI, XVIII вв. и церковь в кремле. Проект реставрации и реконструкции на первоначальную дату. Проект приспособления совместно с А.А. Шальковичем и А.В. Воробьевым. Новгород. 1959—1961.
18. Собор Михайло-Клопского монастыря. XVI в. Исследования, обмеры. Проект реставрации и реконструкции. Новгород. 1959—1962.
19. Комплекс церквей Благовещения и Михаила Архангела на Торгу с переходом и колокольней. Проект реставрации и варианты реконструкции на восемь строительных периодов. Новгород. 1959—1962.
20. Музей народного деревянного зодчества Витославицы. (Церквей и часовен — 10, жилых построек — 5, хозяйственных и производственных — 9). Исследования, обмеры, проект реставрации. Проектная документация по музею в целом, реконструкция погоста (центра музея) и отдельных секторов. Новгород. 1959—1998.
21. Церковь Спаса на Ковалёве. XIV в. Исследования, обмеры, проект реставрации. Новгород. 1960.
22. Светёлка в музее-усадьбе А.В. Суворова XVIII в. (летний дом) в с. Кончанском. Проект реставрации. Боровичский р-н. 1960.
23. Церковь Рождества Богородицы в д. Рышево. XVIII в. Проект реставрации. Новгородский р-н. 1961.

*Церковь из деревни
Мякишево.
Фото А.И. Орлова*

*Часовня XVIII века
из деревни Кашира.
Фото А.И. Орлова*

24. Церковь Рождества в Перыни. XIII в. Исследования, обмеры, проект реставрации. Новгород. 1961—1962.

25. Аркажский монастырь. XII, XIV, XV вв. Исследования, обмеры, реконструкции планов трёх церквей. Новгород. 1961—1962.

26. Вяжищинский монастырь. XVII—XVIII вв. (Никольский собор, трапезная с церквами и колокольной, переход с крыльцами). Исследования, обмеры. Проект реставрации, проект охранной зоны. 1963—1985.

27. Трапезная Воскресенского (Тихвинского) монастыря на Красном поле. XVI в. Исследования, реконструкции. 1964.

28. Георгиевская церковь в д. Ручьи. XVIII в. Обмеры, исследования, реконструкции. Крестецкий р-н. 1966—1967.

29. Церковь Петра и Павла в д. Холова. XVIII в. Обмеры, исследования, реконструкции. Крестецкий р-н. 1967.

30. Церковь Троицы в д. Дубки (Чижово). XVIII в. Обмеры, исследования, реконструкции. Крестецкий р-н. 1967.

31. Церковь Троицы в с. Захарьино Новгородского р-на. XVII в. Проект реставрации. Новгородский р-н. 1971—1998.

32. Собор Рождества Антониева монастыря. XII в. Исследования, обмеры, реконструкции. Новгород. 1984—1985.

33. Покровский собор Зверина монастыря. XIX—XX вв. Проект реставрации и реконструкции на первоначальную

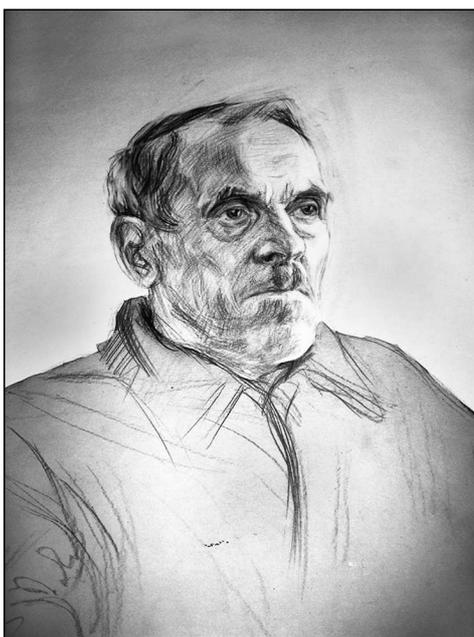
дату. Проект восстановления фрагментов и деталей собора, проект ограды и благоустройства охранной зоны. Новгород. 1996.

34. Церковь Благовещения на Городище. XII—XIV в. Исследования, обмеры, проект реставрации и консервации. Новгород. 1964—1971.

35. Церковь Троицы в Ямской слободе. XIV—XIX вв. Проект реставрации и реконструкции на первоначальную дату. Новгород. 1964.

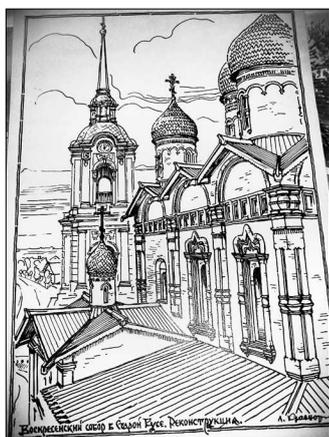
36. Десятки памятников исследованы и обмерены во время экспедиций по области. Частично выполнены проекты реконструкции. Крестецкий р-н. 1959, 1961—1992.

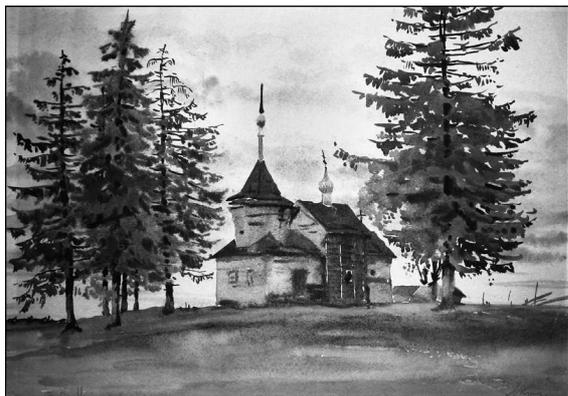

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ Л.Е. КРАСНОРЕЧЬЕВА

1. Археологические исследования на месте Аркажского монастыря под Новгородом // Культура и искусство Древней Руси. Л., 1957. С. 69—76 (совм. с С.Н. Орловым).
2. Церковь Двенадцати апостолов. Новгород, 1958. Серия: Памятники архитектуры Новгорода.

3. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города. М., 1964. С. 183—263. (Совм. с Т.В. Гладенко, Г.М. Штендером, Л.М. Шуляк).
4. Обследование, учёт и охрана памятников деревянного зодчества в Новгородской области // Памятники культуры Русского Севера. Тезисы докладов и сообщений. М., 1996. С. 44.
5. Поэзия русского зодчества // Новгородская правда. 1966. 7 января.
6. Деревянная гостя из Передок // Новгородская правда. 1968. 16 марта.
7. Покрытия новгородских памятников XVI в. Из отчёта работы новгородских реставраторов // Сопровождение по вопросам подготовки памятников истории и культуры для использования их в культурных и хозяйственных целях. Новгород; Л., 1970.
8. Отчёт реставрационных работ Новгородской мастерской // Вопросы охраны, реставрации, пропаганды памятников истории и культуры. М., 1970. Вып. 2. С. 76—86.
9. О датировке вала и рва Новгородского острога // Советская археология. М., 1970. № 4. С. 54—73. (Совм. с М.Х. Алешковским).
10. «Как мера и красота скажут...». Л., 1971 (совм. с Л.Я. Тынтаревой).
11. Новгородский музей народного деревянного зодчества Витославлицы // Сохранение памятников деревянного зодчества и организация музеев под открытым небом. Тезисы докладов. М., 1972. С. 8—9.
12. Златоустовская башня: Рисунок-реконструкция // Новгородская правда. 1972. 7 апреля.
13. Короткое интервью // Там же. 1973. 2 сентября.
14. Будущее Витославлиц // Там же. 1974. 18 ноября.
15. К датировке вала и рва новгородского острога. (Ответ С.Н. Орлову) // Советская археология. М., 1977. № 3. С. 392—395 (совм. с М.Х. Алешковским).
16. О датировке Волотовских фресок // Древнерусское искусство. М., 1977. С. 149—152.
17. О чём болит сердце: «Предать забвению?» // Новгородская правда. 1980. 10 июля.
18. «Иверское чудо» Л., 1982 (совм. с Э.Г. Истоминой).
19. Троицкая церковь из Рёконского монастыря — памятник народного деревянного зодчества XVII в. // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1985. С. 489—490 (совм. с Л.А. Секретарь).
20. Реставрация памятника XVI в. — клетской церкви из села Никулина Новгородской области // Сохранение памятников деревянного зодчества. М., 1988. С. 135—173 (совм. с Л.А. Секретарь).
21. К истории Софийского собора // «Где святая София, там и Новгород». СПб., 1997. С. 42—43.

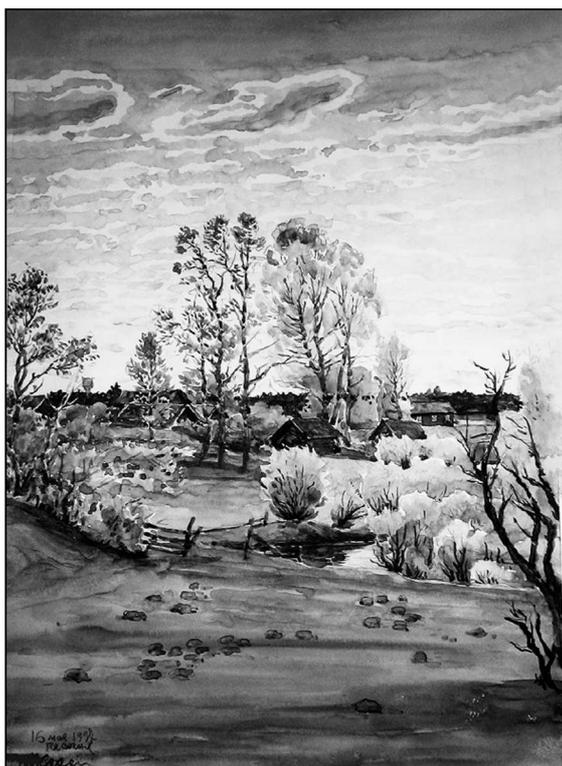
ПОЯСНИТЕЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ К ПРОЕКТАМ РЕСТАВРАЦИИ

1. Церковь Спаса на Ковалёве.
2. Церковь Благовещения на Городище.
3. Церковь Иоанна Милостивого на Мячине.
4. Церковь Воскресения на Мячине.
5. Витославицы. Проект генплана.
6. Церковь Рождества в Перыни.
7. Иверский монастырь в Валдае.
8. Церковь Троицы на Пролетарской улице.

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ И РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ

1. Церковь Успения на Волотове.
2. Церковь Рождества Богородицы на Молоткове.
3. Церковь Спаса на Ковалёве.
4. Комплекс церквей Благовещения и Михаила Архангела на Торгу с переходом и колокольней.
5. Церковь Ивана Богослова на Мячине.
6. Церковь Воскресения на Мячине.
7. Памятники Аркажского Успенского монастыря (три памятника).
8. Церковь Троицы на Пролетарской улице.
9. Церковь Благовещения на Мячине.
10. Церковь Рождества в Перыни.
11. Троицкий собор Клопского монастыря.
12. Воскресенский собор и колокольня в Старой Руссе.
13. Церковь Двенадцати апостолов.
14. Церковь Екатерины в Валдае.
15. Церковь Успения из с. Курицко.
16. Церковь Николая из Тухоли.
17. Церковь Николая из Мякишева.
18. Церковь Рождества Богородицы из Передок.
19. Церковь Николая из Высокого Острова.
20. Церковь Успения из Никулина.
21. Церковь Троицы из Режи.
22. Часовня из Малышева.
23. Часовня из д. Кашира.

24. Часовня из д. Гарь.
25. Изба Екимовой из д. Рышево.
26. Изба Туницкого из Пырищ.
27. Изба Царёвой из Пырищ.
28. Изба Шкипарева из Частовы.

*В публикации использованы рисунки, фотографии и работы из домашнего архива Л.Е. Красноречьева.
Фото Е.М. Ипатовой*

Топонимические свидетельства о древненовгородских двуосновных личных именах, не отмеченных письменностью

Географические названия являются очень важным, но до сих пор недостаточно используемым источником для воссоздания древних, давно уже забытых антропонимов — личных имён, прозвищ, реже — фамилий. Значимость топонимии обусловлена тем обстоятельством, что некоторые разряды географических названий по большей части образованы от антропонимов. Например, по подсчётам разных исследователей, до 70 (а иногда и более) процентов всех названий населённых пунктов и урочищ в средней полосе России отантропонимны. По всей же огромной Российской Федерации без всякого преувеличения найдутся многие сотни тысяч топонимов разных типов, так или иначе обусловленных именами людей. Топонимия позволяет восстановить вышедшую из употребления антропонимию как систему устоявшихся личных наименований, популярных в отдалённые исторические эпохи, в различных деталях их сложения, функционирования, развития, принадлежности к той или иной территории. При этом необходимо различать два типа топонимического отражения личных имён. Первый тип: личное имя «просвечивает» в топониме и удостоверяется (хотя бы единично) в том или ином виде письменной документацией и/или современным употреблением. Второй тип: личное имя уверенно или предположительно восстанавливается по топониму, но в силу различных причин остаётся без документального подтверждения. Последнее означает, что по крайней мере в наличном, выявленном на сегодняшний день корпусе всех исторических письменных источников личное имя, восстанавливаемое по топониму, не обнаружено.

Трудно сказать, каких топонимов больше: тех, которые мотивированы зафиксированными личными именами, либо тех, отантропонимное образование которых только предполагается. Названия первого типа (с достоверными антропоосновами) трактуются обычно без особых сложностей, если обнаружены соответствующие антропонимы. В современном топонимическом ландшафте таких названий очень много, одни из них совершенно прозрачны, поскольку соотносятся с широко известными именами и фамилиями (*Марково, Леонтьево, Воробьёво*), другие не слишком очевидны, поскольку требуют обращения к малоизвестной диалектной или уже вышедшей из обихода исторической антропонимии (*Витославлицы, Кураково, Миронегово*). Названия второго типа (с вероятными антропоосновами, например *Велбуже, Налючи*), часто неясные, требующие этимологического анализа, более

ожидаемы в исторической топонимии, извлечённой из старописьменных и древнеписьменных источников.

Грань между географическими названиями с достоверными антропоосновами и названиями с вероятными антропоосновами изменчива и постоянно сдвигается в пользу первых, которых со временем становится всё больше. В основном она определяется полнотой использования антропонимических материалов. Наши знания всегда относительны, и чем скрупулёзнее исследователь извлечёт из имеющихся текстов антропонимию, прежде всего средневековую, тем большее количество названий получит достоверное отантропонимное объяснение. Вместе с тем со временем публикуются ранее недоступные письменные источники и обнаруживаются новые тексты, содержащие личные имена. Например, в книге «Архаическая топонимия Новгородской земли», принадлежащей автору этих строк и опубликованной в 2005 г. на основе географических названий *Воибуцкая Гора*, дер. неподалёку от Вышнего Волочка, и *Wobbanz*, село в Германии на острове Рюген, было реконструировано и приведено древнеславянское личное имя **Воибудъ*¹. Оно так и оставалось бы реконструкцией, пусть и достаточно надёжной, если бы новгородские раскопки в следующем 2006 г. не открыли берестяную грамоту, документирующую бытование этого имени у древних новгородцев. В частности, в грамоте № 957 (1-я четв. XII в.) упоминается «*Воибудино*» лукошко, т. е. принадлежащее некоему *Воибуду* (или *Воибуде*)².

Вообще говоря, во всех старинных и древних письменных текстах есть разнообразные личные имена, а многие средневековые тексты буквально насыщены антропонимией. Летописи, берестяные письма, писцовые, кабальные, таможенные книги, акты и описи на владение землёй или имуществом, синодики, ревизские сказки, реестры и др. содержат целые россыпи личных имён, прозвищ, патронимических и фамильных прозваний, что позволяет проследить функциональность русской антропонимии в зависимости от эпохи, местности, типа документа, социальной принадлежности носителей имён. Наряду с исторической документацией

¹ Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005. С. 326.

² Зализняк А.А., Янин В.Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2006 г. // Вопросы языкознания, 2007, № 3. С. 4.

хранителем памяти о забытых сегодня личных именах являются географические имена. Так, например, топонимия Русского Северо-Запада, прикрепленная к области бывшего пятинного деления Великого Новгорода, сохраняет память о большой серии древнеславянских двусосновных личных имён, популярных в этом регионе и за его пределами преимущественно до XIII столетия. Список таких имён, отражённых новгородскими географическими названиями, по нашим подсчётам, довольно внушителен: *Будогость, Будославъ, Буславъ, Велегость/Вельгость, Видогость, Видомиръ/Видѣмиръ, Витославъ, Воибудъ, Воегость/Воигость, Воимиръ/Воимѣръ, Воинѣгъ, Воиславъ, Вьсеславъ, Вячемиръ/Вячѣмѣръ, Гориславъ, Голславъ, Гостивитъ, Гостымиръ/Гостымѣръ, Даныславъ, Доброгость, Добромысль, Доброславъ, Домагость, Домаславъ/Домославъ, Дорогобудъ, Доро(го)гость, Желѣгость/Желегость, Жиронѣгъ, Жирославъ, Житобудъ, Ладомиръ/Ладомѣръ/Лад(и)мѣръ, Любовидъ, Любогость/Любогость, Людогость/Людьгость, Людимиръ, Милогость, Милодѣдъ, Милобудъ, Милонѣгъ, Миробудъ, Мѣробудъ, Миронѣгъ, Мирославъ, Мыслигость/Мыслогость, Нѣговитъ, Недабыль, Оногость (или Унѣгость), Он(о)дорогъ/Он(о)дрогъ, Пирогость, Рад(о)быль, Радовидъ, Радогость, Радомиръ/Радомѣръ, Радонѣгъ, Радославъ, Раславъ/Рад(и)славъ, Ратьмиръ/Ратьмѣръ, Рядогость, Сеславъ (или Сѣславъ), Слав(о)гость, Судимиръ/Судимѣръ (или Сядимиръ/Сядимѣръ), Твердомиръ, Унѣмиръ/Унѣмѣръ, Хот(ѣ)миръ, Хотѣрадъ, Хотобудъ/Хотѣбудъ, Хотѣславъ, Чагость, Чаславъ/Чеславъ. Все эти двусосновные имена проявляются (прямо или опосредованно, через производные от них личные имена) в письменности Новгородской земли (до XVI в.) и/или в документации иных славянских территорий далеко за пределами Русского Северо-Запада.*

Если топонимия, произведённая от засвидетельствованных личных имён, нередко объяснима без особых трудностей (достаточно лишь ссылки на письменный источник, содержащий такое имя), то анализ географических названий с вероятными антропоосновами включает обоснование былого существования лежащих в их основе невыявленных антропонимов. Реконструируемые личные имена должны полностью «вписываться» в специфику общей антропонимической системы языка на том или ином хронологическом срезе. Это означает, что реконструируемые имена состоят из тех же структурных элементов и образуются по тем же образцам, что и достоверно известные по письменности личные имена. Они так же, как все остальные известные антропонимы, отражаются в топонимии, образованной по типовым антропонимным моделям (причём нередко отражаются даже не в одном, а в нескольких географических названиях на разных территориях).

Далее рассматриваются отдельные географические названия Новгородской земли, образованные от незасвидетельствованных письменностью древнеславянских двусосновных (композиционных, сложных) личных имён. Новгородские топонимы, отражающие двусосновные имена, созданы по разным словообразовательным моделям. Чаще всего они образованы при помощи т. н. «йотовой суффиксации». Внешне йотовая суффиксация проявляется закономерной меной согласных ($p > p'$, $l > l'$, $n > n'$, $d > ж$, $t > ч$, $st > ш$, $b > бл'$, $v > вл'$, $m > мл'$, $z > ж$, $x > ш$, $k > ч$, $z > ж$, $c > ш$), причём первые звуки перечисленных пар являются конечными согласными

основ исходных антропонимов, вторые принадлежат основам мотивированных ими топонимов, например: личн. *Дорогобудъ* > геогр. *Дорогобуж*, личн. *Доброгость* > геогр. *Доброгоща* и т. д. Некоторые топонимы образованы при помощи суффиксов *-ичи* или *-ицы* (личн. *Воимиръ* > геогр. *Воимирицы*, личн. *Гостымѣръ* > геогр. *Гостымѣричи*). Иногда топонимы от композиционных имён созданы суффиксами *-ово*, *-ево*, *-ино* (например, личн. *Ратьмиръ* > геогр. *Ратьмирово*). Встречаются и такие случаи, когда топоним произведён от двусосновного антропонима, но не показывает определённой суффиксации (например, личн. *Гориславъ* > геогр. *Гореслава*).

Излагаемые ниже топонимические и антропонимические факты извлечены из разнообразной, средневековой и современной, письменной документации исторической Новгородской земли и иных областей славянского мира. Главными источниками средневековой топонимии были опубликованные «Новгородские писцовые книги» конца XV—XVI вв. и «Писцовые книги Новгородской земли», топонимия нового времени берётся чаще всего из «Списков населённых мест Новгородской губернии» нач. XX в. и «Списков населённых мест Российской империи» 2-й пол. XIX в. Основными источниками средневековой композиционной антропонимии Новгородской земли явились новгородские берестяные грамоты, ранние летописи и акты, для межславянского антропонимического сравнения использовались фундаментальные материалы многотомного «Словаря древнепольских личных имен», богатые собрания древних личных имён из работ Я. Свободы, С. Роспонда, Г. Шлимперта, О. Кронштейнера, В. Ташицкого, Й. Заимова, М. Морочкина, Н. Тупикова, М. Гркович и др. Далее ссылки на эти и другие письменные материалы опущены (в полном виде они приведены в кн.: [Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли. Древнеславянские деантропонимные образования. Великий Новгород, 2005]). Не отмеченные письменностью (восстанавливаемые) личные имена выделены звёздочкой (*). Широко применяются сокращения: геогр. — географическое название, личн. — личное имя, наименования языков, территорий тоже обычно даны в сокращениях (подробности их расшифровки см. в указанной выше книге). Анализируемые ниже географические названия сгруппированы по тождеству постпозитивных (вторых) частей сложений, что указывает на соотнесённость той или иной группы топонимов с антропонимами одной структурно-словообразовательной модели. В частности, последовательно, по группам, восстанавливаются двусосновные личные имена со вторыми компонентами: 1) *-видъ*, 2) *-нѣгъ*, 3) *-будъ*, 4) *-чадъ*, 5) *-жиръ*, 6) *-миръ/-мѣръ*, 7) *-любъ*, 8) *-мысль*, 9) *-гость*. Такая систематизация в любом случае повышает надёжность реконструкции не отмеченных письменностью личных имён.

Туховежи дер. в Лужском р-не Ленинградской обл. Ойконим прослежен начиная со 2-й пол. XVI в.: *Туховижа* дер. в Тесовской волости, согласно писцовой книге Водской пятины 1568 г.; более поздняя документация по Тесовской и Полянкой волостям даёт следующие варианты названия: *Туховижи* 1573—1578 и 1582 гг., *Туховижа* 1584 г., *Тоховижа* 1620, 1629 гг., *Туховежи* 1612, 1546, 1669, 1674—1678, 1709, 1718, 1748 гг., *Туховежа* дер. 1788 г. Восходит к незасвидетельствованному древнему имени **Туховидъ*, компоненты которого

в различных сочетаниях знакомы общеславянскому антропонимикону. Данное имя, с одной стороны, принадлежит к типу двусловных личных имён **Tuchomǫrъ*, **Tuchomyšlъ*, **Tuchorađъ*, тоже не засвидетельствованных, но прослеживаемых по топонимии Чехии (по геогр. *Tuchoměřice*, *Tuchomyšl*, *Tuchoraz*), сюда же по лаб. личн. **Tuchobađ*, давшее название немецкого села *Tucheband* к востоку от Берлина; с другой стороны, личн. **Tуховидъ* относится к антропонимической модели на *-видъ* (ср. рус. *видеть*), которую составляют польск. личн. *Lubowid*, чеш. *Dobrowid*, *Snovid*, *Závid*, др.-новг. *Сновидъ*, *Завидъ* из берестяных грамот. В памятниках западно- и южнославянских отмечены др.-чеш. личн. *Tichota*, *Tuchoň*, *Tuchom*, *Tušim*, др.-польск. *Tuch*, *Tuchota*, болг. *Тухо*, *Тухол*, др.-луж. *Tuš*, обычно рассматриваемые в качестве гипокористик, производных от композитов. Первый компонент личн. **Tуховидъ* имеет чёткие ареальные признаки: он соотносится с польск. *otucha* 'надежда, упование, бодрый дух; доброе предзнаменование', др.-чеш. *odtucha* 'то же', польск. *tuszyc* 'вселять надежду', чеш. *tušiti* 'надеяться', — эти лексемы, родственные прасл. **tušiti* 'тушить (огонь); успокаивать', **tixъ(jь)* 'тихий', прус. *tusnan* 'тихий', развилй особое значение удовлетворения, надежды, упования и ограничены лишь западнославянским ареалом. Следовательно, новг. геогр. *Туховежи* «высвечивает» своим первым компонентом отчётливое новгородско-западнославянское сходжение. Максимально похожим межтерриториальным соответствием к нему выглядит геогр. *Тиховиж* р. в Ровенской обл. Украины. Этот, второй, гидроним рассматривался среди отапельлятивных образований с суф. *-иж*, однако, на наш взгляд, его лучше возводить к личн. **Tуховидъ*, которое коррелирует с др.-новг. личн. **Tуховидъ*, репрезентируя иной вариант общего корня.

Вховеж дер. севернее Порхова в Дубровенском погосте, указанная под 1576 г., к концу XVIII в. превратившаяся в пуст. *Вховежи*, согласно межевым материалам екатерининской эпохи. Топоним возводится к уникальному личн. **Вхловидъ*, первый компонент которого представлен отражённым в берестяных грамотах др.-новг. диалектным местоимением *вхло* 'все' без эффекта третьей палатализации. Иной вариант этого же географического названия, данный в писцовых книгах 1498 г., — *Всевиж* — имеет «стандартный» древнерусский облик. Семантически личн. **Вхловидъ*/**Всевидъ* — 'все видящий; все знающий'; ср. к первому компоненту известное личн. *Всеславъ*, ко второму — личн. *Любовидъ*, *Сновидъ*, *Завидъ* и др.

Теребовижа дер. Щирского погоста (в верховьях р. Плюссы) 1498 г., сохранявшаяся до конца XVIII столетия. Название обусловлено личн. **Теребовидъ* (модель древнеписьменного личн. *Любовидъ* и др.). Помимо Новгородской земли, йотово-посессивные топонимы на базе данного личного имени есть в Польше (геогр. *Trzebowidz*) и Чехии (геогр. *Třebiz*). В самостоятельном использовании отмечены сходные имена: словен. *Trebevoj*, *Trebemer*, польск. *Trzebiebor*, альпослав. *Trǫbiněgъ* (по записи *«Trebenge»* из немецкого источника) с тождественным первым компонентом (родственным рус. *требовать*), но в иной огласовке; ср. ещё похожие др.-польск. личн. *Trzebowit*, альпослав. *Trebwit*.

Хотовижи дер. Успенского Сабельского погоста Водской пятины (в верховьях Лути) под 1500 г., позднее

Хотовижа 1568 и 1582 гт., далее по источникам не прослеживается. Объясняется личн. **Хотовидъ*, которое не зафиксировано, но восстанавливается по нескольким архаическим топонимам. Среди них геогр. *Хотовиж* дер. в Могилевской обл. Белоруссии, стоящая на р. *Хатовишка/Хотовишка*, лев. пр. Осетра, лев. пр. Сожи. Данный гидроним считали неясным, однако антропонимические композиты с элементами *-хот-* (ср. *хотеть*) и *-вид-* (ср. *видеть*) в различных комбинациях хорошо известны. Сюда же *Фотовиж* р. в бассейне Десны на территории Сумской обл. Украины и *Фотивиж* дер. на руч. Смолянка неподалёку от Севска в бывшей Орловской губ.: данные названия, по всей вероятности, территориально смежные, тоже образованы на основе личн. **Хотовидъ*/**Хотивидъ*.

Ганежи ур. в Сланцевском р-не Ленинградской обл. в среднем течении р. Луги, = *Гонеж/Гонежи* дер. в Гдовском у. бывшей Петербургской губ., = *Гонежи* дер. в Сумерском погосте Шелонской пятины 1-й пол. XVI в. Название возводится к незафиксированному личн. **Гоинъгъ*, сложенному из *Гои-*, к **goj-* 'быть сильным, здоровым' (ср. др.-рус. *гоило* 'половой член') + компонент *-нъгъ* (тот же, что в словах *нега*, *нежный*). Общая модель образования антропонимов со вторым компонентом *-нъгъ* является очень характерной для славян, представленной большим количеством имён. Относительно первого компонента ср. композитные чеш. личн. *Hojislav*, словен. *Gojmir*, альпослав. *Gojъslav*, серб. *Gojисав*.

Гостиниж дер. на р. Медведице близ гор. Кашин Тверской губ. 2-й пол. XIX в., = *Гостинъж* дер. «поставлена на двое» в Спасском Клинецком пог. Бежецкой пятины 1545 г. Название обусловлено вост.-слав. личн. **Гостинъгъ*/**Гостинъгъ*, которое отражено ещё парой восточнославянских топонимов: новг. геогр. *Госнъгъ* дер. в Никольском Удомельском погосте Бежецкой пятины под 1499 и 1545 гт., и украинским геогр. *Госнѣжичі* в верхнем течении Западного Буга. Компоненты *гост-* (ср. *гость*, *гостить*) и *нъг-* активно использовались при образовании различных др.-слав. композитных имён.

Хотнежа дер. в Волосовском р-не Ленинградской обл. Ранее это название относилось к двум смежным пунктам на р. Лемовжа при впадении в Лугу: *Хотнежа Большая* и *Хотнежа Малая* — дер. Ямбургского уезда Петербургской губ. Идентифицируется со средневековой дер. *Хотнъж* на р. Лемовже в Ястребинском Никольском погосте 1500 г. Обусловлено личн. **Хотнъгъ*/**Хотонъгъ*, оба компонента которого хорошо знакомы общеславянскому антропонимикону (ср., например, известные у древних новгородцев имена *Хотобудъ*, *Хотмиръ* или *Жиронъгъ*, *Милонъгъ*). Топонимические соответствия есть в Верхнем Поднепровье: геогр. *Хотняжи* — два хутора на руч. *Хотняж* близ гор. Мстиславля на Могилевщине, *Хотнежицы* дер. в окрестностях Ельни на Смоленщине.

Остронезское оз. в Зимогорской волости под Валдаем. Лимноним обусловлен личн. **Остронъгъ*, образованным по модели многих имён на *-нъгъ*. Первой частью (родственной рус. *острый*) этот реконструируемый антропоним совпадает с именем *Остромиръ* новгородского посадника XI в., для которого было написано знаменитое Остромирово Евангелие. Общий препозитивный компонент показывают также гидроним *Острогоща* р. в бассейне Дона (к личн. **Острогость*) и зап.-слав. (др.-польск., полаб.) личное имя *Ostrobod*.

Витенеж дер. в Лядском погосте 1571 г., к концу XVIII в. — пуст. *Виденез*, затем сведения о ней теряются (где-то в окрестностях райцентра Ляды Псковской обл.). Название от восстановленного личн. **Vitonъгъ*, которое принадлежит к кругу древних общеславянских имён *Vitoslavъ*, *Vitomirъ*, *Vitogostъ* и др. На Украине есть точная топонимическая параллель — геогр. *Witoniz* (в польской транслитерации), известное как село на р. Стоход в Луцком уезде Волынской губ. На новгородской территории с начальным элементом *Vito-*, соотносимым с прасл. *vit-* 'жить, обитать' или с *vitъ* 'господин, имеющий власть', обнаруживаются ещё комpositные названия населённых пунктов *Витогощ*, *Витославлицы*.

Сенежье дер. в Никольском погосте в Шереховичах на р. Белой 1564 г. (неподалёку от пос. Любытино Новгородской обл.) + средневековая дер. *Сенъг* в волости Велила (ср. современное с. Велилы в Маревском р-не Новгородской обл.), там же локализуется и селище на *Сенъгъ* (позднее — дер. *Сеняга* на р. Поле в Демянском уезде, сегодня — ур. *Сенега*). Оба топонима обусловлены личн. **Сенъгъ* или **Сънъгъ*, которое самостоятельно не отмечалось. К обоснованию первого компонента (который, скорее всего, близок к местоимению *сей*, но не исключают родства и со словами *сень*, *сиять*) ср. известные по западославянским источникам личн. *Seslav*, *Sebor* и др.; ср. ещё новг. геогр. *Сеславль путь*. Новгородские факты дополняются на иных территориях топонимами *Сенеж* дер. на оз. *Сенежском* недалеко от подмосковного гор. Клин, блр. *Сенеж* сел. у гор. Быхов южнее Могилева, *Сенежицы* сел. у гор. Новогрудок Минской губ., *Сенигов* (польск. *Stenibów*) сел. близ Новоград-Волынского на Украине, возможно, *Сеняж* руч. и дер. близ Саранска Пензенской губ., *Сенек* хутор на одноимённой речке в Харьковской губ. близ Купянска.

Любонег дер. на рч. Лютка в Дновском р-не Псковской обл., = *Лъбонъга* дер. Илеменского погоста 1498 г. + вторая дер. *Любонъг* в погосте Демон (где-то в окрестностях пос. Демянск Новгородской обл.). Названия равны личному имени **Любонъгъ*, самостоятельно не отмеченному, но обе части этого комpositа хорошо знакомы древнеславянскому антропонимикону, свободно использовались и в первой, и во второй позициях сложений.

Жетонег (*Большой и Малый*) озёра в Осташковском р-не Тверской обл. Гидроним образован от др.-слав. личн. **Житонъгъ*, которое самостоятельно не указывалось, но состоит из компонентов, хорошо знакомых по другим комpositам: относительно первого — *Жито-* (ср. рус. *жито* 'хлеб') можно, к примеру, привести засвидетельствованное новг. личн. *Житобудъ*. Эквивалентное название отмечено неподалёку от Гомеля — блр. село *Житонез* в Буда-Кошелевском р-не.

Ченежо дер. в Спасском Орлинском пог. Водской пятины 1500 г. + *Чанез* дер. в Которском погосте Шелонской пятины 1498 г., а в конце XVIII в. пуст. *Чанежа* по межевой документации. Названия обусловлены личн. **Чанъгъ*/**Ченъгъ*, образованным по известной антропомодели (на -*нъгъ*), с препозитивными *Ча-*, *Че-*; ср. зафиксированное личн. *Чагость* и прасл. варианты глагола **čakati* и **čekati* 'ожидать', прослеживаемые по разным славянским языкам: болг. *чекам* и *чакам*, сербскохорв. *чекати*, *чакати*, чеш. *čekati* и устар.

čakati 'ожидать'. Межтерриториальными параллелями к новг. геогр. *Ченежо*, *Чанез* выступают укр. геогр. *Чаніж* село близ гор. Буск северо-восточнее Львова и там же рядом *Чаніжска* р. в междуречье Западного Буга и Стыра, а также *Ченіж* ур. у сел. Кречив Иваницкого р-на Волынской обл.

Славонъжицы дер. в Офремовском погосте Шелонской пятины под 1498 г., по описанию 1539 г. — *Слобонъжицы*, локализована в среднем течении Ловати. Трактуется в связи с личн. **Славонъгъ*; с первой частью сложения ср. рус. *слава*, *славный*. Оба компонента этого имени хорошо знакомы всем славянам: легко комбинируясь с другими компонентами в первой и во второй позициях, они образовывали множество дохристианских имён. Ср. ещё личн. *Нъгославъ* (болг. *Негослав*), обратное имени **Славонъгъ*.

Кочебуж гора в истоках р. Псковык западу от пос. Струги-Красные Псковской обл., = *Кочебужа* дер. Быстреевского погоста 1571 г. К личн. **Кочебудъ* с пожелательным значением ('будь твердым, сильным'), которое следует из семантики основы *коч-*. Первый компонент проявляется в др.-рус. личн. *Коча*, *Кочь* (отсюда современные фамилии *Кочев*, *Кочин*), в словах *кочка*, *кочан*, второй компонент наличествует, например, в др.-рус. личн. *Дорогобудъ*, *Милобудъ* и др.

Чернобожье дер. в Дновском р-не Псковской обл. на р. Полонка, ранее указывалась в Порховском у. Псковской губ. Пункт несколько раз упомянут документацией конца XV—XVI вв. при описании Порховского околородья и пог. Михайловского на Полоной к востоку от Порхова: *Чернобыш* 1498 г., *Чернобуж* 1539 и 1576 гг. Ойконом, вероятно, восходит к личн. **Чърнобудъ*; данное имя самостоятельно не зафиксировано, но первый компонент хорошо известен в разных антропонимических сложениях, ср. хотя бы ст.-рус. *Черногуз*, *Черногуб*, *Чернобаев*, *Чернобровкин*, *Чернобесов* и др., а из более архаических имён ср. др.-чеш. **Črnobost* (из топонима), сербскохорв. *Crnobrat*, *Crnotir*, *Crnotiž*. Ко второму компоненту можно привести для сравнения имена *Дорогобудъ*, *Милобудъ*, *Радобудъ*, *Хотобудъ* и др.

Редбуж дер. Батецкого р-на Новгородской обл., = *Рядбуж* дер. Никольского Передольского погоста Водской пятины 1500 г.; позднее в источниках: дер. *Радбуж* 1539/40 г. и 1718 г., пуст. *Редбуж* 1582 г., дер. *Редбужа* 1791 г. и даже ? *Жеребуж* 1748 г., в середине XIX в. — дер. *Редбужи* Лужского уезда. Вторая новг. дер. *Рядбуж* локализуется в Среднем Поволжье: она относилась к Рождественскому Солецкому погосту Водской пятины 1500 г. и под 1540 г. записана как дер. *Радбуж*, под 1582 г. — как пуст. *Радбуж*, «что была деревня», дальнейшие следы этого пункта теряются. Ойконимы мотивированы исходным личн. **Рядъбудъ*/**Рядобудъ* (<**Redobq qdъ*). По средневековой документации это имя не фиксируется, но начальный компонент *Ряд-* (<*Red-*, корень тот же, что в рус. *порядок*) в антропонимии известен (ср. новг. личн. *Рядята* и др.), второй компонент известен ещё лучше (см. выше *Чернобожье*).

Велбуже оз. в Никольском погосте на Вышнем Волочке в середине XVI в. (рядом упомянуты оз. Щучье, Крачино). Топоним идет из личн. **Вел(е)будъ*, антропонимического пожелания быть великим: др.-рус. *велий* 'большой, великий'. Отмечены ещё два йотово-посессивных топонима на основе этого личного имени: геогр.

Velebaqdz' (нем. *Villebanse*) у полабских славян и *Velebužd* в Болгарии, ср. ещё геогр. *Velebudice* сел. в Чехии.

Жиробуд дер. над оз. *Жиробудом* Дмитриевского Городенского погоста Водской пятины 1500 г. Топоним в этом же облике дан в материалах 1539/40 и 1582 гг., но в документе 1748 г. уже фиксируется дер. *Жеребуд*, в документе 1791 г. — *Жеребут*; в настоящее время на карте-километровке обозначено *Жеребут* дер. при оз. *Жеребутское* к востоку от гор. Луга, а по справочнику селений Ленинградской обл. — *Жеребуд* дер. в Лужском р-не. Топоним соотносится с антропонимом **Жиробудъ* пожелательного характера ('будь богатым'; др.-рус. *жирѣ* 'богатство, довольство'); к первому *Жиро-* ср. зафиксированные новгородской берестяной письменностью *Жирославъ*, *Жировитъ*, ко второму -будъ ср. *Житобудъ*, *Жизнобудъ*.

Чабуд дер. Петровского Борисоглебского погоста в Боровичах 1564 г., она же — *Чабут* под 1525/26 г. Название обосновывается личн. **Чабудъ*, отражённым только в топонимии, ср. геогр. *Čibuz* сел. в Чехии, известное по документации 1143–1148 гг., оно же *Čabuze*. Компонент *Ча-* зарегистрирован в имени *Чагость*, *Чаславъ* и др. (см. его смысловое обоснование при анализе геогр. *Ченежо*, выше), компонент -будъ есть в ряде известных имён, таких как *Милобудъ* и др.

Любобуж дер. в Дегожском погосте (верховья р. Шелони) под 1539 г. к личн. **Любобудъ* ('будь любимым'), ср. структурно и семантически подобные чеш. имена *Drabobud*, польск. *Milobaqđ* и др.

Любочажье дер. Лужского р-на Ленинградской обл., ранее — *Любочажя* (*Любочажя*) дер. на рч. Сабе Лужского у. Петербургской губ. Отождествляется со средневековой *Любочажя* дер. в Дремянцком погосте 1571 г. Топоним обосновывается личн. **Любочадъ*, по буквальному смыслу — 'любимое чадо (= дитя)'. Элемент -*čed-* (>-*чад-*) лучше известен в препозиции: сербохорв. личн. *Čedomir*, *Čedomil*, болг. *Чедомир*, хотя в болгарском языке встречается и постпозитивное его употребление в термине родства: болг. *братучед* — 'сын брата, племянник'.

Дорогачиж починок в Спасском Егорьевском погосте во Млеве (где-то в районе ж. д. ст. Бологое) под 1545 г. Название, по-видимому, восходит к незасвидетельствованному др.-новг. личн. **Дорогочадъ* ('дорогое чадо'), семантически равному личн. **Любочадъ*, ср. геогр. *Любочажье*.

Мелечажо дер. в Егорьевском Лусском погосте Водской пятины (верховья Луги) под 1500 г., затем название слегка варьируется: дер. *Мелечаж* 1568 г., *Мелечажя* под 1582, 1748 гг. (в середине XVIII в. указана как «новопоселенная»), пуст. *Мелечажя* 1788 г., дальнейшие сведения отсутствуют. Топоним, очевидно, произведён от личн. **Милочадъ* ('милое чадо'), которому структурно и семантически равны личн. **Дорогочадъ* и **Любочадъ*, реконструированные выше.

Доброжирь деревни конца XV в., принадлежавшие: 1) к Коломенскому погосту (верховья р. Мсты) и 2) к Ужинскому погосту Деревской пятины (окрестности Валдайского оз. и оз. Ужин). Следует обусловить архаическим композитным антропонимом (думается, только др.-новг.) **Доброжирь*, образованным по модели удостоверяемого письменностью др.-слав. личн. *Кромъжирь*, *Домажирь*, *Нажирь* и др.

Любжир оз. в пойме Ильменя, близ устья Ловати. Название восходит непосредственно к личн. **Люб(о)жирь*. Основы -*люб-*, -*жир-* используются в составе многих дохристианских имён в первой и во второй позициях; ср., с одной стороны, др.-слав. личн. *Lubomirъ*, *Lubomilъ*, *Lubislavъ*, с другой — личн. *Domažirъ*, *Sěděžirъ*, *Žirolavъ*, *Nažirъ* и др. Геогр. *Любжир* указывалось также в Волинском Полесье на Украине.

Чебажир, или *Чебожир*, руч., пр. пр. Луги в Волоновском р-не Ленинградской обл. Очевидно, данный гидроним обусловлен личн. **Чебажирь*/**Чебожирь* с этимологически неясным первым компонентом. Судя по всему, это один из поздних композитов на -*жирь* прозвищного характера, принадлежащий к ряду др.-новг. личн. *Мутижирь* 2-й пол. XI — 1-й пол. XII в. (которое, кстати говоря, продублировано гидронимом *Мутежер*, лев. пр. Турьи, лев. пр. Припяти), а также др.-чеш. *Vrtěžir*, др.-польск. *Wirciżur*.

Тужирово дер. Дремянцкого погоста (в левобережье среднего течения Луги) под 1498 г., к концу XVIII в. — пуст. *Тужирово* на руч. *Тужировском*. Название обусловлено личн. **Тужирь*. Внутренняя форма этого специфического имени такая же, как у записанного на стене новгородского Софийского собора личн. *Сежиръ* сер. XI в.: оно означает 'живущий здесь'. Компоненты *Ту-*, *Се-* в этих двух именах местоименного происхождения; ср. их использование в равных по смыслу словах *туземец* и др.-рус. *сеземець*. Второй компонент -*жирь* исходного имени повторяется в личн. *Нажирь*, *Домажирь*, *Кромъжирь* и др. Модифицированный, очевидно, более поздний вариант личн. **Тужирь* проявлен (внешне в форме **Тужира* жен. морфологического рода) также старописьменным геогр. *Тужерино* дер. Щирского погоста Шелонской пятины 1498 г. (в источниках XIX—XX вв. подается как *Тужерино*, или *Тужерино*, дер. Лужского уезда Петербургской губ., сегодня — дер. *Тужерино* в окрестностях райцентра Струги Красные Псковской обл.)

Роздомирье дер. Сабельского погоста 1498 г. (на территории Батецкого р-на Новгородской обл.) Полагаем, нужно обусловить личн. **Роздамирь*, самостоятельные фиксации которого неизвестны. В первой части сложения, по-видимому, префиксальная глагольная основа (: др.-рус. *роздати*, рус. *раздать*). По своей структуре это имя подобно известному польск. личн. *Niedatir*, отсылающему к глагольной основе с отрицанием **ne dati*. В целом структурная модель имён со вторым компонентом -*миръ* — одна из наиболее типовых в древнеславянском композитном антропонимиконе (*Хотомиръ*, *Любомиръ*, *Велемиръ* и др.).

Андромер дер. близ оз. Песно в Плюсском р-не Псковской обл., ранее — дер. Лужского у. Петербургской губ. на оз. Килешницы, = дер. *Ондромир* Которского погоста под 1498 г. Полагаем, название производно от гибридного антропонима **Андромирь*/**Андромѣрь*, который составлен из усечённой основы *Ондр-* христианского личн. *Андрей* (или *Андромах*, *Андрон*, *Андроник*, *Адрам*) и устойчивого в постпозиции компонента -*мир-* или -*мѣр-* многих древнеславянских антропонимов-композитов. Гипокористическое личн. *Ондръ* имело хождение на древней новгородской территории (ср., к примеру, геогр. *Ондров Конец* дер. на руч. Безьямянном Тихвинского уезда); оно имело возможность получить расширение

при помощи частотного элемента *-мирѣ*, воспринимаемого в поздний период в качестве суффикса. Подобного типа композитные гибриды иногда отмечаются у разных групп славян, характеризую позднюю стадию развития двусловной антропонимии. Ср., к примеру, др.-польск. личн. *Jurgebog*, которое состоит из основы христ. *Jurgi = Георгий* и др.-слав. антропонимического компонента *-bogъ* (ср. др.-чеш. личн. *Milboh*, др.-польск. *Modlibog*), болг. *Михослав*, *Никослав* с элементами христ. *Михаил*, *Николай*, др.-чеш. *Petrumila*, соотносимое с христ. *Petr*. Ср. ярославское геогр. *Андронез* дер. в окрестностях Ростова, которое тоже зиждется на антропонимическом композите **Андронѣгъ*, подобном личному имени **Андромирѣ*.

Городолюбское оз. в Коломенском погосте Деревской пятины северо-западнее Вышнего Волочка. Скорее всего, перед нами осложненная суф. *-ск-* йотовая форма **Городолюбле* от некоего личного имени **Городолюбъ* (< прасл. **Gordil'ubъ*), ср. зафиксированные личн. *Драголюбъ*, *Добролюбъ*. Смысл компонентов имени **Городолюбъ* складывается из значения слов типа *город*, *городить*, *любить* и т. п. На территории Словении есть образованный от этого же композитного имени древний топоним, имеющий исторические варианты *Groslyup*, *Grazlyup*, *Gloslyup*, известный с 860 г.: он рассматривался как модификация всё той же исходной топонимической формы **Gradiljubъ*.

Гостелюбле дер. в погосте Михайловском в Тростных (в окрестностях гор. Бежецк Тверской обл.), отмеченная только в середине XVI в. Название базируется на личн. **Гостьлюбъ*/**Гостелюбъ*, построенном по модели *Добролюбъ*. Ср. параллельные польск. геогр. *Gosciub*, *Golibie* (упрощенное из **Gostiljubъ*) в повятах Тчев и Картузы, геогр. *Костелювл* в Греции.

Гомысль, варианты *Гомысл*, *Гомысло*, дер. Нерещекого погоста близ Валдайского озера в конце XV—XVI в. Пункт упомянут последний раз в акте 1657 г. в связи со строительством Иверского монастыря, дальнейшие сведения о нём неизвестны. Название возводится к личн. **Гомысль*. Мотивирующий антропоним имеет значение 'сильный мыслью' (корень глагола **goiti* 'быть сильным' + *-мысль*, ср. *мыслить*); к первому компоненту ср. чеш. *Hojislav*, словен. *Gojmir* и личн. **Гомѣгъ*, реконструируемое по новг. геогр. *Ганежи*.

Объединение новгородской топонимии по тождеству вторых частей сложной основы дало в итоге группы, сильно различающиеся в количественном отношении. К примеру, названий, показывающих во второй части компоненты *-нѣг/-нѣж-*, в несколько раз больше, чем названий со вторым *-люб-*, *-мысли* и др. Но все рассмотренные выше топонимические группы значительно перевешивает в количественном отношении несколько обособленная и не всегда очевидная категория географических названий со вторыми элементами *-гост/-гощ-*, обусловленная очень древними славянскими композитными личными именами на *-гость*. На старой новгородской территории наблюдается выразительно плотная концентрация таких названий, многие из которых легко удостоверяются известными по памятникам письменности личными именами, например *Доброгость*, *Радгость*, *Милогость*, *Людо(о)гость* и др. Но ещё больше обнаруживается названий, отсылающих к незафиксированным личным именам на *-гость*. Ниже предлагается

анализ такого рода топонимических фактов (названия, объясняемые ненадежно, не рассмотрены).

Хотигощи дер. на р. Псижа на южном побережье Ильменя, ранее — *Хотигоща*. Восходит к личн. **Хотѣгость*/**Хотигость*, показывающему в первой части корень *хот-* (ср. *охотный*, *хотеть*), активно участвовавший в образовании др.-слав. антропонимии: чеш. *Chotěbud*, польск. *Chotibadz*, чеш. *Chotěbor*; польск. *Chociebor*, *Chociemir*, *Chociestau*, чеш. *Chotěmir*, *Chotimir*, *Chotěmysl*, *Chocerad* и др. Межтерриториальными параллелями выступают геогр. *Chotiohošt'* в Чехии, др.-луж. *Chotehošć* (> нем. *Kordigast*) в окрестностях Лихтенфельса к северу от Нюрнберга, полаб. геогр. *Chotegošć* (сегодня — *Kirhsee*) к северу от Гамбурга и *Chotegošć* (сегодня — *Gadegast*) в Северо-Восточной Германии. Это же личное имя **Хотѣгость*/**Хотигость* обосновывает геогр. **Ходгостицы** дер. Дягиленского погоста около 1500 г. (на Ижорском плато); в данном случае проявилось характерное для новгородской языковой области усечение первого члена антропонимического сложения.

Мирогоща дер. Старорусского р-на Новгородской обл. близ впадения Ловати в Ильмень; под 1501 и 1561 гг. на месте деревни писцовые книги упоминают пожно *Мирогоща* на протоке Перемять у южного берега Ильменя. Сюда же геогр. *Мирогоща* дер. в бассейне р. Мологи, по книге Бежецкой пятины 1545 г. Топонимы восходят к личн. **Мирогость*, первый компонент которого со значением 'мир, мирный' продолжен в др.-рус. *Миронѣгъ*, польск. личн. *Mironieg*, польск. *Mirogněv*, хорв. *Miroslav* и др. Вне новгородской территории известны: укр. геогр. *Мирогощ* село на Волины (дважды) близ гор. Дубно и Кременец, блр. *Мирогощ* вблизи гор. Кричев на Могилевщине, *Мирогостово* дер. Ярославской губ. в Романов-Борисоглебском у., геогр. *Микрогоуѣц* в Греции близ гор. Салоники (греч. *Микро-* «народно-этимологически» заменило слав. *Миро-*).

Мерогоща руч., лев. пр. Змейки, лев. пр. Вернды в Новгородском р-не. Название восходит если не к личн. **Мирогость*, то к личн. **Мѣрогость*, которое генетически связано с прасл. **mēr-* 'славный' или с **mēra* 'мера'. Ср. польск. личн. *Mierostaw*. Компонент *мѣр-* трудно отличить от компонента *мир-*, однако он тоже может присутствовать и в первой, и во второй позиции композитных антропонимов.

Нежгостицы, или *Нежговицы*, дер. с усадьбой на р. Быстрице южнее гор. Луга, которая отождествляется с дер. *Нежгостицы* в Петровском погосте Шелонской пятины под 1501 г., под 1581—1582 гг. — *Негостицы*. Название отсылает к личн. **Нѣжгость*/**Нѣжигость*. Ср. с ним прежде всего др.-новг. личн. *Нѣжебудѣ*, документируемое берестяной грамотой № 16 из Старой Руссы (1-я пол. XII в.). Основа *Нѣже-* в этих двух именах отражает сравнительную степень к др.-рус. прилагательному *нѣжныи* или основу глагола *нѣжити*. Ср. ещё личн. *Нѣгорадѣ*, *Нѣговитѣ*, *Нѣгосѣмѣ*, *Нѣгожирѣ* и большое количество простых имён с основой *нѣг/-нѣж-*.

Моглогость руч. в бассейне р. Оредеж к северу от пос. Ям-Тесово Лужского р-на Ленинградской обл. Гидроним смежен со средневековым ойконимом *Моглогост* дер. Спасского погоста Водской пятины на р. Оредеж 1500 г., позднее — *Моглогостье* пуст., по документации 1788—1791 гг. Название отсылает

к личн. **Моглогость*, которое, по всей вероятности, отражает др.-новг. фонетический переход *dl* > *zl*, следовательно, первичным видится прасл. личн. **Modlogostь* с первым компонентом, родственным рус. *молимъ* (< прасл. **modliiti*). Этот же корень присутствует в др.-чеш. личн. *Modlibob*, польск. *Modlibog*, др.-рус. *Молибог*. Начальный компонент личн. **Modlogostь*, скорее, соотносится с прасл. **modla*, термином языческого культа (ср. ст.-чеш. *modla* 'идол, истукан', чеш. 'изваяние, статуя; храм', словац., верх.-луж. *modla* 'идол, кумир', ст.-польск. *modla* 'жертвоприношение') и прослеживается в многочисленных зап.-слав. простых именах: др.-польск. личн. *Modleťa, Model, Modlo, Modlik, Modul*, близкие антропонимы есть также в серболужицких и чешском языках. При таком понимании семантики исходного личного имени новгородское название *Моглогость* выглядит реминисценцией отдаленных времён язычества.

Стогоща дер. на р. Хотынка в бассейне Шелони, писанная во Фроловском погосте в 1498 г. Название обусловлено личн. **Стоигость*, которое испытало дальнейшее сокращение *Стоје-* > *Стој-* > *Сто-* в первом компоненте (родственном слову *стоять*). Подобное сокращение этого же компонента наблюдается и в других композитах (ср., к примеру, геогр. *Стоинъгова* в документе конца XVI в., восходящее к зафиксированному личн. *Стоинъгъ*, или личн. *Stojnĕv* > *Stognĕv* в польской и поморско-полабской языковой области, др.-чеш. *Stojmír* > совр. чеш. *Stomír*).

Кромегоща дер. в Заверяжье в Люболядах Шелонской пятины 1498 г., локализованная у истоков р. Веронды к северо-западу от Ильменя путём идентификации с дер. *Кромы* в бывшем Новгородском уезде, а сегодня в Батецком р-не Новгородской обл. Недалеко от *Кромегоща*, в сопредельном Колицком погосте на Луге только в 1501 г. был отмечен ещё один пункт — дер. **Коромегоща**. Названия этих селений обязаны своим появлением др.-слав. личн. **Кромъгость* с предложным элементом *кромъ* 'вне, кроме' в первой части. Ср. пересекающееся с этим именем др.-чеш. личн. *Kroměžír*, осмысляемое как 'отдельно, снаружи живущий', наряду с геогр. *Kromežír* (сегодня — *Kroměříž*) в Чехии. Смысл личн. **Кромъгость* угадывается нечётко, однако сомневаться в былом существовании этого имени нет оснований. Преобразование *Кромегоща* в совр. *Кромы* обусловлено переразложением и усечением топонима и сближением первой части сложения с диал. *крома* 'опушка леса', 'кромка'.

Уегощ дер. в Которском погосте (верхнее течение Плюссы), упоминаемая в 1498 г., позднее (конец XVIII столетия) здесь значилась пуст. *Уюгоща* на р. Плюссе. Название соотносится с личн. **Уегость*/*Уигость*, в первой части которого корень прасл. **ujь* 'дядя по матери'. Этот элемент реализован в западнославянской антропонимии, но обычно он занимает вторую позицию в сложениях; ср. польск. *Czawuj, Mściwuj, Zdziewuj*, чеш. *Bezuj, Milouj* и др. Этим антропонимом мотивировано, по всей вероятности, также геогр. **Югостицы** пункт близ оз. Черемнецкое в Лужском р-не Ленинградской обл., идентифицируемый с одноименной дер. Городенского погоста 1-й пол. XVI в. Форма *Югостицы* модифицирована из первоначальной **Уигостицы* путём перестановки звуков в начальном слоге: *uj-* > *ju-*.

Иногоща дер. к юго-востоку от райцентра Окуловка Новгородской обл. при оз. *Иногощенском*, ранее — дер. *Иногоща* при оз. *Иногощо* Шегринской волости Боровичского уезда. В данной местности в конце XV — 1-й пол. XVI столетия указано только оз. *Иногоще* в Шегринском погосте Деревской пятины. Название идёт от личн. **Иногость*, которое, кроме того, положено в основу наименования средневековой **Иногостицкой** волости в Каменском стане в Бежецком Верхе и гидронима **Иногощ** р., притока Волги. Из территориально отдалённых параллельных топонимов имеются геогр. *Inogošt(a)*, иначе — *Vinogošt* село в Сербии, возможно, и геогр. *Виногоще* оз. в верхнем течении Западной Двины. Из антропонимии известны композиты с начальным *Ино-*: др.-серб. *Иносав, Инослав*, ст.-рус. *Инозем*. Первый компонент соотносится либо с местоимением *иной*, либо (что вернее) с прасл. **inъ* 'один'; тогда личн. **Иногость* расшифровывается в смысле 'единственный; единственно рожденный', ср. близкую семантику др.-рус. *иночадный* 'единородный', *инородец* 'единственно рожденный'.

Ирогощи дер. в Ломоносовском р-не Ленинградской обл., ранее — *Ирогощ* дер. Петергофского уезда Петербургской губ.; впервые отмечена под 1500 г.: *Ирогоще* дер. в Каргальском погосте. Название нужно объяснить через личн. **Ярогость*. Элемент **jar-* 'ярый, сильный, крепкий' привычен в др.-рус. композитных именах *Ярославъ, Яропѣлкѣ, Яромирѣ*. Преобразование начального слога в геогр. *Ирогощи* (< **Ярогость*) обусловлено двумя последовательными сев.-рус. переходами *ja* > *je* и *je* > *и*, находящими проявление в ряде названий Новгородской земли.

Уторгоши пос. на р. Мшаге, лев. пр. Шелони, рядом с посёлком расположены дер. *Большая Уторгоши* и *Малая Уторгоши*. По спискам селений XIX — нач. XX в. значатся дер. *Уторгощ Большая (Уторгоши Большой), Уторгощ Малая (Уторгоши Малый)* и погост-селение *Уторгощи*, которые относились тогда к Лужскому уезду; в конце XV — нач. XVI вв. писцовые книги многократно упоминают эти смежные топонимы в виде *Утрогощъ, Утрогоще, Вутрогоща, Вутрогоще*, которые именовали то отдельные селения, то целую местность в пределах Турского погоста Шелонской пятины. Следовательно, геогр. *Уторгоши* продолжено из ранней формы *Утрогощъ*, которая, в свою очередь, является притяжательным прилагательным, образованным от личн. **Утрогость*. Первый компонент этого имени со значением 'утро' содержат др.-польск. личн. *Jutrowoj, Jutrowuj, Utrosz*, польск. *Jutrocha, Jutrosz*, др.-чеш. *Jutroň, Jutroš*. Межтерриториальными топонимическими соответствиями к новг. *Утрогощъ* являются геогр. *Gütergoz* (< др.-слав. **Jutrogošĕ*) на территории бывшего расселения полабских славян в Германии (рядом с Берлином) и геогр. *Jutrogoszcz/Witrogoszcz* в Польше. Топоним отражает непротезированное *у* в начале слова — признак восточнославянского происхождения; ср. рус. *утро*, но польск. *jutro*, чеш. *jítro*, словен. *jútro*, сербохорв. *jutro*.

Диговоци дер. на р. Ямница в Крестецком уезде Новгородской губ. нач. XX в., в настоящее время считается исчезнувшей, однако сохранилось название смежного с бывшей деревней руч. *Диговоца*, пр. пр. Ямницы, пр. пр. Поломети, пр. пр. Полю. Идентифицируется с парой близлежащих средневековых деревень,

именуемых *Дивогоща* и описанных в Листовском погосте книгой Деревской пятины 1538/39 г. Вторая дер. *Дивогоща* была в сопредельном Локоцком погосте, лежащем к северо-востоку от Листовичей. Название, испытавшее перестановку срединных слогов, образовано от др.-слав. личн. **Дивогость*. Первая часть антропонима, связанная с корнем **div-* (*дивный*), находит контекст в др.-польск. личн. *Dziviŋor*, *Dziwiŋstaw*, чеш. (морав.) *Divislav*, др.-рус. *Дивей*.

Коегоща дер. на р. Мсте под гор. Боровичи, идентифицируется с дер. *Коегощ* Петровского Борисоглебского в Боровичах погоста под 1564 г., рядом с дер. значится по писцовой книге 1551 г. оз. *Коегощ*. Следует реконструировать личн. **Коегость*, первый компонент которого отражает личн. *Kou*, имя или прозвище новгородца сер. XIV в., см. берестяную грамоту № 263. Среди инославянских соответствий нужно прежде всего указать др.-чеш. личн. *Kojeslav*, из простых личных имён др.-чеш. *Koj*, полаб.-помор. *Kojt*, др.-польск. *Koua*, *Kouan*, *Kouasz*, *Kouek*, южн.-слав. *Kojata*, *Kojan*, серб. *Kojić*, болг. *Kojka*, *Kojko*, *Kojna*, *Kojnak*, чеш. геогр. *Kojetice* и др. Все они продолжают основу прасл. глагола-каузатива **kojiti* 'успокаивать, унимать', соотносимого с рус. *почить*, *покой*.

Братогощ оз. Воскресенского Осеченского погоста Бежецкой пятины 1545 г. неподалеку от истоков р. Мологи. Обосновывается личн. **Братогость*; обозначение брата находит отражение в ранней топонимии славян, ср. чеш. личн. *Bratumil*, сербскохорв. *Godebrat*, др.-новг. личн. *Братила* (грамоты № 803, 934), серб. *Братил*, *Братило* и др.

Годогоща дер. Коломенского погоста (в районе Вышнего Волочка), указана около 1495 г. К личн. **Годогость*; первый компонент его проявляется во многих именах (чеш. *Hodomysl*, польск. *Godzislav*, *Godoslav*, сербскохорв. *Godebrat*, *Godeslav*, *Godimir*), родствен рус. *годиться*, *годный*.

Новогощи (*Новагоща*) дер. у оз. Сварец в Гдовском уезде 2-й пол. XIX и нач. XX в., отождествляется с дер. *Новогошка* XVI в. в Лядском погосте Шелонской пятины. Ср. с этим новг. топонимом геогр. *Новогоща* в окрестностях Пинска в Белоруссии. Скорее, надо связать с личн. **Новогост*; первый компонент (ср. рус. *новый*) для славянской композитной антропонимии не характерен, хотя не исключен в сложениях отопеллятивных или считающихся относительно поздними, ср. др.-польск. личн. *Nowosiodł* и рус. *новосел*.

Щитогощ дер. Дретонского погоста Шелонской пятины под 1498 г.; предположительно была соотнесена с позднейшей дер. *Святогорша* на р. Полисти к югу от Старой Руссы. Название средневековой деревни явно производно от личн. **Щитогость* (пожелание быть защитником?), которое в самостоятельном использовании не обнаружено, но находит межславянские антропонимические параллели к первому компоненту: *Щит* Семен Брагин, холоп боярина Тучка Морозова 1481 г., др.-чеш. личн. *Ščít*, *Ščitek*, др.-польск. *Szczycięta*, серб. *Щитко*. Совр. *Святогорша*, если верно его отождествление со средневековым *Щитогощ*, выглядит существенно переименованным названием.

Пронегоща пуст. в верховьях р. Луги. Возможно, к личн. **Пронегость*, первая часть которого связана с чеш. *proný* 'быстрый, неукротимый' (ср. чеш. *Proněk*), хотя антропонимические композиты с данной основой

неизвестны. По второй версии, учитывая единичность фиксации, допустимо предположить образование от личн. **Бронигость*/*Боронигость*, первый компонент которого (к зап.-слав. *broniti*, др.-рус. *боронити* 'оборонять' и т. п.) обычен в славянской антропонимии, ср. хотя бы популярные до сих пор у западных и южных славян *Branimir*, *Branislav* и др.

Середогощ дер. в Батецком р-не Новгородской обл., ранее — *Середогощи* дер. Самокражской волости Новгородского уезда; отождествляется со средневековым пунктом в Сабельском погосте Шелонской пятины — дер. *Середогоща* 1571 г., ещё ранее отмеченной как *Середогощ над Мхом* 1498 г. Возводится к личн. **Середогость*, изолированному древнеславянскому имени, первая часть которого связана с прасл. **serda*, рус. *середа*, *середина*. К антропонимическому использованию данной основы ср., в частности, популярные в старорусский период личные имена *Середа*, *Середней*, *Середоха* (последнее относилось к человеку из Новгорода, 1603 г.). Кроме того, возможно объяснение первой части личн. **Середогость* с учётом др.-рус. *сердый* 'душевный, добрый', рус. *сердце*.

Тригоща дер. 1539 г. в пог. Михайловском на Полоной (к востоку от близлежащего Порхова), которую, скорее всего, следует приравнять к дер. *Трегоща* 1576 г., уже «пустой», писанной в Порховском околородье. По-видимому, этот средневековый пункт следует идентифицировать с позднейшей дер. *Тригорша* на рч. Теребежка Порховского уезда во 2-й пол. XIX в. Параллельным топонимом является **Тригощици**, дер. 1498 г. в Карачунском погосте (немного южнее Порхова). В основе этих топонимов лежит, надо полагать, личн. **Тригость*/*Трьгость*. Первый компонент имени, очевидно, является числительным *три* и, следовательно, находит достаточную опору в др.-чеш. личн. *Trojslav*, *Trojslava*, буквально — 'трижды славный'. Имя с семантикой «троичности» высоко возвеличивало нареченного, ср. слова *треволнение*, *треклятый* с интенсивным проявлением признака (состояния).

Кочегоще дер. Стругокрасненского р-на Псковской обл., = *Качегоща*/*Гочегоща*/*Качегащи* дер. Лужской уезда конца XIX — нач. XX в., = *Кочегоща* дер. Щирского погоста 1498 г. Название связано с личн. **Кочегость*, первый компонент которого родствен словам *кочка*, *кочан* и др., а также присутствует в именах *Коча*, *Кочев*, *Кочева*, *Кочень*, *Кочур*, популярных в более поздний, великорусский период (см. ниже анализ геогр. *Кочевуд*).

Жигорошо дер. Спасского Орлинского погоста 1500 г. (где-то в среднем течении Луги). Геогр. *Жигорошо* появилось благодаря перестановке слогов из *Жирогошо*, исходным личным именем к последнему оказывается **Жирогость*. Это личное имя не проявилось более ни в топонимии, ни в самостоятельном употреблении славян, хотя абсолютно предсказуемо, ср. хотя бы известные по новгородским берестяным грамотам № 67, 246, 573, 657 личн. *Жирославъ*, *Жировитъ*.

Тургошь пос. на юго-востоке Ленинградской обл. (Бокс. р-н), ранее — усадьба *Тургоша*/*Тургеш* Устюженского у. Новгородской губ. Топоним возводится к личн. **Тур(о)гость*; первой частью служит основа общеслав. **turъ* 'бык, тур; зубр; буйвол'. Обозначение тура, выступавшего символом мощи, силы (ср. хотя бы эпитет

буй турь применительно к князю Всеволоду в «Слове о полку Игореве»), активно использовалось в древней антропонимии всех славян; ср. многочисленные по древнерусским и старорусским памятникам письменности личн. *Тур*, *Туров*, *Турик*, *Турко*, *Турьга*, *Турак*, распространённые также у западных и южных славян. Наиболее показательны для данного случая древнеславянские антропонимические композиты: полаб.-помор. личн. *Tigoter*, серб. *Turisaв*, создающие для **Тур(о)гость* (> геогр. *Тургоша*) необходимый антропонимический контекст.

Тогоше оз. в Егорьевском погосте в Осечне под 1545 г. (в верховьях р. Тверцы). Гидроним следует связать с личным именем **Тоегость* (аналогично геогр. *Стогоща* — к личн. **Стоигость*, геогр. *Вогоща* — к известному личн. *Воегость*); в первой части сложения тот же корень, что в новг. диал. *тоить* 'беречь, кормить хорошо', 'предохранять; заботливо оберегать', *тойный* 'упитанный', 'бережливый'. Параллельное название — *Тагоща*, которое именует одну из рек в верховьях Западной Двины (различие *Та-*, *То-* в данных двух названиях обязано аканью).

Нудогощо (и искаженное *Нудогорицо*) оз. в Михайловском погосте на Черной Обонежской пятины под 1496 г. (к югу от городов Бокситогорск, Пикалёво Ленинградской обл.). Название идёт из личн. **Нудогость*; ср. прасл. **nud-* 'заставлять, понуждать' и чеш. личн. *Nudvoj*, серб. *Нудмир* и др. Совр. название оз. *Нунгоша* южнее Бокситогорска (и дер. *Нунгоша* в Тихвинском уезде при этом озере, которое ещё именуется *Нунговским*) — видимо, фонетическая модификация средневекового геогр. *Нудогощо*.

Итак, анализ перечисленных новгородских географических названий позволил с достаточной надежностью восстановить следующие древнеславянские

личные имена-композиции, не попавшие по тем или иным причинам в письменность. Наиболее многочисленна модель восстановленных имён на *-гость* (**Хотѣгость*/**Хотигость*, **Нудогость*, **Тоегость*, **Турогость*, **Жирогость*, **Кочегость*, **Тригость*/**Трьгость*, **Бронигость*/**Боронигость*, **Середогость*, **Новогость*, **Щитогость*, **Коегость*, **Годогость*, **Братогость*, **Дивогость*, **Утрогость*, **Ярогость*, **Иногость*, **Уегость*/**Уигость*, **Кромѣгость*, **Стоигость*, **Моглогость*/**Модлогость*, **Нѣжегость*/**Нѣжигость*, **Мирогость*, **Мѣрогость*), далее, в порядке убывания, следуют модели имён на *-нѣгъ* (**Чанѣгъ*/**Ченѣгъ*, **Славонѣгъ*, **Любонѣгъ*, **Житонѣгъ*, **Остронѣгъ*, **Витонѣгъ*, **Хотынѣгъ*/**Хотонѣгъ*, **Гостынѣгъ*/**Гостинѣгъ*, **Гоинѣгъ*, **Сенѣгъ* или **Сѣнѣгъ*), на *-будѣ* (**Любобудѣ*, **Чабудѣ*, **Вел(е)будѣ*, **Жиробудѣ*, **Рядѣбудѣ*/**Рядобудѣ*, **Кочебудѣ*, **Чѣрнобудѣ*), на *-видѣ* (**Хотовидѣ*/**Хотивидѣ*, **Вьховидѣ*/**Вьсевидѣ*, **Теребовидѣ*, **Туховидѣ*), на *-жирѣ* (**Тужирѣ*, **Люб(о)жирѣ*, **Доброжирѣ*), на *-чадѣ* (**Любочадѣ*, **Милочадѣ*, **Дорогочадѣ*), на *-мирѣ*/**-мѣрѣ* (**Андромирѣ*/**Андромѣрѣ*, **Роздамирѣ*), на *-любѣ* (**Гостьлюбѣ*/**Гостеллюбѣ*, **Городоллюбѣ*), на *-мыслѣ* (**Гоемыслѣ*). В сущности, все эти личные имена, оставившие свой след в местной топонимии, были в ходу у славянского населения центральных районов Новгородской земли в глубокой древности (со времени появления первых славян примерно в VII в. и до XIV в.). Некоторые из них были популярны, другие, напротив, редки (таких большинство), одни имена имели общеславянское распространение, другие употреблялись только на новгородской территории. Хочется надеяться, что публикации новых текстов, пока остающихся в рукописном виде, равно как находки новых берестяных грамот, смогут документально подтвердить существование перечисленной антропонимии.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (проекты № 05-04-04120а и № 08-04-46401а/3)

Т.В. Володина

ДЕРЖАВА РЕРИХА

В наши дни имя Николая Константиновича Рериха не менее популярно, чем в начале века. Правда, сегодняшняя слава художника, историка и философа связана прежде всего с его последним, возможно, наиболее ярким периодом — гималайским. ореол восточной экзотики вокруг имени Н.К. Рериха и его наследников почти полностью скрыл от нас того юного неустанного путника, который начал своё восхождение к древнейшим мирам с мира славянского, заново открываемого учёными, собирателями и художниками во второй половине XIX столетия.

Согласно семейным преданиям предки Рериха происходили из Скандинавии и датской Зеландии, где на берегах Северного моря некогда жили викинги и скальды. Фамилия «Рерих» в переводе с древнего скандинавского языка означает «богатый славой». Всё было таинственно и красиво, а главное — будоражило ум и фантазию, заставляло вглядываться в, казалось бы, навсегда ушедшее прошлое.

Большая часть жизни семьи, в которой было четверо детей — Лидия, Николай, Владимир и Борис, проходила в Санкт-Петербурге на Васильевском острове, а летом — в имении «ИЗВАРА» в Царскосельском уезде.

В гимназии Карла Ивановича Мая, давшей русской науке и культуре много замечательных имён — А.А. Блока, А.Н. Бенуа, Д.В. Филофова, Рерих изучает древние и новые языки, географию, историю и русскую словесность. Больше всего он увлечён двумя предметами — историей и рисованием. История для него — это прежде всего яркие, поражающие своей силой картины, живые образы, которые подросток пытается запечатлеть в первых литературных опытах — стихотворениях «Ушкуйники», «Россельванское сражение», в сочинениях о древнем Новгороде, о первых русских князьях. Всё, что скрыто в прошлом, вызывает у него особое, острое чувство утраты и одновременно желание постичь это прошлое, прозреть его, возродить в словесном или зрительном образе. Но и ранние рисунки Рериха, и его литературные опыты открывают нам ещё одну важную особенность творческого метода будущего художника — стремление к точности и достоверности. Этому способствовало раннее увлечение археологией. Сам художник уже в зрелые годы писал: «Ничто и никаким способом не приблизит так к ощущению древнего мира, как собственноручная раскопка и прикосновение, именно первое непосредственное касание к предмету большой древности».

Варяжский путь. 1907.
Холст, темпера

Это «ощущение древнего мира» становится жизненным камертоном для Рериха учёного и художника. Процесс формирования учёного и художника идёт параллельно. Точные зарисовки места раскопок, передача общего вида исследуемого памятника, фиксация найденных предметов — это было совершенно необходимо для составления подробных отчётов Императорскому Археологическому обществу.

После окончания гимназии Рерих поступает на юридический факультет Санкт-Петербургского университета и в Академию художеств. Главным для девятнадцатилетнего Рериха становятся занятия живописью, особенно после того, как он стал учеником Архипа Ивановича Куинджи, руководившего пейзажным классом.

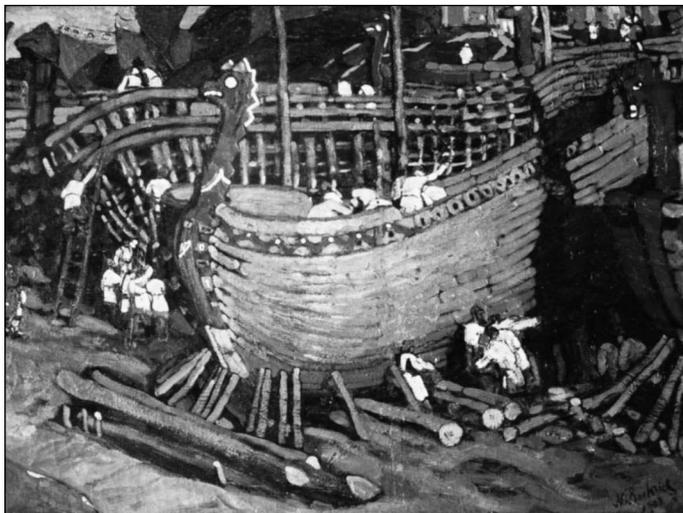
С самого начала учёбы в Академии он заявил себя как художник-историк, любящий и знающий старину России, её сказки и предания, былины и летописи. Именно поэтому сильнее всего на молодого художника повлияла историческая живопись В.М. Васнецова. Ему была близка «проникновенность Васнецова в серую красоту русской

Спас Нередицкий. 1899.

Холст, темпера

природы, потребность обернуться к чисто русской красоте, к старине и её народным истокам, поворот от жанра к сказке». В своих живописных былинах Васнецов всегда обстоятелен и точен: тщательно написаны ткани одежды, узоры колчанов, шерсть волка. И начинающий исторический живописец Рерих в таких работах, как «Плач Ярославны», «Ушкуйники», «Курганы» следует этому приему в полной мере.

Строят ладьи. 1903.
Холст, масло

Иное дело картина «Гонец», за которую в 1897 году Рерих получил звание художника. Её программой стали строки из «начальной летописи»: *«И восстал род на род, и были среди них усобицы, и начали сами воевать друг против друга»*. Именно после этих трагических событий и обратились племена словенские и чудские, весь и кривичи к варягам: *«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите и князьте нами»*. Однако художника привлёк эпизод, вовсе не обозначенный в «большой истории», которую вели летописцы, а забытое и в то же время реальное мгновение восстания рода на род. Картина не похожа на повествовательно-подробные произведения «передвижников». Здесь запечатлено именно мгновение, а не событие. При взгляде на простонародное лицо старика вспоминаются суриковские стрельцы и казаки. От В.И. Сурикова и эта значительность словно бы остановленного момента истории. «Гонец» взывает прежде всего к раздумьям о России и тревожной судьбе её народа, к которому принадлежит и старый Гонец и его молодой спутник, направляющий лодку-однодеревку вверх по течению — к городищу. Этих людей видит Рерих у истоков русской истории.

Несомненно, «Гонец» свидетельствует о принадлежности Рериха к мастерской А.И. Куинджи: торжественный покой ночи, лунный свет, пронизывающий темноту то ли голубым, то ли зеленоватым сиянием, тень берега на воде, сама вода — всё это заставляет вспомнить и знаменитую «Украинскую ночь» учителя и гоголевские описания Днепра.

Но картина Рериха — не подражание Сурикову и Куинджи. Это уже вполне самостоятельное творение,

в котором впервые ощущается то «касание к древности», та достоверность образа мира и человека, что даётся сочетанием скрупулёзного изучения археологом «бренных останков» прошлого и прозрением художника глубин веков.

Одобрение собратьев-художников, критики, приобретение «Гонца» Третьяковской галереей — всё это воодушевляет художника на дальнейшую работу над задуманным им циклом «Славяне». Рерих «задался целью воспроизвести в серии картин... начало Руси», которое, по его мнению, совпало с установлением в ней «государственного устройства взамен господствовавшего родового быта», возникавшего на русской почве, но при активном содействии варягов. Программа включала десять названий: «Городище. Гонец» («Восстал род на род»), «Сходка наспех», «Разорение», «Варяги на море», «Набег», «Битва», «Вече», «Князь и полудье», «Апофеоз» («Курганы»). В записных книжках Рериха мы находим ещё много других сюжетов — программ, по смыслу примыкающих к уже перечисленным. В одной из записей художник даёт общее название цикла — «Славяне и варяги», а затем расшифровывает его — «Из культурной жизни Новгородских славян конца IX века». Но этот цикл произведений никогда не будет осуществлён. Слишком логично он был задуман, слишком напоминал иллюстрацию к нормандской теории, признанной во второй половине XIX столетия и принятой самим Рерихом в полной мере. Историк мешал художнику. Это произошло в первый и последний раз. В следующие годы они будут лишь помогать один другому в создании художественного образа, яркого и достоверного.

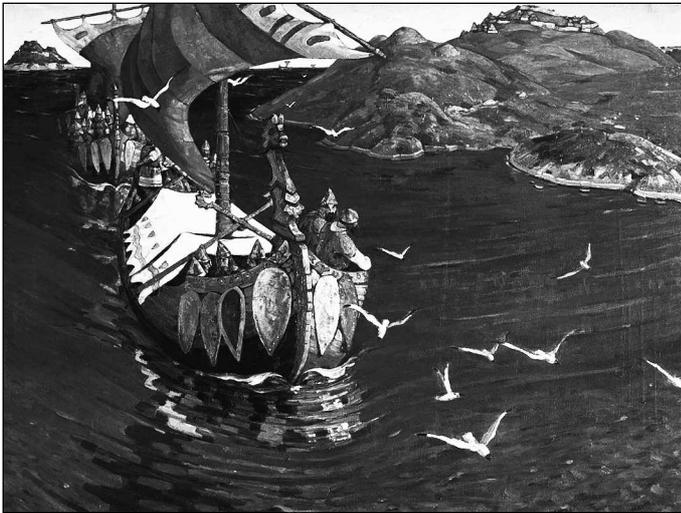
В 1900 году Рерих едет за границу. Молодой художник оказался на перепутье. Противоречивость формального языка его картин, появившихся после «Гонца», таких как «Сходятся старцы», «Поход» — ясно указывает

Гонец. Восстал род на род. 1897.
Холст, масло

на поиск выхода из обозначившегося тупика. В Париже Рерих отдаёт предпочтение изучению старой живописи. Из современников ближе всего для молодого русского живописца оказался незадолго до этого умерший Пюви

де Шаван, который определял своё искусство словами: «Если хотите, это символизм». Во главе мастерской, которую выбирает Рерих, стоит метр Фернан Кромон, темы картин и росписей которого очень близки молодому художнику. Сцены скандинавского, немецкого, индийского эпосов, образы легендарных прародителей были написаны Кромоном с учётом археологических и этнографических реалий. Рерих обращён к тем же

Заморские гости. 1901.
Холст, масло

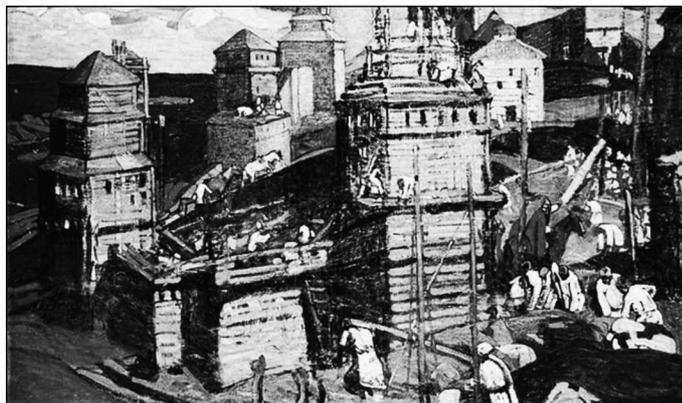
первобытным, древним временам. Хоть он и дал зарок не писать в Париже «сочинений», то есть картин, а лишь учиться, он его нарушает. Сначала художник пишет «Идолы», отмечая в записной книжке: «Эскиз с идолами меня радует — он сильный, яркий, в нем ни драмы, ни сантиментов, а есть здоровое языческое настроение». Затем появляется «Поход Владимира на „Корсунь“». Люди в ладьях не различимы, слитны, как волны в море, — тем торжественнее общее настроение, ритм картины. Сюжеты эти совсем не совпадают с намеченными прежде, но внутреннее родство их несомненно. В трактовке формы Рерих окончательно уходит от иллюстративности, правда деталей уступает место правде обобщений, на смену личности приходит человеческий рой.

Возвращением из Франции датируется новый период в жизни и искусстве Рериха. Один из видных критиков начала века Сергей Эрнст отмечал, что «большой новостью этих дней в творчестве Рериха является принятие им тех определённых законов художественного воплощения, что принято называть... стилизация». Мастера уже не удовлетворяет простое перечисление красот земного мира, он «перерабатывает свой художественный материал в формы, может быть, несколько неожиданные, но служащие вящей выразительности, крепости и своеобразности».

Этот новый период открывает картина 1901 года «Заморские гости». Она была задумана и даже описана Рерихом ещё задолго до Парижа, в 1899 году, на страницах путевого очерка «По пути из варяг в греки», где

художник рядом с реальными картинами дня сегодняшнего воссоздаёт события и образы давно минувших дней. «Плывут полунощные гости. Светлой полосой тянется пологий берег Финского залива. Вода точно напиталась синевой ясного весеннего неба; ветер рябит по ней, сгоняя матово-лиловые полосы и круги. Стайка чаек спустилась на волны, беспечно на них закачалась и лишь под самым килем передней ладьи сверкнула крыльями... Длинным рядом идут ладьи; яркая раскраска горит на солнце. Лихо завернулись носовые борты, завершившись высоким стройным носом — драконом. Полосы красные, зелёные, жёлтые и синие наведены вдоль ладьи... Около носа и кормы на ладье щиты привешены, горят под солнцем. Паруса своей пестротой наводят страх на врагов... Стихнет ветер, дружно подымутся весла; как одномерно бьют они по воде, несут ладьи по Неве, по Волхову, Ильмене, Ловати, Днепру — в самый Царьград; идут варяги на торг или на службу...».

Строки очерка предварили живописную интерпретацию сюжета, но не сделали её вторичной. Вся сцена видится как бы издали, взгляд не останавливается на деталях, а охватывает общее — плавный ход кораблей по тяжёлой синей воде. Археологическая, музейная точность необходима художнику. Но она подчинена целиком тому, что в начале века иронически, или почти ругательно, называли «настроением». Для художника событие, которое он изображает, — это прекрасное и существенное звено человеческой истории, мечта, обращённая в прошлое. Художник выделяет одну тему — тему гармонии и радости древней жизни. Характер художественного образа трансформирует и художественную манеру Рериха. Композиция становится всё более чёткой, выверенной; человеческие фигурки пишутся всё более обобщённо, почти силуэтами; тональность картины делается всё более торжественной. Композиция, колорит, все детали

Город строят. 1902.
Холст, масло

живописного полотна объединяются единым ритмом, как бы сливаются в единую мелодию.

Как и в картине «Заморские гости», в работе Рериха «Город строят», несомненно, отразились новгородские впечатления. На выставке 1903 года она привлекла всеобщее внимание. Для В.В. Стасова — истого приверженца передвижнического реализма — это нечто отталкивающее. Его отзыв резок и безжалостен: «Все эти

„города“, старорусские „охоты“, „битвы“, „флотилии“ и т. д. — не что иное, как приближение к декадентскому безобразию». Иначе воспринимали рериховские создания, в том числе и картину «Город строят» В.А. Серов, В.И. Суриков, И.С. Остроухов. Остроухов в письме к члену Московской думы С.А. Муромцеву, от которого отчасти зависело приобретение картины для Третьяковской галереи, отмечал: «Рерих, страстный археолог, опять, как всегда, трактует мотив из доисторических, „антропологических“ времен старой Руси. Сообразно с новизной мотива, сообразно с содержанием его, смело применяет в картине своей и особую манеру, широкую, „эскизную“. Я затрудняюсь ответить прямо на Ваш вопрос: „Так ли строили города тогда?“ — Не знаю. Но талант художника меня лично заставляет верить, что так».

Праистория России, которую Рерих запечатлевал в своих живописных произведениях, открывалась ему прежде всего во время археологических раскопок. Эти исследования и в годы начавшейся художественной славы не превратились в «хобби» дилетанта, а оставались существенной частью каждодневного труда настоящего серьёзного учёного.

Ежегодно Рерих берёт «открытый лист» Императорского Археологического общества и отправляется в экспедицию. Гнездовские курганы под Смоленском, Соровское городище возле Ростова Великого, древние курганы под селом Бологое и, конечно же, Новгород и его округа.

По рекомендации А.А. Спицына Николая Константиновича принимают в действительные члены Археологического общества. Коллекции музея русского Археологического общества в Санкт-Петербурге и Новгородского музея древностей постоянно пополнялись новыми ценными для науки находками. И сегодня они не утратили своего значения. Многие разделы современной экспозиции Новгородского государственного объединенного музея-заповедника включают в себя предметы из раскопок, выполненных под началом Н.К. Рериха. Хотя одно обстоятельство — исчезновение документации во время эвакуации 1941 года — затрудняет работу с этими вещами. К счастью, старые каталоги музея Археологического общества полностью сохранились. В них мы находим многочисленные записи, характеризующие находки из раскопок в Новгородской губернии.

Н.К. Рерих по-прежнему заинтересованно и пристрастно проследивает связь Северо-Западной Руси со Скандинавией, отсюда выбор памятников и особое внимание к Новгороду — Холмграду, как называли его варяги. И сегодня археологи, занимающиеся проблемами контактов западного и восточного, а точнее славянского, миров вновь и вновь обращаются к рериховским отчётам, опубликованным в разные годы. Важнейшие из них: «Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца» (1899), «Некоторые древности пятин Бежецкой и Древской» (1903), «Каменный век на озере Пирос» (1905). Привлекает к себе внимание и уже упоминавшийся очерк «По пути из варяг в греки» (1899), написанный после паровой поездки из Петербурга в Новгород. И научные отчёты, и путевые очерки автор снабжал прекрасными фотографиями и рисунками, способствовавшими полноте впечатления.

Уход в прошлое для Рериха оказывается прикосновением к настоящей жизни народа, познанием глубины

России. И чем ближе Рерих наблюдал жизнь, тем сильнее его забота и тревога о сохранении древних памятников. Чем дальше от столиц, тем отчётливей контраст прекрасного прошлого Руси и оскудения сегодняшней России. Оскудения и материального, и духовного. Как много из того, что написал художник в очерке «На пути из варяг в греки», актуально и сегодня: «Чем ближе подвигались мы к Новгороду, тем сильнее и сильнее овладевало нами какое-то разочарование. Разочаровало нас вид Кремля, разочаровали и встречные типы, разочаровало общее полное безучастие к историчности этого места. Что подумает иностранец, да мы, свои люди, усомнились: да полно, господин ли это Великий Новгород?». Рерих с огорчением замечал, что уходит патриархальный народный быт, разрушаются или приходят в упадок исконные промыслы: ткацкие, керамические, лоджарные и другие. Народ теряет свою культуру. Но именно в это время предметы народного обихода начинают обретать вторую жизнь. Они становятся объектом коллекционирования, им подражают профессиональные художники.

Несколько раньше, в 60–70-е годы XIX века, возник интерес к византийским и древнерусским традициям в архитектуре, а среди старообрядцев появились первые собиратели древних, почерневших от времени икон. Во всём привлекала прежде всего древность, традиционность. Эстетические качества уходили на второй план, а в иконе, вплоть до начала XX столетия, когда научились её реставрировать, о них и вообще не было речи. Появились целые фирмы (Сизикова, Овчинникова, Хлебникова), которые выпускали в большом количестве иконы-складни и бытовые предметы, имитировавшие и в стиле, и в технике древнерусские перегородчатые эмали, скань и многое другое. Такой интерес к прошлому на фоне массовой безграмотности, бескультурья, духовной и физической нищеты может показаться, по меньшей мере, странным. На самом же деле, в художественных кругах простое следование официальной доктрине, провозглашавшей единство православия, самодержавия и народности, превратилось в осознанное стремление сохранить крохи древней культуры, возник подлинный интерес к древнерусской традиции. Это глубокое увлечение своеобразием формально-пластического языка древнерусского искусства, позволившим выразить многогранные смыслы христианской идеи, оказало несомненное влияние на формирование русского варианта стиля модерн, прежде всего в прикладном искусстве, журнальной графике, театрально-декорационном и монументальном искусстве. Усадьбы «Абрамцево» Мамонтовых и «Талашкино» Тенишевых объединяли вокруг себя настоящих любителей и хранителей старины.

«Талашкино» стало и для Рериха настоящим духовным прибежищем. Здесь он общается с близкими ему духовно людьми, расписывает построенную в старых традициях церковь. Одновременно Рерих становится членом многих комиссий по охране старины, организует экспедиции, обращается к современникам через печать, составляет списки ценнейших памятников. С горечью замечает он: «О памятниках старины теперь много пишется. Боясь даже, не слишком ли много. Как бы жалобы на несчастья памятников не сделались обычными! Как бы под звуки причитаний, памятники не успели развалиться. Необходимо проникнуть в души людей, для которых памятник есть храм».

Сохранение старины — это и реставрация. Он выступает против самоуверенного невежества, свойственного многим «реставраторам», неумелые действия которых приводили нередко к «тихим погромам». По существу, Рериха можно причислить к сторонникам консервации памятников, а не к тем, кто стремился вернуть им научно выявленные первоначальные формы. Ярким примером, характеризующим именно такую позицию учёного, служит его отношение к реставрации церкви Спаса на Нередице. Рерих писал: *«Показали снимок незнакомой церкви. — „Откуда это?“ — „Вот ваш любимый Спас в новом виде“. Сделался некрасивым чудный Нередицкий Спас. Нашли мертвую букву Византии, отбросили многое, тоже веками сложенное»*. Лишь через годы художник принял новый облик храма, оценил по заслугам научный и гражданский подвиг реставраторов, сохранивших не просто древний памятник, но вновь открывших для культуры богатство древнерусских форм, их логику и задушевную красоту.

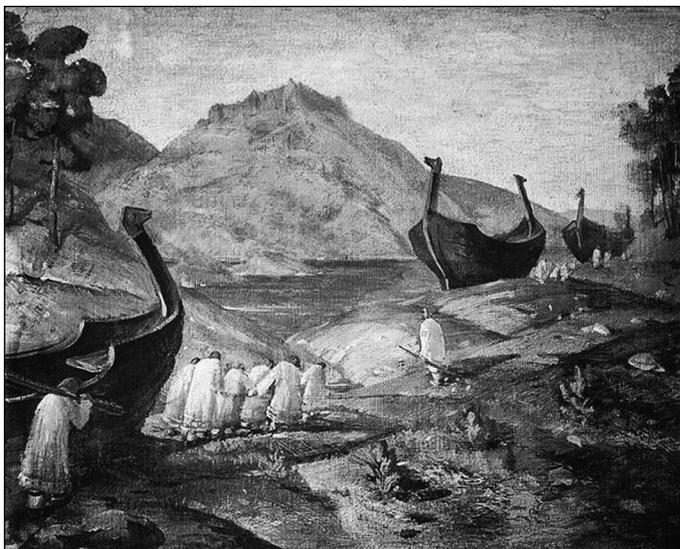
В 1910-е годы известность Рериха и его авторитет очень велики. Он — статский советник, академик, член совета Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, председатель Комиссии по учреждению Музея допетровского искусства и быта при обществе архитекторов-художников, директор школы Общества поощрения художеств, член вновь образованного в 1910 году «Мира искусства». Вся эта разнообразная деятельность направлена на одно — сохранение и изучение древней культуры, выход через неё со всем народом в огромный мир человека исторического, мыслящего категориями всеобщности и преемственности культур.

Огромной радостью для Рериха стало выделение в 1910 году денег на проведение охранных раскопок в Новгороде. Причин для такого жеста со стороны правительства было несколько: в 1913 году предстояло отмечать 300-летие дома Романовых. Новгороду в этих торжествах отводилось не последнее место, кроме того, археологическая общественность России намеревалась в 1911 году провести свой XV съезд именно в Новгороде. Кремль же к этому времени утратил значительную часть своей привлекательности. Лишь Софийский собор — главная святыня города — был к этому времени отреставрирован, но остальные постройки либо совсем обветшали, либо меняли свой облик, обрстая новым декором, зачастую просто достраиваясь.

Участники экспедиции Н.К. Рериха выполняли обмеры сохранившихся древних зданий кремля, составляли подробную научную документацию, но, главное, Рерих первый из археологов соприкоснулся с мощным, несущим в себе колоссальную информацию культурным слоем. Он закладывает траншею, доходит до материка и понимает, что культурный слой неведим и ждет своего исследователя. Средств, отпущенных правительством, было явно недостаточно для ведения систематических исследований, и Рерих уезжает из Новгорода. Работы остановлены на многие годы. Виновен был Рерих или нет,

но некоторая доля недружелюбия легко прочитывается в документах и письмах новгородских любителей древностей. Такое случалось нередко. Одни считали Рериха «обуянным гордыней» карьеристом, поверхностным исследователем, другие — гением и серьезным учёным и тружеником. Последнее из определений, пожалуй, самое важное и верное.

Великим тружеником Рерих был во всём, в том числе и в искусстве. Живописные работы художника исчисляются даже не сотнями, а тысячами. В 1907 году

Волокут волоком. 1915. Холст, темпера
Поморяне. Вечер. 1907. Холст, масло

в Париже он выставляет 130 работ. В 1910 году на выставке Союза русских художников — 60. Игорь Эммануилович Грабарь, известный художник, реставратор, искусствовед, вспоминает: *«Он охотно показывает десятков-другой вещей, исполненных за месяц-два со дня последней встречи: одна лучше другой... ничего банального или надоевшего — всё так же нова и неожиданна инвенция, так же прекрасно эти небольшие холсты и картины организованы в композиции и гармонизированы в цвете»*.

Будучи художником академической выучки, Рерих в совершенстве знал законы линейной перспективы, умел построить на плоскости трёхмерное пространство, воссоздать объёмность реального мира. Но своеобразное, присущее только ему видение мира постепенно приводит художника к использованию законов орнаментального, плоскостного искусства, переводящего

объём как бы в ковёр, украшающий плоскость. Завораживающий ритм линий и цветовых пятен становится основой произведения 1910-х годов.

Одним из определяющих моментов в искусстве Рериха было сочетание пантеизма и археолого-этнографической точности, ощущение всего существующего как сущего, одушевлённого, единого в безусловной адекватности реальному в изображении детали. Отсюда проистекает та удивительная слитность человека, а точнее — многих где-то вдалеке пребывающих людей и природы, камни, деревья, воды которой одушевлены и наделены едва уловимыми качествами живого. Две

Чудь под землю ушла. 1910.
Холст, темпера

картины, хранящиеся в фондах Новгородского музея, в полной мере соответствуют этому новому стилю художника. «Озёрная деревня» (НГМ кп 1880) и «Чудь под землю ушла...» (НГМ кп 1881) — это, может быть, не самые известные и совершенные произведения Рериха, но и его философия, и художественные концепции, и, наконец, видение мира, выявлены в них ярко и убедительно.

Первая из них — «Озёрная деревня» — представляет собой почти натурный этюд, настолько достоверно «взят» мотив. Но и здесь завораживающий ритм линий, передающих лёгкую волнистость приозёрной низины, точно найденное соотношение части и целого, точность цветовой характеристики придают созданному художником образу далеко не обыденное звучание.

Картина «Чудь под землю ушла...» возвращает нас в древнейшие времена и пространства, о которых летописец Нестор написал, как о временах и пространствах Афетовых (Афет — третий сын Ноя): «*Вафетовой части сидят Русь, Чудь, Вель, Меря, Мурома, Мордва, Заволочская Русь*». Бесконечные гряды зелёных холмов, низкое небо, фиолетовые узоры теней, коричневые фигурки, напоминающие тружеников-муравьёв. Взгляд издалека в далёкое, завораживающее мерностью и выверенностью движений людей, ритмом холмов. Трагизм фразы «Чудь под землю ушла» переведён на язык пластического искусства, овеянный в цвете, ритме, композиции. Нет больше этого племени. Ушло, растворилось в природе и среди других племен. Только археологи под землёй (!) — обнаруживают его следы. Символический образ ухода в вечность, созданный художником, не навязывается, не декларируется, а возникает как-то незаметно, когда долго смотришь на эту небольшую, написанную темперой картину.

В Новгородском музее есть ещё одно — очень известное — произведение художника этого периода: «За морями земли великие» (НГМ кп 8261). К этой теме художник обращался несколько раз. Новгородская картина, пожалуй, лучшая, наиболее цельная. В ней главное место отдано фигуре девушки, шествующей по бескрайним просторам русской земли. Это не портрет и, тем более, не аллегория, которую можно расшифровать вполне однозначно, передав смысл несколькими словами. Рерих создаёт действительно сложный, многослойный символ Руси, славянства, торжественной гармонии древнего мира наших предков, восхождения к «первозданным истокам бытия», прозрение через них будущего.

При этом девушка изображена в костюме, написанном с археолого-этнографической точностью. Вышивка белой рубашки, узор пояса, ожерелье, перстни, кокошник, кожаная обувь, подвешенные к поясу нож, гребешок, сумочка — по существу, живописные интерпретации реальных археологических и этнографических находок. Ни один учёный не найдет ошибок в форме хижин, городищ, челнов, луков, колчанов, орнаментов одежды в картинах художника Рериха, потому что Рерих-учёный не позволит отклониться от истины в передаче деталей и реалий быта. И при этом Рерих и современниками, и потомками воспринимался и воспринимается как самый скупой на детали, стремящийся к их обобщению художник. И действительно, зная все детали древней одежды или оружия, всегда сохраняя

точность в их передаче, Рерих никогда не демонстрирует и не перечисляет их зрителю. Они органично соединяются с вымыслом целого. Взгляд скользит по деталям, схватывая лишь общий ритм цвета и узоров. Гребешок у пояса девушки незаметен совершенно. Зритель увидит его, если будет специально, очень внимательно рассматривать картину, к чему автор его вовсе не приглашает. Ему важен ритм движения, тяжёлых складок её одежды, слияние белой фигуры с зелёным холмом, с серыми камнями, с морем. А ещё важнее — вызвать у зрителя ощущение связи всего сущего на Земле, передать движение больших и малых миров, движение, которое можно обозначить одним словом — история.

Это сочетание почти символической обобщённости и подробной исторической и археологической достоверности создаёт главную особенность живописи Рериха, создаёт его мир, его страну, которую Леонид Андреев точно назвал «Держава Рериха». Сердце этой державы — прекрасная Древняя Русь, славянский Север.

ИСТОЧНИКИ

Гидони А.И. В защиту искусства // Рерих. Пг.: «Свободное искусство», [1914]; Эрст С. Н.К. Рерих. СПб, 1918; Полякова Е.И. Николай Рерих. М., 1985; Рерих Н.К. Листы дневника, Т. I. М., 1995; Беликов П.Ф., Князева В.П. Николай Константинович Рерих. Самара, 1996.

В.И. Поветкин

Приношение Великому Новгороду к его 1150-летию

Тридцать лет назад мне выпала великая честь — начать работы по восстановлению в формах и звучании знаменитых новгородских лирообразных гуслей середины XI века с сохранившейся на их обломке резной надписью «СЛОВИША». В ходе дела принципиально важным стало обращение к позднему (этнографическим) гусям, игра на которых, как теперь знаем, составляла непрерывную традицию в Псковской и Новгородской областях до 1920—1930-х годов. Именно деревенские, простые в изготовлении гусли, а не созданный в 1900 году О.У. Смоленским и Н.И. Приваловым, также именуемый гусями концертный инструмент, обнаружили конструктивную связь со средневековыми образцами гуслей. В 1978 году непритворным деревенским гусям, казалось, навсегда умолкшим, я попытался вернуть голос. Мне открылся многоцветный по звучанию и восхитительный по исполнительским музыкальным возможностям инструмент. Оставляя в стороне многое важное и интересное из усилий по озвучиванию древних гуслей и открытый в народной музыке, выпавших на последние десятилетия XX века, коснусь отдельного, по-своему знаменательного случая.

В конце 1970-х годов мне, городскому жителю, музыкально воспитанному средствами массовой информации — как, впрочем, это происходит и сегодня — более на западноевропейских образцах музыки, нежели на русских, никто не мог подсказать, что и как играли когда-то, скажем, на шести-, семи- или девятиструнных гусях в новгородских деревнях. Приходилось один на один общаться с незнакомым инструментом. Инструмент с тонкими, нежными струнами «диктовал» иную, не как у концертных гуслей, технику игры. Исполнительские возможности этих простых гуслей сочетались с музыкальными фразами, наигрышами, придавая им неслыханное мною прежде на других инструментах очарование. Сами собой возникали и новые мелодии, словно инструмент их сам выговаривал. Можно ещё и ещё раз подтвердить ту мысль, что простые народные гусли — это очень отзывчивый, благодарный инструмент, что их не зря русские люди издавна именовали гусями-самогудами и утвердили за ними песенное, сказочное, мифологическое, приземлённо-бытовое и одновременно недостижимое космическое величие.

Один из тогдашних наигрышей, легко запоминаемый — с торжествующими, ликующими интонациями — прямо-таки выговаривал, как мне представлялось, многоголосую славу Новгороду. Он вскоре нашёл себе место в новгородских киносюжетах Э. Раненко, Л. Морозовой, К. Расторгуева, В. Правдюка, Ю. Сенчукова, Б. Курковой, В. Познина, других авторов, звучит он и в кинофильме М. Михеева «Живые струны». В 1986

и последующих годах он звучал в моей гусельной композиции, приуроченной к 800-летию «Слова о полку Игореве». Его слышали в Ленинграде, Москве, Изборске, Белгороде, Курске, в Эстонии, Латвии, Литве. В немецком городе Фрайбурге Клеменс Ритманн — дирижёр Русского хора имени Александра Креслинга, услышав гусельный вариант, сказал: «Это готовый гимн».

В газете «НОВГОРОД» от 15 мая 2008 года № 20(932) в глаза бросился заголовок «Дело за музыкой». Сообщалось, что начался второй этап конкурса на создание гимна Великого Новгорода: стихи написаны, нужна музыка. Я не участвовал в конкурсе. Одобрённых стихов не слышал, не читал. Как-то сам собою зазвучал не надоевший мне за тридцать лет гусельный наигрыш — и пришли слова. Возникло нечто единое, быть может, вариант того, что требуется при создании хвалебной песни, славы, гимна Великому Новгороду.

Слышал рассуждения, что гимн городу вообще не нужно придумывать: гимн, дескать, должен быть один — России. Не согласен. Торжественными песнями с глубокой древности прославляли богов, уважаемых граждан, победителей. Славил святых, вспомним, например, гимн равноапостольным Кириллу и Мефодию, причём не в одном варианте. В Древней Руси пели славу князьям. Совсем недавно у нас в деревнях во время свадьбы славил жениха, невесту, гостей. В Византийской церкви гимны считались отголоском небесного ангельского пения. В Античной Греции гимны исполнялись певцами в сопровождении кифары — струнного щипкового инструмента, сравнимого с древненовгородскими лирообразными гусями. Кстати, надпись на гусях — *словиша* — в одном ряду с *пресловутый*, *словутный* — знаменитый; инструмент мог служить для прославления. На Новгородском (Рюриковом) Городище найдена актовая свинцовая печать, сообщающая, как считает академик В.Л. Янин, что князь Святослав Ольгович (1136—1138 гг., 1138—1141 гг.) был гимнографом, сочинителем церковных гимнов. В русских народных песнях нередок мотив славы — селу, городу, улице. Одна такая песня особенно близка Новгороду, где в Славенском конце сохранилась, не изменив названия, древнейшая в России — Славная улица; возможно, именно здесь родилась песня-хоровод «Э-ох, Славная улица наша широкая».

Убедён, что гимн, величальная песнь Великому Новгороду никак не умалит значения Государственного гимна России. Напротив, обогатит его. Это очень важный принцип — во время праздников хвалить родную землю, хвалить, разумеется, по заслугам, хвалить наши большие и малые города, деревни, хутора и достопримечательные уголки, ибо этим воспитывается в нас

уважение к ухоженному лику Родины. Более того, нам, россиянам, и русским в особенности, если мы хотим остаться русскими и сохранить лучшие идеалы нашего народа, необходимо научиться хвалить друг друга, хвалить искренне. Каждая такая, пусть маленькая, но заслуженная похвала — сродни гимну.

Гимн родному краю, исполняемый одновременно всеми, хором — это звучащее знамя, под которым мы можем объединяться в возвышенных помыслах. Заметим, областные, городские, корабельные и многие другие флаги не затмили Флага Государственного.

Очень важно не просто слушать гимн, замерев на вытяжку: в этом, хочешь не хочешь, остаётся нечто концертное. Важно петь его со всеми вместе, живя в нём телом и душой, проникаясь его чарами.

Вспоминаю, как двадцать лет назад во время грандиозного, впервые отмечавшегося в Новгороде Праздника славянской письменности и культуры я призывал новгородцев разучить гимн Кириллу и Мефодию и петь его многолюдным хором ежегодно 24 мая в день памяти святых первоучителей. К сожалению, мы, воспитанные на концертных традициях, поныне пассивно ожидаем, что кто-то нам споёт. Строго говоря, на торжественной с церковными песнопениями церемонии возложения цветов к фигурам Кирилла и Мефодия у памятника «Тысячелетие России» и петь-то некому: кроме горстки случайных прохожих, как правило, не знающих ни напева, ни слов гимна, на столь значительном празднике никто не собирается. А могло бы быть совсем иначе. На кремлёвской площади пред ликом Софии Премудрости выстроились бы шеренги школьников, студентов и вообще всех грамотных людей и, исполнив единодушно гимн Кириллу и Мефодию, — скажем, простой и запоминающийся вариант Войцеха Ивановича Главача, — восславили бы святых равноапостольных, а одновременно благодарно поклонились бы своим нынешним школьным и университетским преподавателям. Нет смысла упрекать в пассивности комитеты образования и культуры. Беда в нас самих, в нашем общем бездействии. Никто нам не мешает помнить заветы предков и отметить гимном всё то, что по справедливости достойно почитания.

Каковым можно представить гимн Великому Новгороду? Его ликующая мелодия должна быть легко запоминаемой, доступной для исполнения многими людьми. В то же время она не должна быть модной песней-однодневкой, ибо ей предстоит долгая жизнь, желательно, чтобы она всегда оставалась притягательной для слуха. Текст гимна лучше не перегружать стихами. Это не должна быть полная, пусть и восхитительная, летопись исторических заслуг новгородцев. Пусть торжественно звучат слова-знамёна, обозначающие самые главные, «вечные» черты в историческом облике города.

Соответствует ли данным пожеланиям вариант гимна, гусельная мелодия которого спустя тридцать лет обрела слова, судить не мне. В любом случае приношу его в дар Великому Новгороду. Полагаю, чем больше будет опубликовано величальных песен нашему городу, тем лучше. Великий Новгород — древний государствообразующий город, возникший на музыкальном аристократизме, кладёзь документов письменной грамотности, сокровищница художественной культуры, город корабельщиков, торговых людей и ремесленников, город воинской славы — достоин всегда и, тем более, к своему

юбилею быть возвеличенным в поэзии и музыке. Что же касается официального гимна, то только жизнь должна утвердить, который из вариантов для столь высокой миссии окажется более подходящим.

Привожу текст гимна Великому Новгороду, который желательно читать не как обычный стих, а согласуя с прилагаемой мелодией.

ГИМН ВЕЛИКОМУ НОВГОРОДУ

Величавая
Наша Родина —
Богатырская
Сторона!
Где София,
Тут и Новгород,
Золотые
Купола.
Где Софии храм,
Тут наш Новгород,
Здесь поют-гудут
Колокола.
Господин Государь
Великий Новгород —
Гуслей звончатых
Кружева.
Ты в веках стоишь,
Нас от бед хранишь —
Не забудем
Никогда.
Ты в веках стоишь,
Красотой даришь —
И поют-гудут
Колокола.
Волнам Ильменя —
На утишенье,
Людам добрым —
На слух.
Как из грозных туч
Грянет солнца луч,
Пусть поют-гудут
Колокола.
Славен будь всегда,
Пресветлый Новгород!
Пусть гудут твои
Колокола!
Славен будь всегда,
Великий Новгород!
Пусть гудут твои, поют-гудут
Колокола!

1. Ве-ли - ча - ва - я на-ша. Ро - ди-на — бо-га - тыр - ска - я сто-ро - на! Где Со-
// -дин Го-су-дарь Ве-ли - кий Нов-го-род — Гу-слей звон-ча-тых кру-же - ва. Ты в ве-
// Иль - ме - ня — на у - ти - ше - нье, лю-дям доб-рым — на слух. Как из

-фи - я, тут и Нов-го - род, зо-ло - ты - е ку-по - ла. Где Со-
-ках сто-ишь, нас от бед хра-нишь — не за - бу - дем ни-ког - да. Ты в ве-
гроз-ных туч гря-нет солн-ца луч, пусть по - ют - гу-дут ко-ло-ко - ла. Сла-вен

-фи - и храм, тут наш Нов-го - род, здесь по - ют-гу-дут ко-ло-ко - ла. 2. Гос-по//
-ках сто-ишь, кра-со - той да - ришь — и по - ют-гу-дут ко-ло-ко - ла. 3. Вол-нам//
будь всег-да, пре-свет-лый Нов-го-род! Пусть гу - дут тво-и ко-ло-ко - ла! Сла-вен

буди всег-да, Ве-ли-кий Нов-го-род! Пусть гу-дут тво-и, по-ют-гу-дут ко-ло-ко - ла!

Данный вариант гимна, как мне представляется, позволяет быть исполненным в различных переложениях: для смешанного хора, для симфонического оркестра, для хора и оркестра. Пришёл черёд сказать о другом.

Великий Новгород на пороге празднования своего 1150-летия. Предстоят многие церемонии. Отчасти они уже известны нам по ежегодным праздникам Дня города. Вдруг подумалось о празднике как целостном явлении, о его зачатии, о его кульминационных торжествах, о его завершении и, в частности, о знаке, по которому все бы понимали, что время не стоит на месте, что праздник окончен, грядут будни и близится время сна.

В традициях нашего народа подобным знаком опять-таки была песня. У казаков на юге России в конце праздничного застолья пелось: «Пора, пора, гостеньки, со двора...». В Псковской области по вечерней заре в знак окончания работ раздавалась одна из многих жнивных, яринских песен, например: «Пара жнейкам дамой итти, / Патирыла заря ключы...», или «А сонца за бор, за бор, ай, красная за бор, за бор...», или «Ни катися, маё солнушка, ой, ни катися, маё красное...». На Терском берегу у рыбаков-поморов, потомков древних новгородцев, девушки, уходя с девичника и прощаясь с невестой, пели: «На солнечном восходе, на углеве...». Воспринимаю эту песню ещё и как песенное знамя, как гимн всему Русскому Северу.

В ходе таких размышлений представил затихающие в праздничном гулянии и уставшие от натиска громогласной музыки площади, парки, улицы, набережные нашего города. Представил плывущую над ними тихую ласковую умиротворяющую мелодию, которая всем была бы понятна как знак прощания с праздником. Пришли напев и слова необычной колыбельной песни, которую также дарю городу к его замечательному юбилею.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ВЕЛИКОМУ НОВГОРОДУ

Солнце-Конь в закат умчался,
Гривы алмаз забыв на Луне,
Звёзды, в лодиях качаясь,
Шлют сиянье нам извне.
Звёзды, в лодиях качаясь,
Приплывают к нам во сне.

Спи, наш Новгород украсный,
Спи, Софийская сторона —
Станут Волхова русалки
Сладки песни вспоминать.
Станут Волхова русалки
Струнам звонким подпевать.

Спи, пресветлый древний город,
Спи, Дворище и причал —
Будет Месяц косорогий
Колокольчиком бречать.
Будет Месяц косорогий
Колыбель твою качать.

Спите, реки и дубравы,
Спите, яблони в цвету,
Утром рано Конь проскачет,
Отряхая с вас росу.
Утром Солнце-Конь проскачет,
Рассыпая красоту.

Прилагаемая мелодия может звучать в сольном женском исполнении, детском хоровом, а также инструментальном — скрипичном, флейтовом, других вариантах и, в частности, гусельном.

1. Сол-нце-Конь в за-кат у-мчал-ся, гри-вы ал-маз за - бив на Лу-не, звёз-ды,
 2. Спи, наш Нов-го - род у-крас-ный, спи, Со-фий-ска - я сто-ро-на — ста-нут
 3. Спи, пре-свет-лый древ-ний го-род, спи, Дво-ри-ще и при-чал — Будет
 4. Спи-те, ре-ки и дуб-ра-вы, спи - те, я-бло - ни в цве-ту, ут-ром

в ло-ди-ях ка - ча - ясь, шлют си - я - нье нам из - вне. Звё-зды,
 Вол-хо-ва ру - сал-ки слад - ки пес - ни вспо - ми - нать. Ста-нут
 ме-сяц ко-со - ро - гий ко - ло - коль-чи - ком брен - чать. Будет
 ра-но Конь про - ска-чет, от - ря - ха - я с вас ро - су. Ут-ром

в ло-ди-ях ка - ча - ясь, при - плы - ва-ют к нам во сне.
 Вол-хо-ва ру - сал - ки стру - нам звон-ким под-пе - вать.
 ме-сяц ко - со - ро - гий ко - лы - бель тво-ю ка - чать.
 Сол-нце-Конь про-ска - чет, рас - сы - па-я кра-со - ту.

Коль скоро мы, горожане, приучены музыкально мыслить по-западноевропейски, то и «Гимн», и «Колыбельная» не случайно соответствуют профессиональному концертному языку. В народной традиции не потребовалось бы писать ноты, запоминали бы на слух. И музыкальный язык был бы иным. Тем не менее в стихах к «Гимну» и «Колыбельной» сохраняются отголоски поэтических формул и образов, присущих нашим старинам, погудкам, народным песням.

Авторством не кичусь, так как моего специально композиторского участия в возникновении представленных музыки и стихов почти не было; они возникли сами. Для человека, к которому в ходе обычного течения жизни вдруг стучится новый напев, — это не труд, а радость, не-

объяснимая награда, пребывание в ауре счастья. Гораздо больше выпадает труда на долю аранжировщика.

Искренне признателен участникам хора Центра музыкальных древностей за их смелость озвучить, спеть незнакомое музыкальное приношение. В особенности благодарю Наталью Николаевну и Марину Николаевну Поповых. Без их профессиональной музыкальной чуткости, без их моральной поддержки и активности не легли бы на нотный стан мои неряшливые гусельные проигрыши, не услышал бы я их распетыми, разложенными на голоса и не рискнул бы предложить на взыскательный суд новгородцев.

5 июня 2008 года

Гусельный вариант «Колыбельной Великому Новгороду»

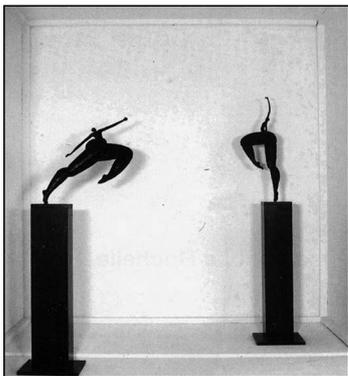

В.И. Ярьин

ТРЕЙЛЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

К Ганзейским Дням в Липпштадте¹

Вереницы трейлеров — привычная картина на любых дорогах. Именно таким образом в наше время перевозят большинство грузов в развитых странах. Идея «трейлера» — большого контейнера для перевозки грузов, была взята у организаторов праздника за основу при оформлении улиц Липпштадта. В разных его частях разместили 14 фанерных контейнеров кубической формы со стеклянным фасадом и надписью на одной из сторон «Fragile», то есть «хрупкий», подкреплённой изображением символа хрупкости — хрустальной рюмки. В каждом из контейнеров — некая инсталляция, выполненная художником из ганзейского города, представленного на Празднике. Дополнили эту идею несколькими большими, также сделанными из

фанеры воротами, установленными на главных дорогах, ведущих к центру города. В целом эта инсталляция «хрупкости» в интригующем значении «искусство для всех» объединила общие идеи дружбы, общения, сотрудничества и перспективного развития городов «Ганзейского союза Нового времени».

Ганза — средневековый торговый союз, и проблема доставки грузов была в нём актуальна. Главное, что с исчезновением этого союза в веках задача доставки грузов не ушла в никуда. Если посмотреть шире, то вся жизнь полна различных форм контейнеров. Это и вагон поезда, и салон самолёта, личный автомобиль, квартира и даже приличный дом — хорошо «упакованный» контейнер. В надписи «Fragile» на контейнере заключён огромный смысл: наша жизнь сама есть Fragile, где ей подвержено всё — от отношений людей и государств до самого существования человека на земле. В этой связи организаторам не откажешь в изобретательности. Сквозная идея праздника охватывает всё

и вся: «Fragile — ein Kunstwerk für Jedermann» («Хрупкий — искусство для каждого»). Как она выполнена — вопрос другой. Понравилась ли она людям, поняли ли они её: ведь чтобы разобраться в сути, надо прослушать лекцию, сходить на экскурсию или почитать специальный буклет, посвящённый Дням Ганзы в Липпштадте. Хотя, наверное, для веками организованной и упорядоченной немецкой жизни такая художественная интрига вполне могла выступить приятной забавой. Мы также

не будем спорить о её художественных достоинствах, предоставив слово самим организаторам.

«Вспышка творческого сознания — однажды схваченная, стала идеей, которая, видоизменяясь, детально разрабатываясь, развиваясь, наконец-то обрела свою конкретную форму и предстала — иногда загадочно — публике. Возможно, это только добротная забава или шутка. Но теперь зрителям придётся жить с этим, и оно должно показаться им своим лицом, ранимостью и служить источником информации. Зрителям ныне следует как-то справиться с идеей, которая уже обрела форму крепких ящиков, размещённых на улицах, наполненных художественной продукцией или всякой всячиной, чтобы организовать большие пространства, охватывающие улицы, — написал главный идеолог и создатель проекта Манфред Фейт-Умбер. — Четырнадцать творческих работ, показанных в художественных ящиках. Четырнадцать идей художников из шести европейских стран встретили пятнадцатую идею в Липпштадте. Они нашли своё место: просто бросили всё это на улицу, таким вот образом, и искусство здесь может догнать людей, сможет найти свою аудиторию. Искусству разрешается „портить“, если только об этом предупреждается заранее. Эти четырнадцать маленьких храмов изящных искусств — показывают планетарное время».

¹ Ганза (нем. Hanse, древн.-верхн.-нем. Hansa, буквально «группа», «союз») — торговый и политический союз северонемецких городов, сформировавшийся в XIV веке.

«Комочек искусства в ящичке...!» Насколько всё это понятно прохожим?

«Искусство всегда уязвимо для нападков. Однако завершённая вещь в искусстве есть, может быть, всегда противоположность. Каждый раз находится что-то, против чего можно протестовать, что-то, что можно критиковать.

С того момента, когда художник представил свою работу публике, его произведение должно уже само заботиться о своём существовании. Даже Рафаэль не всегда был оценён по достоинству. Тем не менее, мы знаем сегодня, что относительная объективность в признании современного времени может быть достигнута только в будущем. Кусочек такой объективности как раз и присущ этим ящичкам, в которых представлено ныне искусство Ганзы. Эти ящички вынуждают нас держать дистанцию, которая необходима, чтобы подняться до уровня воображения и позиции художников», — отметил другой соавтор проекта Ян Хоег.

Эти фанерные кубы на площадях и улицах и выдержанные в такой же стилистике несколько ворот вполне «организуют» пространство, хотя могут нравиться далеко не всем. Авторы проекта сознательно философствуют на тему таких временных городских объектов, чтобы рассматривающие эти художественные произведения задумались о себе, других, окружающей среде.

Второй сквозной идеей Праздника были стулья, изготовленные для каждой делегации различными ремесленными мастерскими Липпштадта. Во время открытия торжества на Ратушной площади каждой делегации вручили такой стул: один не похож на другой. Для новгородцев был изготовлен красочный объект, ярко разрисованный, со спинкой в виде куполов Софийского собора.

Ведущий церемонии открытия «выскакивал» делегацию в огромной толпе, показывая тем самым нахождение тех или иных на Празднике, приковывая к ней взгляды остальных, и это было очаровательно. Некоторые стулья доставлялись тут же на сцену и показывались публике. Стулья эти, выполненные собственноручно липпштадтскими мастерами, каждая делегация увезла домой, предварительно сфотографировавшись около них или сидя на них

прямо здесь, на площади. Девиз Ганзейского пролога звучал: «Найти место, занять место, иметь место». Идея и красочная, и интригующая, как бы призывающая: «посидим рядком — поговорим ладком» и станем друзьями навеки. *«Гости из 15 европейских стран, представляющих обширную Ганзейскую Семью, приглашаются на Праздник жителями Липпштадта с дарением им стульев, специально изготовленных для каждого города»,* — указывалось в буклете фестиваля.

Будучи на Празднике в Липпштадте, трудно было отделаться от мысли, что этот праздник очень похож на Праздник в Страсбурге — Рождественскую ярмарку. Те, кто бывал в Страсбурге в это время, возможно, могли бы согласиться с таким сравнением². Современное видение средневековых ярмарок во многих городах Европы кажется похожим. По всему городу разбросаны деревянные киоски для торговли всякой всячиной: от сувениров до еды и напитков, как, например, блинами в Новгородском павильоне от ресторана «При дворе».

Различные аттракционы, уличные музыканты, жители в традиционных костюмах и художественные коллективы органично дополняли эту разнообразную торговлю.

В Липпштадте было два рынка. Первый — Рынок Ганзы, и в нём приняли участие 99 торговцев из 13 европейских стран, разместившись в 110 деревянных переносных киосках, торгуя *«возможностями туристических поездок, едой, ремесленным продуктом и культурными удовольствиями»*. В этой части города, посещая киоски «ганзейских» стран вокруг собора Мариенкирхе, *«вы можете за три часа сверстать ваши планы поездок в отпуск на следующие лет 20»,* — зазывали организаторы праздника.

Главное ремесленное действо происходило в парке у руин разрушенного средневекового монастыря и называлось Средневековым Рынком, который, как, впрочем, и Ганзейский рынок, работал два дня с 11 до 20, а в последний день — с 11 до 16 часов.

«Стражники в средневековых костюмах ожидают гостей. Под аккомпанемент бардов гости попадают в XIII век. Окружающая культурная среда здесь, сформированная более чем 150 мастерами ручных ремёсел, частью которые приехали издалека, даёт посетителю возможность увидеть различные действия далёкой эпохи, отведать вкусную традиционную еду (ежедневно жарились два поросёнка на открытом огне и выпекался хлеб традиционным способом — В.Я.) и поупражняться в старинных забавах (например, в метании топора — В.Я.). Зритель может принять участие в других различных

² Ярыш В.И. Сиреневый туман в Страсбурге // Чело. № 1, 2001. С. 113—117.

забавах, включая средневековые танцы: „поприсутствовать” в суде, принять участие в „сборе налогов”, посмотреть на воинские сражения, на людей, „поедающих” огонь, на жонглёров.

В специальном „рыцарском турнире” дети могут принять участие в „рыцарской школе”, пострелять из арбалета или примерить настоящие доспехи рыцаря, поучиться изготовлению свечей или войлока.

Центральная тропинка в этом парке устроена так, что, проходя по ней, зритель мог увидеть почти всех мастеров, все торговые лотки, места традиционной кухни и забав. Была на тропе и перевозная кузница с двумя горнами. С частотой в пару часов на поляне у развалин замка разыгрывались сражения, проходили концерты. Рядом под кроной огромного дерева выступали миннезингеры, различные певцы и музыканты. Можно было купить, например, деревянные башмаки, которые, оказывается, изготовляли некогда не только в Голландии, но и в Германии.

В действиях принимали участие мастера и музыкальные коллективы. Некоторые и ночевали в шатрах. Отдельные коллективы выступали ежедневно, получая средства от городских властей за работу «по культурному обслуживанию зрителей». Кто-то сам зарабатывал, продавая своё «средневековое» ремесло: например, игрушечные арбалеты. Главное условие участия всех в этом пиршестве и торжестве — соответствие аутентике веков: все должны быть в средневековых костюмах с соответствующей атрибутикой. Шатры оформлялись тоже с подобающей стилистикой. Находясь здесь ежедневно по несколько часов, можно было заметить, что в средневековых костюмах были не только участники данной программы, но и множество горожан. Они приходили сюда в хорошо сшитых и весьма приличных средневековых одеяниях.

Развлечений в Липпштадте хватало. Программа была насыщенной: ежедневно не по одному разу в актовом зале Городской сберкассы «крутили» фильм о Липпштадте; осуществлялись полёты на воздушных шарах, прогулки на каноэ по реке Липпе и экскурсии по городу и его окрестностям, программы для всей семьи; проходил фестиваль органной музыки; практиковались ночной шопинг, ночные концерты и многое другое.

Праздник в Липпштадте отражал опыт проведения крупных фестивалей, накопленный немцами за много лет. Видно было, что порядок проведения таких мероприятий отлажен, выверен и вполне соответствует менталитету среднеевропейского потребителя³.

Чем может ответить Великий Новгород? Какова может быть скрепляющая и объединяющая идея нашего праздника? В Липпштадте им стал проект «Fragile», в котором

«искусство для каждого человека». А что у нас? Этот вопрос пока ещё риторический.

В день отъезда из Липпштадта рабочие энергично погрузили на трейлеры деревянные киоски и куда-то увозили. Точно такие, какие были несколько лет назад в Страсбурге. Кто-то заметил, что повезут их теперь в другой город, на другую ярмарку. Однажды изготовив, их будут теперь использовать в разных городах и с большим успехом. Это достойный пример.

Контейнеры «Fragile» организаторы намерены показать во всех «ганзейских» городах Германии — идея должна отработать своё сполна!

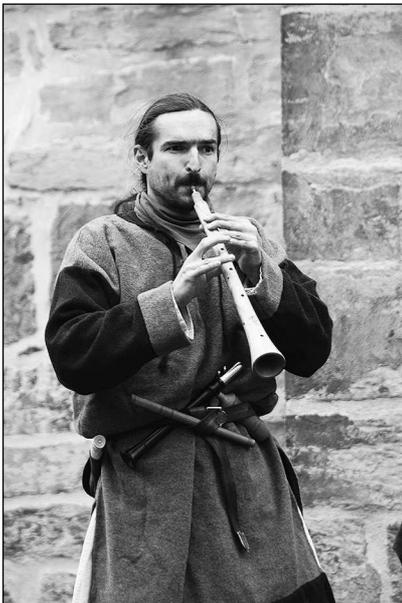
В Новгороде нам часто приходится наблюдать противоположное. Огромные праздники в Витославицах и самом городе (Дни города) часто готовятся как единственный штучный продукт: изготовили оборудование, выложили огромные деньги, провели мероприятие и тут же про него забыли. Нет той необходимой преемственности от праздника к празднику. Ни разу после крупного мероприятия не собрался оргкомитет, занятый в его подготовке, для обсуждения недочётов прошедшего праздника и разработки проекта подготовки следующего. У нас так не принято, так как до следующего крупного мероприятия целый год или полгода и «есть время подумать». А главное, никто не знает, что будет через некоторое время. Кажется, мы просто боимся будущего. Мы боимся заглянуть на несколько месяцев, лет вперёд. Из-за этой боязни и нераспорядительности трудно нам подготовиться к крупному событию заранее.

Ежегодно проходит в Великом Новгороде Международный фестиваль народной музыки и ремёсел «Садко». Мероприятие готовит областной Дом народного творчества с участием Новгородского государственного

³ *Статистика:* В Липпштадте проживает около 70 тысяч человек. Заявки на участие подали 118 ганзейских городов из 15 стран. Из них: 850 официальных делегатов и участников. На Ганзейской ярмарке представлены были 99 городов, которые заняли около 120 киосков. В Средневековом Рынке приняли участие 150 мастеров, в подавляющем большинстве из Германии. В международной музыкальной и культурной программе приняли участие 2000 человек: 95 творческих коллективов из 45 городов десяти стран. «Молодую Ганзу» представляли 93 делегата и около сотни активистов.

объединённого музея-заповедника и многих других учреждений культуры города и области. Международная практика показывает, что подобное мероприятие в общих чертах оговаривается оргкомитетом как минимум за полгода: известны коллективы, намечены спонсоры, определена смета, разосланы предварительные приглашения, подобраны сотрудники и волонтеры для работы как по подготовке, так и по проведению. За 2–3 месяца до мероприятия подписаны все контракты с коллективами на участие в фестивале. И это правильно, так и должно быть.

После проведения такого мероприятия в специализированных журналах или источниках открыто публикуется его смета. Например, по первой просьбе нам предоставили полную смету проведения Ганзейских дней в Оснабрюке в 2006 году. К слову, эту смету любой без труда найдёт в Интернете, где выложена Программа работы всего праздника. Вся информация детализирована на 22 страницах. Смета составила 440 204, 90 евро (приблизительно 14 миллионов 970 тысяч рублей) и даёт полное представление о финансировании всех составляющих праздника в Оснабрюке. В Липпштадте она составила уже 750 000 евро — 26 миллионов 25 тысяч рублей.

За три месяца до начала фестиваля «Садко» в 2007 году в областном Доме народного творчества никто не имел представления о количестве участников, коллективов и смете мероприятия. Через пару месяцев сотрудники смогли сообщить лишь, что «всем занимается Москва, и нам они информацию пока не дали». Хотя по финансированию ясность уже была: 30% необходимой суммы — от федеральных органов культуры, оставшиеся — из местного бюджета. И только недели за две до начала выяснилось, кто и из каких стран собирается приехать на фестиваль в Великий Новгород. Конечно, общая схема фестиваля и приблизительное количество участников были известны за несколько месяцев, но в деталях информация у нас появляется только накануне, что существенно затрудняет работу по проведению таких крупных мероприятий. Ведь необходимо определиться с количеством мест в гостинице, транспортом, точками питания, расписанием выступлений, экскурсий и многим другим.

Что же касается сметы этого Праздника, то она, оказывается, — большой секрет. Никто ни с какими целями не может её узреть.

Для проведения сравнительного анализа трёх фестивалей — американского, тайваньского и нашего в Витославицах — потребовались данные по основным затратам на мероприятия. «Американская» смета свободно напечатана в специализированном журнале. «Тайваньскую» мне обещали прислать, а с новгородской произошёл казус: на просьбу о её предоставлении было сказано, что смета — документ для внутреннего пользования, её нельзя выносить из бухгалтерии и что посторонним она не выдаётся. На официальный запрос

от университетской аспирантуры по этому поводу последовал официальный ответ администрации Дома народного творчества, в котором предлагалось использовать для изучения фестиваля только «материалы, доступные для общего пользования», в которых, конечно, никаких смет не оказалось.

Пришлось пойти другим путём. С бывшим опытным работником Дома народного творчества мы сели и по разным разрозненным и косвенным документам смету эту составили. Но вот что интересно: смета нашего фестиваля как единый документ не существует. Она, возможно, есть, но в уме одного большого начальника. На практике она разбита на несколько подсмет для исполнения теми или иными организациями, участвующими в проведении праздника. И так это сделано, что каждая из этих организаций не имеет представления о смете другой. В общем, ни одна душа, даже самая пытливая, не в состоянии проследить движение средств фестиваля. С какой целью — предположить, наверное, можно. Но если мы не имеем ясной картины по финансам, прозрачной для всех сметы, если она — «государственный секрет», хотя это

только ведомственное местечковое решение, то о какой эффективности работы может идти речь? К тому же, если ясность по участникам фестиваля определяется с точностью в две недели до его начала, то «возмущению» тех, кто этот праздник проводит, нет предела. О каком сравнении с международным опытом можно здесь говорить? Одно утешает: скоро должен выйти в свет закон, не позволяющий скрывать никакие документы от изучения исследователями, если только они действительно не имеют грифа «Секретно».

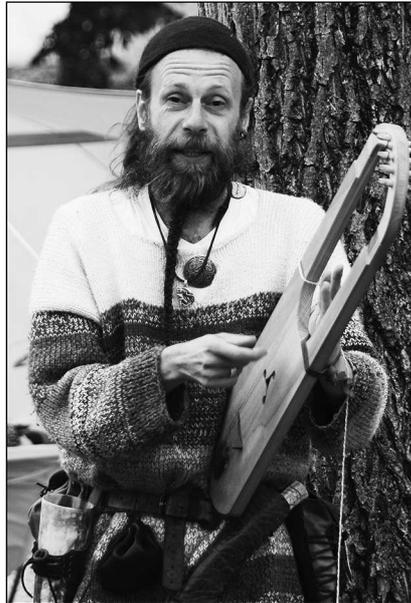
К предстоящему юбилею и Ганзейским Дням Великий Новгород начал готовиться основательно. У города есть всё для того, чтобы эти торжественные мероприятия прошли успешно. Главная отличительная особенность Новгорода — компактный центр, разделённый рекой на две части. Такое устройство городского культурного пространства позволяет удачно приспособить его под любое празднество. Например, Ярославово дворище с прилегающими территориями — удобная площадка для средневекового действия: рынка мастеров, скоморошских представлений с гудощниками и вольничиками, традиционной кухни, костюмированных шествий. Южная часть кремля — хорошее место для детского ярмарочного представления в стиле «мальчика Онфима», а Кремлёвский парк с Софийской площадью — для современных развлекательных мероприятий: от выставок до парадов и шествий, от всяких молодецких забав на пляже до театрализованных развлечений и концертов. Жаль, нет у нас пока пешеходной зоны, подобной той, что есть, например, в Билефельде, где старая ратуша, рынок с фонтанчиком, магазинчики и кафе на каждом углу, и людям не мешает общественный транспорт.

Праздник фольклора и ремёсел в Витославицах накопил огромный опыт работы, и всё это будет, безусловно, использовано при проведении Ганзейских дней и юбилея города.

Любое крупное мероприятие не обходится без накладок и небольших недоразумений. Даже многоопытные немцы не смогли избежать организационных неурядиц.

На одном из сайтов, посвящённых Ганзейским дням в Липпштадте, можно было прочесть: «Участники XXVII Ганзейских Дней, которые с 10 по 13 мая проводятся в городе Липпштадт (Германия), посадят символическое дерево дружбы».

Перед поездкой в Липпштадт последовал звонок из администрации Великого Новгорода с просьбой изготовить тусса для земли и воды, так как во время официальных мероприятий в Липпштадте планируется посадка «интернационального дерева», для чего каждая делегация должна привезти «родную землю и воду». Об этой идее изначально были проинформированы все делегации. Я взялся изготовить берестяной контейнер для родной земли в виде тусса с верёвочной ручкой из мочала. Корпус изделия украсил надписями «Родная земля», «Земля Великого Новгорода», «Земля новгородская в копилку Ганзы», «Земля Великого Новгорода — Липпштадту» и т. д. На валу взял землю, в глиняный сосуд налили воду. Наша делегация подготовилась к мероприятию самым тщательным образом.

Во время работы фестиваля мне не удалось присутствовать на этой акции. Но каково было моё изумление, когда, покидая Липпштадт, уже в автобусе переводчица нашей группы возвратила мне пустой тусс со словами, что акция не состоялась, про неё мало кто знал даже с немецкой стороны, а «родную землю» высыпали в клумбу у гостиницы. Туда же отправилась и «родная вода»! Пожалуй, большего недоразумения, чем такая «накладка», я как мастер, приложивший усилия к подготовке, пока что в своей жизни не встречал. Подобное, казалось бы, совершенно невероятно в международном культурном сотрудничестве.

Трейлерные контейнеры и дороги, как щупальца спрута, опоясывающие всю Землю и не дающие ей «вздохнуть», пожалуй, одна из немногих «идей», объединяющих мировое сообщество.

Контейнер, наполненный хрупким содержанием, — главная идея праздника. Она вполне уютно обкатана в городском пространстве Липпштадта. Она интернациональна, даже глобальна, так как контейнеры теперь доставляют и в космос.

Остаётся заметить, что немецкий городок Липпштадт уже второй раз успешно справился с организацией и проведением огромного праздника. Сможем ли мы в Великом Новгороде, с населением в три раза больше, соответствовать международному уровню? По-моему, у нас есть всё, чтобы ответить оптимистически.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Оформление Ганзейского союза началось с XII века. Центром стал Любек. Термин «Великая Ганза» (объединение, союз) появился в 1356 году. Окончательно союз оформился к 1370 году в составе 80 городов. Ганзейские конторы были в Лондоне, Новгороде, Бергене и других городах. Целью Ганзы была организация активной торговли между востоком, западом и севером Европы по Балтийскому и Северному морям. Расцвет Ганзы приходится на середину XV века. В этот период она объединяла около 160 городов. Ганза просуществовала 500 лет, формально до 1669 года, когда состоялся последний съезд ганзейских городов.

Основные предметы торговли Ганзы — хлеб, меха, кожа, соль, рыба, сало, мёд, воск, медная руда, лес, смола, дёготь, сукно, металлические изделия, вино, предметы роскоши, пряности.

Причины упадка Ганзы: соперничество между отдельными городами союза, а также конкуренция других стран — Англии и Нидерландов, открытие новых морских путей — с Америкой и Индией.

В 1478 году ганзейские купцы были изгнаны из Новгорода.

Из русских городов в систему торговли Ганзейского союза входили Белозерск, Ивангород, Великий Новгород, Псков, Смоленск, Тихвин, Тверь, Великий Устюг, Кингисепп. Но сами эти города никогда не были членами Ганзы.

Международный Ганзейский союз Нового времени был воссоздан в 1980 году. Его участниками стали более 200 городов из 16 стран. С 1993 года Новгород является первым официальным членом этого союза от России.

Ежегодные праздники Новой Ганзы расписаны до 2030 года. Из русских городов в течение этого периода принимать праздник у себя в 2009 году будет только Великий Новгород в год празднования своего 1150-летия.

Фото В.И. Ярыша

А.Ф. Урьева

Новгород лечил мою душу

Об археологии писать не буду. Всем, кто мало-мальски знаком с археологией Древней Руси, ясно, какое место занимает в ней Новгородская экспедиция. Попробую лучше рассказать, какое место занимает Новгородская экспедиция в моей жизни. Впервые я попала сюда в 1970 году, осенью, почти сплошь пасмурной и мокрой. Были, конечно, и солнечные дни, но мне этот месяц запомнился именно дождями. Город, река, церкви — в пелене дождя, и на этом фоне — яркие грозди рябины. Раскоп (Ильинский) — сплошная лужа, где мы, грязные и мокрые, перебирали в ящиках грязные кости, черепки, кожу. Нас, студенток первых курсов, назначили «подпасками» начальников участков, и постижение новгородской археологии начиналось с самой «ненаучной» работы. И всё-таки ощущение сопричастности к раскрытию тайн Великого Новгорода зародилось именно тогда.

Сейчас не помню всех подробностей, но, видимо, именно из-за этих дождей осталось впечатление, что с церквями и монастырями Новгорода мы знакомились по ночам. Хорошо запомнились ночные возвращения из Антонова, Вяжищ, вечерние прогулки по Новгородскому кремлю. От этого возникало чув-

ство какой-то таинственности, каждый такой поход был путешествием в древность, в Новгород далёких времён. Особых знаний я тогда не набралась. Времени у маститых археологов не было, нужно было срочно кончать раскоп. Да и у нас, у студентов, время оставалось только на то, чтобы смотреть вокруг и впитывать всю эту красоту и волшебство. Но осталось ощущение возможности мгновенного погружения в древность. А потом я приехала в Новгородскую экспедицию в 1977 году, уже обученной и направленной (судьбой или случаем) в дендрохронологию. Я уже работала в лаборатории Бориса Александровича Колчина, уже слышала великолепные лекции Валентина Лаврентьевича Янина о древнем Новгороде. И вот, после семилетнего перерыва, на новой базе, только что отстроенной, начался мой Новгород, который на протяжении 17 лет был моей взрослой жизнью (как моей студенческой жизнью был Смоленск).

Новгород, каким он навсегда остался для меня, — это церкви, фрески, сочетания древних и современных названий улиц (тогда это было редкостью), наш Знаменский собор, столовая (она же клуб и лекционный зал), постоянное ожидание вестей с раскопов

Троицкие IX–X раскопы.
Начало 1990-х гг.

(первый вопрос — «Что нашли?», а оптимисты сразу спрашивали, где сегодняшняя грамота). Мы с Людмилой Авиловой сидим на базе и ширину древесных колец мерим. Занятие довольно нудное, но потом, когда осознаешь, что все эти постройки при твоём участии погружаются в конкретное время и потом сами могут рассказать что-то об этом времени, даже уважение к себе испытываешь.

Вообще я думаю, что вся жизнь Новгородской экспедиции протекала как бы в двух измерениях. Жили одновременно во второй половине XX века и в тех веках, что открывались вещами, домами, участками древнего города, письмами его жителей, дошедшими к нам из-под земли, церквями и древней живописью. Со всех сторон нас окружали свидетели тех времён.

Обычный день в экспедиции. Встаёшь утром (иногда с трудом) и идёшь на базу колечки мерить. И вот сидим вдвоём и цифрами перекидываемся. А в этой же комнате — художники, молодые ребята, находки зарисовывают. Их работа молчания не требует, и весь день проходит в разговорах, но под наш цифровой аккомпанемент. Некоторые быстро привыкают, у некоторых, менее спокойных, нервы взывают. Но в результате приходится мириться друг с другом и с обстоятельствами. В общем, обычная работа в слегка стеснённых условиях. Но в эти же дни — вести с раскопа о новой грамоте, её предварительное чтение в присутствии тех, кому удалось пробиться в комнату, где грамоту разворачивают. Но даже если грамоты нет, интересные находки будут обязательно. В конце недели все эти находки оживают в рассказах Валентина Лаврентьевича и Андрея Анатольевича, вписываются в стройную картину жизни древнего Новгорода. В общем, и обычная работа, и ежедневное чудо.

Мне вспомнился один эпизод. Собственно, он и не забывался и всплывал в памяти время от времени. Б.А. Колчин рассказывал на заседании Сектора славянской археологии в Институте археологии о новгородских находках. Говоря о реставрированных гуслях, он воскликнул (именно воскликнул): «И, представляете, они звучат!». И ещё раз: «Гайда Андреевна, они звучат!». Кто же лучше мог понять его чувства, как не Гайда Андреевна, отдавшая столько лет Новгороду? Борис Александрович был непростым человеком.

Существовало мнение, что ему на всё наплевать. Но, согласитесь, этот эпизод не вписывается в сложившееся представление. Я тогда услышала в его голосе неподдельное счастье. Многих уже нет, а вспоминаешь те времена, и все живы, и ты на несколько десятков лет моложе. Может, счастье моей жизни в том, что, когда не хватает радости сейчас, можно вспомнить что-то хорошее оттуда, из прошлой жизни, и улыбнуться.

Зачастую благодаря Новгороду я начинала по-другому воспринимать людей. Только здесь я узнала по-настоящему Александра Филипповича Медведева как человека по-детски наивного и доброго, очень одинокого в то время и легко ранимого. Лечить свои душевные раны он приехал в экспедицию, здесь же и кончил свои дни. Светлая память тем, кого уже нет. Мне трудно представить Новгородскую экспедицию тех лет без тёти Сони. Софью Андреевну студенты побаивались ещё до первого посещения столовой на базе (слухами о нашей поварихе земля полнилась). Была она жёсткой, даже деспотичной, могла всерьёз обидеться на то, что народ на ужин не идёт, а с какой-то находкой носится. На неё обижались, к ней же бегали поговорить о жизни. У неё были свои представления о справедливости, не всегда совпадавшие с нашими. Но никого из «новгородцев» из своей памяти не вынешь, не выкинешь.

Новгород дал мне друзей. С некоторыми сейчас почти нет общения, но я бесконечно благодарна судьбе за то, что она меня с ними свела. Не буду называть имён, всех не перечислишь, а мне все дороги. Сколько раз Новгород лечил мою душу. И как сейчас тяжело без этого лекарства. А ещё у нас были общие дети. Думаю, родители не обидятся, но когда они играли во дворе базы, они были именно общими детьми, неотъемлемыми от нашей жизни. Мы знали их привычки, капризы, их взаимоотношения. При мне появилась и первая экспедиционная внучка, солнечная Тотошка.

Ну, вот, получилось, наверное, не то, что я хотела бы высказать. Я хочу лишь, чтобы всегда была Новгородская экспедиция. Пусть сейчас там всё по-другому, всё изменилось, выросли новые археологи. Но пусть по-прежнему там ежедневно переплетаются древность и наше время, пусть Экспедиция станет жизнью для тех, кто туда приезжает, и пусть долго-долго живут те, благодаря кому она существует.

Н.И. Морылёва

«Да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу...»

...Среди равнины полудикой
Он видит Новгород-великой.
Смирились площади — среди них
Мятежный колокол утих,
Но бродят тени великанов:
Завоеватель Скандинав,
Законодатель Ярослав
С четою грозных Иоаннов,
А вокруг поникнувших церквей
Кипит народ минувших дней.

А.С. Пушкин «Путешествие Онегина».

В 2009 году мы будем праздновать 1150-летие Великого Новгорода. Но уже задолго до этого юбилея Центр изучения культуры, объединивший преподавателей НовГУ им. Ярослава Мудрого и учёных, занятых проблемами новгородики в разных областях гуманитарных наук, обратился к разработке проекта «Великий Новгород в мировой и отечественной истории и культуре», поддержанного Министерством образования и науки РФ в рамках программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006—2008)». Одной из важных составляющих этого проекта стало издание книг, представляющих учёным, студентам и всей читающей публике результаты научных исследований и архивных разысканий, проводимых Центром. Серия «Новгородская историческая библиотека» началась с книги С.Н. Азбелева «Устная история Великого Новгорода» (2006). Для книг этой серии характерно наличие богатого справочного аппарата, обширных библиографических списков, помогающих ориентироваться и в заданной теме, и в содержании самой книги. Несмотря на скудность местной полиграфической базы, мягкий переплёт, хотелось бы отметить хорошее качество печати и наличие художественного оформления. Использование заставок, вignetок, оформление колонтитула, рисунки (художники В. Попович, И. Чижикова) — всё отсылает нас к русской традиции книгоиздательства XIX — начала XX веков. Ещё один радующий элемент книгоиздательской культуры — наличие продуманной, привлекательной, яркой суперобложки, доносящей до нас зрительное представление об эпохе, которой посвящено конкретное издание. В 2007 году появились ещё две книги этой серии.

Коваленко Г.М. Великий Новгород в европейской письменности XV — начала XX вв. НовГУ им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2007. — 216 с. — (Новгородская историческая библиотека).

Автор издания Геннадий Михайлович Коваленко, специалист по русской истории XVII — XVIII вв. и русско-скандинавским отношениям, уже давно занимается выявлением и исследованием комплекса сведений о Великом Новгороде в памятниках европейской письменности.

В Европе XV — начала XVIII вв. о нашем городе знали больше, чем о многих других городах. Происходило это благодаря его пограничному расположению, нахождению

на пересечении торговых путей и постоянному участию в разнообразных европейских контактах. Правда, отдельных сочинений, посвящённых исключительно Новгороду, не существует. Весь материал, на основе которого написана книга, вычленен из писем, дневников, воспоминаний, путевых заметок, историко-публицистических трудов дипломатов, купцов, путешественников, литераторов, военных, врачей, авантюристов самых разных национальностей, которые в ходе своего пребывания в России посетили и Новгород.

Книга состоит из пяти глав, в которых последовательно век за веком рассматривается эволюция восприятия авторами истории нашего города. В XV веке Новгород зафиксирован «таким, каким он был в лучшее время своей жизни». В XVI веке иностранцы видят его «как рынок целой империи», описывают его «богатейшим и знаменитейшим». Тогда же возникает тема противостояния с Москвой, где иностранный наблюдатель принимает сторону Новгорода. В XVII веке, по-прежнему оставаясь в сознании европейца «поныне славным торговлей и богатством», образ его начинает трансформироваться, превращаясь к XVIII и особенно к XIX веку лишь в «тень великого имени», которая, тем не менее, привлекает внимание европейских либералов как яркий пример противостояния республиканского и самодержавного правления. Осколки этого культурно-исторического мифа: Новгород — антипод самодержавия, некоторые иностранные авторы пытаются разглядеть и в провинциальном центре Российской империи. На рубеже XIX—XX веков мемуаристов начинает интересовать не только славная история Новгорода, но и его культура, памятники искусства, система образования, праздничное и будничное времяпрепровождение горожан. В приложении представлено несколько свидетельств иностранных граждан, побывавших в Новгороде в 30-х и 50-х годах XX столетия, а также даны биографические справки на всех авторов, чьи печатные материалы использованы в ходе подготовки этого издания.

Нередко иностранные наблюдатели являют нам чересчур тенденциозный, предвзятый образ России, воспринимая её как экзотическую, слишком отличную от европейских культурных традиций или политически опасную страну. Незнакомый или плохо знакомый с историей страны, не владеющий языком, столкнувшийся с чуждыми ему явлениями русской жизни иностранец часто не мог беспристрастно оценить их и описать. Но как бы то ни было, весь комплекс этих свидетельств, собранных воедино, позволяет увидеть Новгород разных веков глазами очевидцев, представить повседневную жизнь русского города, русского человека, увидеть некоторые детали быденной жизни глазами стороннего наблюдателя, обращающего внимание на то, что выпадает из поля зрения местного жителя. И самое главное, понять, как, из каких деталей складывался образ России на Западе на протяжении многих веков и какие пути преодоления существующих негативных стереотипов возможны. Ведь имидж страны по-прежнему, как и в прошлые века, влияет на принятие политических, экономических решений правительствами других стран.

Дневник Андреса Траны 1655–1656. Anders Tranas dagbok / сост. Г.М. Коваленко; пер. с шведск. А.М. Галиновой; НовГУ им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2007. — 128 с.

Этот дневник по тематике примыкает к книге Коваленко, тем более, он же и выступает составителем этого билингвального издания. Здесь параллельно, на шведском и на русском языках представлены страницы дневника, описывающие путешествие члена шведского посольства Густава Бьельке, отправленного шведским королём к Алексею Михайловичу для подтверждения

Столбовского мира. Дневник этот хранится в библиотеке Упсальского университета и рассказывает о пути посольства из Стокгольма в Москву через Ригу, Новгород, Псков, Торжок, Тверь, фиксируя все события и впечатления. Особые подробности касаются пребывания в Москве, что делает дневник интересным источником по истории Московского государства этого периода. Книга снабжена комментариями переводчика, именным и географическим указателями, итineraryм посольства Г. Бьельке и приложением, содержащим отрывок из дневника неизвестного шведа, участвовавшего в посольстве 1655–1658 годов.

Содержащим отрывок из дневника неизвестного шведа, участвовавшего в посольстве 1655–1658 годов.

Археология Новгородской области. Вып. 1: библиогр. указ. / сост. Е.В. Торопова, Е.Е. Фролова; науч. ред. В.Л. Янин; НовГУ им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2007. — (Bibliotheca Archaeologica Novgorodiana).

Этим библиографическим указателем открывается ещё одно серийное издание Центра изучения культуры по археологии и истории археологического изучения Новгородской земли «Bibliotheca Archaeologica Novgorodiana». В него включены сведения о публикациях по археологии, истории, архитектурной и церковной археологии, истории науки и антропологии Новгородской области. Описания 781 издания, среди которых научные и научно-популярные книги, статьи и заметки, расположены в хронологическом порядке с 1808 по 2006 годы, а внутри каждого года — в алфавитном порядке. Часть описаний сопровождается аннотациями или краткими рефератами. Указатель предназначен прежде всего для научных

работников, преподавателей и студентов. Больше половины объёма издания — различные вспомогательные указатели, которые помогают свободно ориентироваться в библиографических записях. Здесь наряду с типичными указателями: авторов, персоналий, заглавий, просмотренных источников, экспедиций, можно найти указатель памятников по категориям, в котором материал располагается по районам, в соответствии с современным административно-территориальным делением Новгородской области. Географический указатель, содержащий названия пунктов привязки памятников, гидронимический указатель, включающий названия водных объектов, упомянутых в литературе при описании памятников. Есть указатели полевых исследований (разведок и раскопок) и антропологических материалов. Указатель по истории науки отражает как деятельность отдельных учёных и краеведов, так и материалы по истории изучения памятников. Всё это показывает высокий научный уровень работы, проделанный составителями, которые уже занимаются подготовкой следующего выпуска.

Указатель по истории науки отражает как деятельность отдельных учёных и краеведов, так и материалы по истории изучения памятников. Всё это показывает высокий научный уровень работы, проделанный составителями, которые уже занимаются подготовкой следующего выпуска.

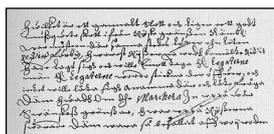
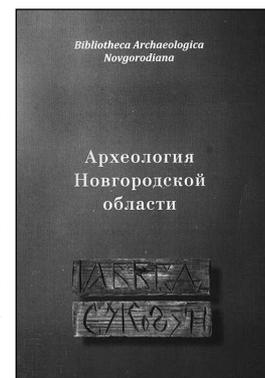
Хронограф новгородской книжности и просвещения XI–XX вв. / сост. С.Н. Азбелев, Г.М. Коваленко, С.А. Коварская, И.И. Колеганова, Р.П. Макейкина, Н.И. Морылёва, Е.В. Откидач, Н.С. Федорук; НовГУ им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2006. — 69 с.

Коллектив составителей впервые попытался дать общую хронологическую картину развития книжности и просвещения в Новгородском регионе, начиная с XI века и до момента образования Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого в 1993 году.

История смогла донести до нас сохранившиеся в недрах новгородской земли берестяные грамоты. Подавляющее большинство берестяных грамот — это частные письма, но есть и ученические упражнения, азбуки, реестры, тексты церковного содержания. находка Новгородской Псалтыри, древнейшей на настоящий момент книги и в то же время учебного пособия, позволила составить представление о том, как шло обучение грамоте на основе постижения библейских текстов.

Время датировки самых древних берестяных грамот и Новгородской Псалтыри — рубеж X–XI веков. Это позволяет с полным основанием утверждать, что традиции книжности и просвещения насчитывают на Новгородской земле уже 1000 лет.

Священное писание, книги были краеугольным камнем древнерусского образования. С них начиналось обучение грамоте, и достигшие особых успехов в её постижении ученики, становясь священниками, монахами, профессиональными писцами, приступали к созданию всё новых и новых текстов. Причём несмотря на то, что сам библейский текст был неизменным, каноническим, всё равно каждая книга была новым оригинальным творением, в которое переписчик вкладывал весь свой духовный опыт и талант каллиграфа. Завершал облик новой книги оклад, который часто становился жемчужиной ювелирного искусства, яркий пример — оклад Мстислава Евангелия, украшенный в 1125 году в Царьграде. Из-под пера

Дневник Андреса Траны
1655 - 1656
Anders Tranas dagbok

ХРОНОГРАФ
НОВГОРОДСКОЙ
КНИЖНОСТИ
И ПРОСВЕЩЕНИЯ
XI–XX вв.

новгородцев вышло немало богослужебных книг: апостолы, ирмологии, минеи служебные, псалтири, служебники; текстов Священного писания, среди которых и Остромирово Евангелие, и Евангелие Тишинича, и Новгородское Евангелие 1575 года. Создавались летописные своды, оригинальные литературные произведения, например «Поломник» Добрыни Ядрейковича, побывавшего в Константинополе до его разграбления крестоносцами в 1200—1204 годах, или «Рукописание Магнуша», публицистическое сочинение, предостерегающее северных соседей Руси — шведов и норвежцев — от войны с Русским государством. Благодаря им до нас дошли бытовавшие в Новгороде устные местные сказания: «Сказания о битве новгородцев с суздальцами» или «Повесть о посаднике Щиле»; жития святых: Варлаама Хутынского, Антония Римлянина, Михаила Клопского, Саввы Вишерского. Основной массив богослужебных, четых, келейных книг, использовавшийся в церквях и монастырях Новгородской епархии, несомненно, создавался в Новгороде, который постепенно становился центром распространения православия, а с ним и грамотности. Такие новгородские монастыри, как Лазаревский, Антониев, Пантелеймонов, Лисицкий были новгородскими книжными центрами. Усилиям новгородских иерархов создавались скриптории, переводились с греческого языка, с латыни труды отцов Церкви, библейские тексты, осуществлялись грандиозные проекты: Геннадьевская Библия, ставшая первой полной Библией в России; Макарьевские Великие Четы Миней, созданием которых была решена задача свести воедино все тексты, необходимые для ежедневного чтения православного человека в течение года.

Одним из таких проектов стало открытие по инициативе митрополита Новгородского и Великолукского Иова в 1706 году греко-славянской школы, в которой преподавали братья Лихуды.

Традиция систематического высшего гуманитарного образования в Новгороде с этого момента не прерывается уже 300 лет. Она продолжилась Новгородской духовной семинарией, открытой в 1740 году; Новгородским государственным педагогическим институтом, существовавшим в Новгороде под разными названиями, начиная с 1918 года, а ныне Гуманитарным институтом и Институтом непрерывного педагогического образования в составе Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Это образовательное учреждение было создано на основе всех высших учебных заведений Новгорода. Поэтому основные хронологические этапы становления и дальнейшего развития всех институтов нашли отражение на страницах «Хронографа...». В приложении дан поименный список всех ректоров высших новгородских учебных заведений.

Появление светских образовательных учреждений приходится на конец XVIII — начало XIX веков. С этого момента развитие системы церковного и светского образования идет параллельно. Сеть духовных училищ, церковно-приходских и земских школ, училищ Министерства народного просвещения широко распространяется по новгородской губернии, что отражено в хронологии XIX — начала XX веков. Появляются образовательные учреждения, дающие профессиональное образование. Книжное, а с ним и библиотечное дело переживают в это же время свой расцвет.

Обширный список литературы, более 60 названий, показывает те источники, которыми пользовался авторский коллектив, создававший «Хронограф...», а пытливым читатель с помощью указанных изданий сможет значительно

расширить свои представления по темам, связанным с историей книжности и просвещения в нашем регионе.

Небольшой словарь, размещённый в конце издания, поможет разобраться современному читателю в малоизвестной для него области — многообразии церковных, богослужебных и четых книг.

«Хронограф новгородской книжности и просвещения XI—XX вв.» является первым опытом подобного издания. Несомненно, в нём имеются пробелы, многие вопросы требуют дальнейших исследований и разысканий. Сейчас к выпуску готовится второе, дополненное и переработанное издание «Хронографа...»

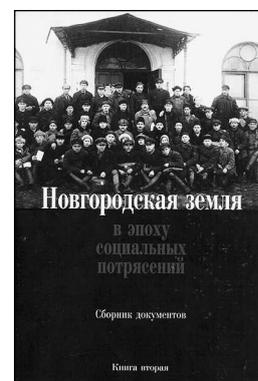
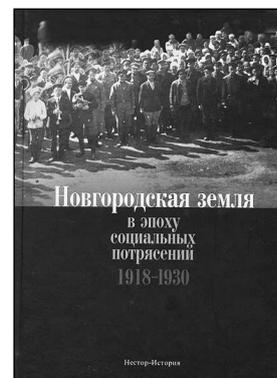
Новгородская земля в эпоху социальных потрясений. 1918—1930 гг. Сборник документов в двух книгах. Книга первая / Отв. ред. С.В. Яров. — СПб.: Нестор-История, 2006. — 344 с.

Новгородская земля в эпоху социальных потрясений. Сборник документов в двух книгах. Книга вторая / Отв. ред. Т.М. Воронина; Вступ. ст. и сост. С.В. Яров. — Великий Новгород: Виконт, 2007. — 336 с.

В сборнике опубликованы документы, хранящиеся в Государственном архиве новейшей истории Новгородской области (ГАНПИНО), ранее не доступные исследователям. В первой книге представлены стенограммы беспартийных крестьянских конференций, информационные доклады партийных органов, политические сводки ОГПУ, доносы, заявления о вступлении и выходе из Коммунистической партии, жалобы, закрытые письма руководителей разных ведомств. 259 документов отражают период с 1918 по 1930 годы. Во вторую книгу сборника включены 150 документов, охватывающих период с 1927 по 1940 годы. В них особое внимание уделено переломному 1927 году, когда обострились экономические и внешнеполитические проблемы СССР, показу общественных настроений накануне войны. Это фрагменты протоколов, сводок, стенограмм, писем, циркуляров, листовок, обращений, жалоб, доносов.

Весь комплекс документов, позволяющий понять природу и инструменты того политического режима, который определял развитие России до конца XX века, разделён на две части — «Общество» и «Власть».

Давая определенный исторический срез всего общества переломной эпохи, рисуя баланс взаимоотношений между обществом и властью, эти источники в то же время дают возможность проникнуть в психологию конкретного человека, «на плечи которого бросился», по образному выражению О. Мандельштама, «век-волкодав», сломав, сдвинув, перевернув уклад жизни, нравственные духовные ориентиры. В публикуемых документах, записанных как очевидцами, так и составленных с чужих слов, отразились и реальные происшествия, и слухи. Картина, нарисованная в них может быть и правдивой, и искажённой заинтересованными лицами, причем не столько из-за злого умысла, сколько из-за уровня их развития, кругозора, логики, чувства самосохранения. Из целостности всех

этих мозаичных, фрагментарных документов, рисующих настроения различных слоев населения Новгородской области, проанализированных, критически осмысленных, соотнесённых с другими фактами, для пытливого исследователя может сложиться целостная гигантская фреска жизни людей и общества пореволюционного и предвоенного времени в нашем регионе.

Поиском и отбором документов, подготовкой текстов к публикации занималась группа исследователей: Т.М. Воронина, И.Р. Искра, С.А. Коварская, С.Д. Трифонова, А.Н. Чистяков, С.В. Яровой. Комментарии к отдельным документам подготовлены А.Н. Чистяковым.

Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Серия «Гуманитарные науки». Спец. вып., посвящённый 1150-летию Великого Новгорода. — Великий Новгород, 2006, № 38. — 87 с.

Выпуск содержит материалы исследований новгородских, московских, петербургских учёных в области археологии, истории и источниковедения, культурологии и народной культуры.

Комплексы археологических находок, полученных в результате многолетних раскопок Новгорода, анализируются и рассматриваются в статьях: А.Е. Мусина, М.И. Петрова, Е.А. Рыбиной, О.А. Тарабардиной, Е.В. Тороповой.

Обзор документов петровской эпохи из архива Санкт-Петербургского института истории РАН дан в статье Е.В. Анисимова и Т.А. Базаровой. Т.А. Джаксон рассматривает топоним No'imgaro'г и его бытование в источниках древнескандинавской письменности, пишет об образе Новгорода, существовавшем в сознании средневекового скандинава.

С образом Великого Новгорода, созданным в сочинениях зарубежных авторов XV—XX веков, знакомит публикация Г.М. Коваленко.

Проблема возникновения Новгорода и его место в политической системе Руси X — первой половины XII вв. рассматривается в статье М.Б. Свердлова.

Отдельные аспекты новгородской истории первых лет советской власти отражены в статьях А.Н. Чистякова и С.В. Ярова.

К фольклорному архиву НовГУ обращаются О.С. Бердяева, Е.В. Мусатова и Л.А. Янтра, рассказывая о новгородских посиделках.

Особенности бытовой культуры новгородских старообрядцев, являющейся результатом их особого мировосприятия, проанализированы в статье Т.А. Воскресенской.

Особый тип дома, так называемый «мстинский», рассматривает в своей публикации М.И. Васильев.

Связи творчества современных художников с древнерусским искусством посвящена статья Т.В. Володиной.

Проблему социокультурной идентичности рассматривает Т.В. Линицкая, анализируя новгородскую художественную культуру XV века.

Изучение политико-культурного наследия Великого Новгорода и его «присутствие» в современной социальной памяти российского общества — вот вопросы, которые разрабатывает в своей теоретико-методологической статье К.Ф. Завершинский.

Анализируя статьи из ряда общероссийских СМИ

2003—2006 годов, Т.Л. Каминская приходит к выводу, что необходима особая программа по созданию и продвижению имиджа Великого Новгорода.

Особого внимания заслуживает открывающая «Вестник» статья «Роль Новгорода в отечественной истории» академика В.Л. Янина.

Автор делает вывод о том, что в Древней Руси существовало два ядра новой государственности, возникших независимо друг от друга: «Русская земля», политическим центром которой стал Киев, и Северо-Западная Русь с центром в Новгороде. Их объединение в конце IX века с передачей верховенства Киеву, но с сохранением доковольностей Новгородом, становится фундаментом Древнерусского государства, получившего позже название Киевская Русь.

Показывая, что присоединение Новгорода к Москве было не столкновением демократизма с деспотизмом, а столкновением двух однородных сил феодализма, в результате которых новгородская боярская власть не получила поддержки народа, Янин считает, что именно события 1477—1478 годов сыграли выдающуюся роль в истории нашего Отечества. Именно они превратили Русское государство в Российское национальное государство. «Как прежде, Киевская Русь встала объединением Новгорода и Киева на две ноги, так и теперь Россия обрела своё государственное могущество на основе объединения Москвы и Новгорода».

Расцвет Новгорода в XVI веке доказывает, что упадок Новгорода произошёл не в результате его присоединения к Москве, а в результате изменения системы торговых связей, усугублённой жестокими деяниями опричнины Ивана Грозного и шведским разорением XVII века.

«В Новгороде есть чему поучиться и нам, людям, озачинным развитием культуры и поддержанием лучших её традиций, освоением опыта наших далёких и не столь далёких предков. В этом отношении Новгород по праву может быть назван лабораторией опыта», — определяет В.Л. Янин значение современного Новгорода.

Новгородика-2006: К 100-летию академика Д.С. Лихачёва: материалы науч. конф. 20—22 сент. 2006 г. — Великий Новгород, 2007. Ч. I. — 352 с.

Новгородика-2006: К 100-летию академика Д.С. Лихачева: материалы науч. конф. 20—22 сент. 2006 г. — Великий Новгород, 2007. Ч. II. — 216 с.

Двухтомник содержит материалы докладов и сообщений, сделанных в рамках первой международной конференции «Новгородика». В сборник включены работы известных учёных, начинающих исследователей, краеведов, объединённые единой тематикой, — изучением историко-культурного наследия Великого Новгорода и его значения в отечественной и мировой истории.

Все материалы сборника разделены на четыре достаточно условных раздела, что объясняется междисциплинарной формой конференции, для которой характерно слияние в рамках работы одной секции (а их было семь) докладов участников, представляющих различные отрасли научного знания: словесность, история, социальная и культурная антропология. Первый раздел охватил материалы пленарного заседания, на котором были рассмотрены вопросы, касающиеся истории изучения Новгородской земли, роли Новгорода в общерусском контексте. Особая дань памяти была отдана академику Д.С. Лихачёву, так как именно в 2006 году исполнилось 100 лет со дня рождения этого ученого, внесшего огромный вклад в изучение культуры и истории Новгорода.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

ВАСИЛЬЕВ Валерий Леонидович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

ВАСИЛЬЕВ Михаил Иванович, доцент кафедры теории и истории культуры, научный консультант учебно-научной лаборатории этнологии и истории культуры НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Валерьевна, аспирантка, учебный мастер кафедры теоретической и прикладной лингвистики НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

ВИХРОВА Нина Николаевна, доцент кафедры педагогики и методики начального образования НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

ВОЛОДИНА Татьяна Владимировна, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник НГОМЗ, доцент кафедры художественной и пластической обработки материалов НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

ГАЛИНОВА Анастасия Михайловна, аспирантка, ведущий документовед учебно-научной лаборатории нордистики НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

КОВАЛЕНКО Геннадий Михайлович, кандидат исторических наук, доцент НовГУ им. Ярослава Мудрого, заведующий отделом истории Новгорода Санкт-Петербургского института истории РАН, г. Великий Новгород.

КОЛЬ Иоганн Георг (1808—1878), немецкий путешественник и географ.

ЛЁФСТРАНД Элизабет, преподаватель кафедры славянских языков Стокгольмского университета, г. Стокгольм.

МОРЫЛЁВА Наталья Ивановна, главный библиотечарь научной библиотеки НовГУ им. Ярослава

Мудрого, г. Великий Новгород.

ПОВЕТКИН Владимир Иванович, директор Центра музыкальных древностей, заслуженный работник культуры России, Почётный гражданин Великого Новгорода, г. Великий Новгород.

РЫБИНА Елена Александровна, доктор исторических наук, действительный член НОЛД, профессор МГУ, г. Москва.

САВИНОВА Ирина Дмитриевна, член Союза журналистов России, г. Великий Новгород.

СЕКРЕТАРЬ Людмила Андреевна, старший научный сотрудник НГОМЗ, г. Великий Новгород.

ТИМОН Наталья Георгиевна, младший научный сотрудник НГОМЗ, г. Великий Новгород.

ТРОЯНОВСКИЙ Сергей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПб Института истории РАН, заведующий Центром по организации и обеспечению археологических исследований НГОМЗ, заместитель председателя НОЛД, г. Великий Новгород.

УРЬЕВА Алла Фавишна, археолог, г. Хайфа, Израиль.

ФИЛИПPOBA Людмила Андреевна, действительный член НОЛД, г. Великий Новгород.

ЦВЕТКОВ Михаил Александрович, преподаватель, г. Великий Новгород.

ЯДРЫШНИКОВ Владимир Алексеевич, старший научный сотрудник отдела хранения архитектурных памятников НГОМЗ, г. Великий Новгород.

ЯКОВЛЕВ Дмитрий Евгеньевич, руководитель проектной группы Центральных научно-реставрационных проектных мастерских, г. Москва.

ЯРЫШ Владимир Иванович, руководитель студии декоративно-прикладного искусства «Новгородская береста» Городского дворца культуры, член Союза художников России, аспирант НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

Перепечатка материалов и использование их в любой форме разрешается по согласованию с редакцией, ссылка на «Чело» обязательна. Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов.

Адрес редакции:

173003, Россия, Великий Новгород, ул. Саши Устинова, д. 1, каб. 6507.
Телефон: (8162) 62-75-85, E-mail: chelo@list.ru

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. номер 013934.
Подписано в печать 15.10.2008. Заказ № 8338. Бумага 80 г/м².
Тираж отпечатан в типографии ООО «Печатный двор «Великий Новгород».

Над номером работали:

Главный редактор — Е.В. Барканова
Ведущий редактор — Е.М. Ипатова
Инженер-программист — И.П. Смирнова
Редактор отдела — Н.Б. Пшанская
Редактор отдела — М.К. Кулиничева

Художественное оформление:

В.И. Поветкин
И.А. Чижикова